
ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В столовой № 2 шахты «Кочегарка» в Горловке (Донбасс).

Фото С. Раскина.

На первой странице обложки: На лыжную тренировку. Студентки 1-го курса Киевского педагогического института Тамара Худякова (слева) и Нила Шумская.

Фото Н. Козловского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 51 (1384)

20 ДЕКАБРЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Пришла спортивная зима

Прекрасная, полная бодрости пора! Проложены первые лыжни, прозрачный лед прочерчен лезвиями коньков. Мелькает черная резиновая шайба по простору хоккейного поля, смелый юноша устремляется с вершины крутой горы вниз, ловко петляя между флажками...

Первые старты зимних соревнований были даны в Новосибирске, Омске, Челябинске, Свердловске, а теперь уже на всем пространстве Советской страны проходят массовые соревнования лыжников и конькобежцев. Готовы к большому сезону, насыщенному рядом интересных встреч, лучшие скороходы, лыжные гонщики, слаломисты и прыгуны с трамплина, а сильнейшие хоккейные команды уже ведут борьбу за почетный титул чемпиона СССР.

Спортивная зима вступила в свои права.

Новосибирские лыжники готовятся к соревнованиям.

Фото П. Вознесенского и В. Лещинского (ТАСС).

Юные конькобежцы города Горького на тренировке.

ГЕНКИНА БРИГАДА

Вас. ФЕДОРОВ

Перед литейным цехом Воронежского экскаваторного завода разбит небольшой скверик. В обеденный перерыв подышать свежим воздухом, поговорить друг с другом собираются литейщики. Приходит сюда и начальник пролета Сергей Игнатьевич Вожейко. Высокий, с крупным лицом, он садится на скамейку и не то смотрит на клены, не то обдумывает свои дела. Люди, имеющие дело с чугуном и сталью, редко бывают сентиментальными. Но здесь, в скверике, Сергей Игнатьевич способен расчувствоваться. А секрет прост: рождение сквера у него крепко связалось с рождением интересной технической мысли.

Еще весной никакого сквера не было. Между литейным и модельным громоздились навалы желтой глины. Однажды сюда пришел только что выпущенный экскаватор. Огромный, с длинной стрелой и ковшом емкостью в кубометр, он развернулся и приступил к работе. В обеденный перерыв посмотреть на его работу вышли рабочие цеха, мастера, начальники двух пролетов — Вожейко и Засыпкин. Наблюдая за тем, как тупые зубья ковша врезались в глину, литейщики шутили:

— Сила! А ведь он почти весь нами отлитый!

В эту минуту литейщики были склонны преувеличивать свои заслуги. Спору нет, многие детали прошли через литье. Ковш, например. Вожейко посмотрел на ковш и на его литой стенке увидел толстую стальную накладку, прихваченную большими заклепками.

— Нет, ребята, не весь! — сказал он почти с сожалением.

Ковш то вскидывался вверх, то опускался к вязкой глине. В глазах мелькали головки больших заклепок.

К этому времени на счету Вожейко было несколько удачных рационализаторских предложений. У него уже начала вырабатываться интуиция рационализатора, та особая интуиция, которая помогает человеку даже в самой мелочи находить большие возможности. «А что, собственно, делает эта тяжелая накладка?» — спросил он себя. Он присел и стал наблюдать. Ковш опустился, двинулся, накладка заскользила по земле. «И только-то?!» Кто-то захихикал, но Вожейко не обратил внимания. Кончился обеденный перерыв — начальник пролета не заметил и этого. Он уже прикидывал, как заменить лишнюю деталь цельным литьем. В этот же день он посоветовался с технологом Квитчастым, который отвечал за рационализацию в цехе. Молодой технолог ответил не сразу. Он долго теребил свой рыжеватый с кудряшками чуб, хмурил белесые брови.

— Знаешь, — сказал он наконец, — это ведь изменение серьезное. Сходи-ка ты к главному конструктору. А экономию мы сейчас подсчитаем. Я лично — за!..

На раздумье и подсчеты ушло несколько дней. По подсчетам выходило, что, кроме снижения трудоемкости, предложение даст за год экономии металла почти на целый экскаватор. Через неделю Вожейко сидел в кабинете главного конструктора Волкова. В то время все конструкторы работали над улучшением машины, над уменьшением ее веса, поэтому рационализатор был принят особенно радушно. Волков был средних лет, с темными усами на бритом лице. За его спиной Вожейко увидел на стене огромную карту Советского Союза и стран народной демократии. На ней были отмечены районы, в которых работали экскаваторы воронежского завода. Каждая машина обозначалась черной смородинкой. Десятки таких смородинок образовывали тяжелые гроздья. Под Варшавой — гроздь, под Будапештом и Бухарестом — по грозди. И так вся карта, от Софии до Иркутска, вызрела ими. Казалось, что великие русские реки изгибаются под их тяжестью. Дальше уже ничего не было видно, потому что почти весь восток был закрыт пышной прической главного конструктора, который искал нужный чертеж и говорил:

— Нам теперь каждая мысль дорога. Машину нашу можно сравнить с ожиревшим человеком. Сбросит жирок — одну — две тонны — и станет крепче... Ах, черт побери, чертежа-то нет! Ты посиди здесь, я сейчас принесу... — И Волков ушел в большой конструкторский зал.

Вожейко остался один. Часть карты, которую закрывала голова главного конструктора, теперь открылась. Десяток черных смородинок докатился до Владивостока, больше десятка — до Пекина. Вожейко улыбался. Разговор с Волковым вселил в него уверенность, что предложение будет принято немедленно. Шутка ли — сэкономить почти на целую машину! Глядя на карту, он мысленно представлял, к какой грозди прилепится новый кружочек.

Главный конструктор принес чертежи, с обреченным видом развернул их перед Вожейко и сказал:

— Боюсь, что ничего не получится.

Вожейко даже подскочил, готовый заспорить и доказать обратное, но Волков его остановил:

— Ты послушай. Это место быстро изнашивается. Накладку легко заменить. А если принять твое предложение, то в случае износа придется выбрасывать весь ковш. Так ведь?

Обескураженный рационализатор кивнул головой. Волков был прав. Вожейко поднялся, молча пожал ему руку и пошел к двери. Когда он был на пороге, Волков сказал:

— Но об этом надо еще подумать!

* * *

Нет такой вещи, которую нельзя было бы улучшить. С таким убеждением Геннадий Квитчастый пришел в литейный цех. Молодого специалиста поставили технологом, а потом доверили и руководство рационализаторством. Работа пришлась ему по душе, потому что она давала возможность утвердиться в своем убеждении. Молодой технолог не стал ждать, когда рабочие и мастера придут к нему с предложениями. Почти каждому формовщику он задавал одни и те же вопросы:

— Как улучшить вашу деталь? Как сэкономить на ней металл?

— Не знаю! — отвечали некоторые.

— А вы подумайте! — настаивал он.

И рабочие стали приходить с предложениями. Он помогал им произвести расчеты, вычертить необходимые чертежи. Вместе с ними он ходил к машине посмотреть, в каком положении находятся некоторые детали, какое значение имеют они для сложного организма экскаватора. Он консультировался с модельщиками, с конструкторами. За короткий срок он успел сдружиться с Вожейко, с формовщиком Ворошилиным, с модельщиком Погорельским, с конструкторами Косовцевым и Клигманом... Нужда — лучший советчик. Однажды он так набегался, что не рад был своему новому предложению. И тогда пришла мысль: а почему бы всех этих людей не объединить в одной комплексной бригаде? Как рукой сняло усталость. Геннадий снова сорвался с места и обошел их всех. Высокий светловолосый Косовцев оторвался от чертежной доски и, разгибая свое длинное тело, сказал:

— Конструктивно твоя идея очень хороша. Появится предложение — каждый из нас будет продвигать его по своей линии. Только надо, чтобы нашу бригаду признали официально.

Парторг литейного цеха Иван Петрович Засыпкин (слева) и начальник пролета Сергей Игнатьевич Вожейко.

— Я тоже так думаю, — согласился Геннадий.

В комплексную бригаду Сергей Игнатьевич Вожейко не вошел. Его и не приглашали. «Что ему делать в нашей бригаде? — думал Геннадий.— Он и без нас управится». Но бригадир ошибся. В это время Вожейко переживал, так сказать, творческий кризис. После неудачного разговора с главным конструктором он никак не мог собраться с мыслями. Злополучная пластина не давала покоя. Никак из головы не выходила. Взялся бы за другое дело, а она не дает. Тем временем по его же отделению комплексная бригада вносила предложение за предложением.

Однажды на складе цеха Сергею Игнатьевичу пришлось поругаться с диспетчером механического цеха. Собственно, ругался диспетчер, а ему пришлось только выслушивать упреки. Пахло горелой землей и железом. Огромный дядя размахивал кулаком, наступал на Сергея Игнатьевича и буквально шипел:

— Мне что, из-за этого блока всякий раз кровь портить?! Экскаватор без него пойдет? Нет, не пойдет! А мне надо еще обточить эту дуру! — при этом он ногтем показывал, где ее нужно обтачивать. — Вот здесь, вот здесь!..

В таких случаях лучше молчать. И Вожейко молчал. Он знал, что бригада давно работала над тем, чтобы после литья эта деталь шла на сборку без механической обработки. Для этого с нее нужно было сбросить около сорока килограммов лишнего металла. А сама она весила чуть побольше этого.

Диспетчер продолжал говорить про свою испорченную кровь, когда подоспевший Геннадий сказал:

— Скоро не будешь портить. Мы тебя от этой детали избавим...

Диспетчер даже опешил.

— Ты мне не заливай! — выкрикнул он и помчался к выходу.

Вожейко засмеялся. Ему показалось, что технолог просто решил его выручить. Но помальчишески округлое лицо Геннадия было серьезно. Из-под бровей сосредоточенно смотрели серые с большими зрачками глаза.

— Неужели протолкнули?! — спросил Вожейко.

— На то и бригада! — ответил Геннадий. — У нас же любые специалисты. Рассчитают и докажут!..

У Сергея Игнатьевича мелькнула мысль воспользоваться этой организованной силой, чтобы решить наконец все свои сомнения. По пу-

ти со склада в цех Вожейко рассказал Квитчастому о своих наблюдениях.

— Конечно, пусть лучше стоит эта пластина, чем выбрасывать потом целый ковш... Но в том-то и дело, что и литье выдержит. Только рассчитать надо. А ты знаешь, какой я расчетчик! — закончил он сокрушенно.

— Косовцев нам рассчитает,— обнадежил Квитчастый.— Вот сходим к экскаватору, посмотрим...

В эту минуту Сергей Игнатьевич даже не заметил, что Геннадий чуть-чуть важничает...

Вскоре произошло такое, чего Квитчастый никак не ожидал. На заводе бригаду не признали. И это в то время, когда на ее счету было уже около десятка удачных работ. Ребята приуныли. Даже энтузиаст Клигман повесил свою рыжую голову.

Бригада собралась обсудить, как быть дальше: работать ли вместе или разойтись. На столе лежали чертежи совместных работ. И тут в техбюро заглянул парторг. Он уже знал, что список бригады дирекция не утвердила. Оглядев рационализаторов, парторг сказал по-стариковски насмешливо:

— Не прописали? Ай-ай!.. Будто без этого и жить и думать нельзя!..

— А ведь верно, ребята! — оживился Геннадий.

Все-таки было очень обидно. Стало еще обидней, когда позднее автозаводцы выступили в печати с идеей таких же комплексных бригад. Тогда вспомнили и о них. Сделали вид, что ничего особенного не случилось. Бригаду утвердили в том же составе. Больше того, о ее делах заговорили. Но как иногда бывает: на словах одно, а на деле другое.

Бригаду Квитчастого рабочие окрестили «генкиным комбинатом». К этому времени в «комбинате» скопилось много нереализованных предложений, в том числе и предложение Вожейко, хотя и главный конструктор и главный металлург были за него. Одни предложения лежали в БРИЗе, другие — у главного технолога. Геннадий жаловался начальнику цеха, парторгу. Ничто не помогло. Как-то в цехе появился инструктор горкома партии. Геннадий несколько раз видел его, но не знал, кто это. Мало ли людей ходит по цеху! Может быть, технолог с другого завода? Геннадий обрадовался собрату и давай жаловаться! А через некоторое время Геннадия вызвал директор завода.

На столе директора лежали знакомые чертежи, а рядом с ними — эскизы, сделанные бригадой. Геннадий сел и, с беспокойством глядя на чертежи, стал ждать, когда директор заговорит. Но в это время зазвонил телефон. Директор говорил долго и шумно. Наконец положил трубку, хлопнул ладонью по чертежам и сказал:

— Предложения дельные. Я их просмотрел и удивился, почему они так долго залежались. Сейчас дам команду...

Директор, конечно, не сказал, что совсем недавно с ним разговаривали из горкома партии.

* * *

Один из бывших директоров завода был человек «с размахом». Он добился, что заводу прирезали огромное поле, покрытое седенькой травкой и белыми ромашками. Обжить его при всем желании было почти невозможно. Тогда, чтобы оставить это поле за собой, он построил на его границах вольеру для сторожевых собак, гараж для автомашин и еще что-то легкое и временное. Поговаривали, что и новые цехи он собирался строить там же. Потом директора сменили, а ромашковое поле отдали другому предприятию. С тех пор, как только появится какая-нибудь нелепость, рабочие говорят:

— Ромашками попахивает!

В связи с этой историей парторг Иван Петрович Засыпкин считал: начальство надо больше критиковать. В планировке завода, например, не все благополучно. Завод растянулся почти на два километра. Все цехи расположены вдоль дороги. От проходной литейного и не видно, идти туда далеко. Неудобно, в общем, все это. Когда тебе под шестьдесят, когда в пути тебя обгоняют молодые, такие мысли приходят в голову, даже если ты парторг цеха.

Иван Петрович был парторгом и раньше. Впервые его избрали секретарем партийной организации около тридцати лет назад. Коммунист ленинского призыва, и тогда и теперь он чувствовал одно — ответственность перед партией, перед рабочими. Сейчас ему работать куда трудней. И не потому, что постарел. В те далекие годы все знали одинаково мало. Теперь же ему, практику, приходится работать с техниками, инженерами. Люди они молодые. От успехов кружится голова. Иногда им кажется, что успехи пришли не от работы всего коллектива, а от их личных качеств. Вот за это на общезаводском партийном собрании и ругали нынешнего директора.

— Ромашками попахивает!

Небольшого роста, в кепке, надвинутой на глаза, парторг идет по цеху. Вот остановился, вытащил из кармана брюк часы-луковицу, поглядел, сколько времени, — и дальше. Серые глаза парторга начали выцветать, отчего они кажутся удивительно светлыми и удивительно молодыми. Они все замечают. В цехе тесно и пыльно. А все от формовочной земли. На передовых заводах сделано так, что отработанная земля проваливается сквозь решето в нижнее помещение. Там ее просеивают, подновляют, наверх она возвращается подготовленной. «А у нас?» — посмотрит Иван Петрович на тесноту и почешет седой затылок. Правда, с каждым новым механизмом в цехе становится просторней. Стучат формовочные машины, движутся ленты транспортеров, медленно, точно уставший хоровод, вращается конвейер. Около него с чертежом сидит веселый Вожейко. Парторг знает, почему Сергей Игнатьевич весел: добился, что его предложению дали ход.

— Продвинул?

— Продви-и-нул!..

Иногда, как рыболов с картины Перова, опершись руками о колени, парторг долго смотрит на работу молодого формовщика. На формовочной земле отпечатался рисунок модели. Еще совсем недавно он был куда сложнее. Облегчил и упростил деталь сам формовщик. Это тоже надо подметить. Глаза у парня блестят, а рука так и выглаживает, так и выглаживает небольшую впадинку. По впадинке идет узкая перемычка, и он в радости не замечает, что сбоку обнажился деревянный штырек.

— Прикрой «солдатика»...— говорит парторг любовно и хочет отойти к другому. Но формовщик останавливает. Уголок тонких губ недовольно сдвинулся.

— Непорядок у нас, Иван Петрович... Затирают!..

— Что затирают?!

— Предложение затирают!

— С Квитчастым говорил?

— Говорил... — Паренек начинает мяться. — Видите, Иван Петрович, предложение мое не ахти какое, а все-таки... Его маринуют, а Геннадий задираться не хочет. Конечно, ему выгодней продвинуть Вожейко. У того сотни тонн экономии, а у меня — всего пять...

— И пять тонн с неба не сваливаются.

— Вот об этом я и говорю!

— А ты вот что... Завтра у нас открытое партийное собрание. Квитчастый будет отчитываться. Вот ты и приходи...

— Так я ж беспартийный...

— А ругают-то нас вместе. Вот вместе и обсудим, кто виноват. Геннадий не задирается — ты задерись...

— А мне что,— ответил формовщик,— я и задерусь!

...Когда Квитчастый, поглядывая на часы парторга, лежавшие на столе, отчитывался за свою работу и назвал общецеховые данные экономии металла, они всем показались огромными. Каждую семнадцатую машину завод делал из металла, сэкономленного в цехах завода. Сорок машин в год! Молодой формовщик сидел рядом с Вожейко и только ахал. А Сергей Игнатьевич слушал и представлял себе карту, вывешенную в кабинете главного конструктора. Придет время, и на ней появятся новые гроздья.

«Генкина бригада» в сборе. Крайний справа — Геннадий Квитчастый.

Фото Е. Микулиной.

ЧТОБЫ ПОКУПА

Нигде нет такого выбора галстуков, как в Щербаковском универсальном магазине столицы. Четыреста расцветок и рисунков! Галстуки висят в витринах и на круглых стойках, украшают рекламные щиты и, освещенные электричеством, переливаются яркими красками. Подобрать в тон рубашке и костюму хороший галстук лучше всего в этом магазине. Образцы завязаны на сорочках, развешанных по стенам. Рядом с прилавком высокая вращающаяся стойка. Передвигая трафареты, можно присмотреться к различным комбинациям цвета костюма, рубашки и галстука. Если и этого недостаточно, обратитесь к продавцу: он поможет выбрать.

Разнообразный ассортимент, внимательное отношение продавцов, интересная реклама, нехитрые приспособления — все это принесло ощутимый результат. Раньше в день продавали триста галстуков, теперь — до трех тысяч.

Культурное обслуживание потребителей характерно для всех отделов Щербаковского универмага. Вот текстильная секция. Здесь нет обычной в таких местах толчеи. Перед глазами каждого — стенды с образчиками тканей: ворсистых, хлопчатобумажных, шелковых. Можно посмотреть, потрогать, прицениться.

На залитом светом стенде покупательница передвигает влево и вправо трафарет. Сквозь него просвечивают ткани. Тут же обозначена цена. Какой же смысл толкаться у прилавка?

Как подобрать пуговицы к новому платью? Проще всего принести с собой образчик материала. Но можно обойтись и без этого. В магазине оборудовали вертушку с большим набором пуговиц, прикрепленных к всевозможным кускам тканей. Такое сочетание позволяет быстро подобрать нужные пуговицы.

Но вот другой покупательнице захотелось развернуть материал, разбросать его складки: так привычнее. Продавцы Тамара Саенко и Андрей Громов тут же раскинули шелк и окутали им стоящий на прилавке манекен.

— На манекене ткань хорошо выглядит,— улыбнулся спутник женщины, выбиравшей шелк, — а как будет на человеке?

— Пожалуйста, посмотрите! — предложили любезные продавцы, пододвигая зеркало.

Заботясь об удобствах покупателей, продавцы, как правило, вместе с вещами кладут в завернутый пакет проспекты: как беречь шерстяные ткани, меха, как стирать шелк...

ТЕЛЬ БЫЛ ДОВОЛЕН

Можно ли здесь найти красивое платье по фигуре? На втором этаже женщина попадает в своеобразное ателье. Сидя в кресле, она рассматривает изящные платья на медленно вращающихся манекенах. К ее услугам и висящие на плечиках платья разнообразных тонов и расцветок. Они тоже плавно описывают круг, как бы показывая себя со всех сторон.

Нравится покупателям стенд штучных товаров. Здесь нет продавца. Вы видите полотенце, носовой платок или скатерть. Цена указана тут же. Рядом стоит ящичек с готовыми чеками. Выбирайте нужный чек, платите в кассу, а затем получайте товар в отделе контроля и выдачи.

Много выдумки проявляют работники универмага, что на углу Сретенки и Колхозной площади. Здесь делают все, чтобы покупатель был доволен.

Нередко по вечерам, когда гаснут огни магазина, заведующий секцией текстильных товаров И. А. Потапов разбирает карточки с пожеланиями покупателей. Да и не только он. Требования потребителей добросовестно изучаются всеми заведующими отделов.

Недавно коллективу магазина было вручено переходящее Красное знамя Совета Министров СССР.

С. БОГОРАД

Фото Е. ТИХАНОВА.

ГЛУБЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Мариэтта ШАГИНЯН

1. С горы Митридата

Старый друг, узнав, что я еду в Керчь, сказал мне: «Вы попадете в сердце нашей археологии! Вы увидите замечательные вещи, о которых в прошлом веке заговорил весь просвещенный мир; пойдите первым долгом в Керченский музей, в склеп Деметры, в Царский склеп!»

Но я не послушала старого друга и тотчас по приезде в Керчь пошла изрытой и крутой дорогой на зеленый горб, одиноко стоящий прямо среди центральных керченских улиц и носящий имя царя Митридата. Поднявшись на него, вы, не выходя из города, прямо попадаете «за город» — на широкий зеленый простор, овеянный неповторимым воздухом Восточного Крыма: смесью соленой морской свежести и сухого степного запаха полыни и пожженной солнцем травы. С вершины этой горы при некоторой доле воображения можно охватить мысленным оком весь Керченский полуостров — эту полосу древнейшей земли между двумя синими морями: Азовским и Черным. С вершины этой горы, где некогда понтийский «агрессор» Митридат VI Евпатор покончил, как говорит легенда, с собой, не вынеся поражения, и где сейчас возносится вверх великолепный памятник славы наших войск, можно заглянуть и вглубь времени, увидеть на три тысячелетия назад, задуматься над пройденными тут ступенями развития разных культур и народов: древних обитателей этих мест — сначала киммерийцев, а потом скифов и сарматов и античных греков, пришедших сюда торговать и «эллинизировать» Крым.

Наконец, с вершины этой горы, стоя вот так, на ветерку, обдающем нас иодистой влагой моря и полынной сухостью степи, неплохо представить себе и всю историю русской археологии, начавшейся на заре девятнадцатого века именно тут, в Керчи, и все прошлое столетие чуть не на девять десятых определявшейся именно керченскими раскопками, а сейчас, в советское время, тут же, на керченской земле, с особой остротой пережившей свое новое рождение и свой новый, социалистический расцвет... Словом, многое можно представить себе и обдумать с горы Митридата. И я задумалась, глядя вокруг, не о том, что было здесь три тысячи или две тысячи лет назад, а только о маленьком промежутке времени в сто тридцать три года.

Если б древний пепел земли мог хранить легкие отпечатки человеческих ног, гора Митридата сохранила бы, как святыню, следы быстрых шагов, проложенных по ней ровно сто тридцать три года назад. Где только не находит советский исследователь эти следы, по каким путям и дорогам, в каких областях культуры не пролегли они, каких только углов не коснулись за короткую жизнь — за половину нормальной человеческой жизни! Вскользь брошенное замечание, беглое слово, мимолетный, но орлиной зоркости взгляд — и вспышка молнии для исследователя, на миг выхватывающая контуры из темноты. Сто тридцать три года назад по этим склонам прошел Александр Сергеевич Пушкин.

В сентябре 1820 года он писал из Кишинева своему брату Льву Сергеевичу:

«С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в **Керчь.** Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посреди кладбища увидел я груду камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на **Золотом холме.** Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею — вот все, что осталось от города **Пантикапеи.** Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий — но ему не достает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится».

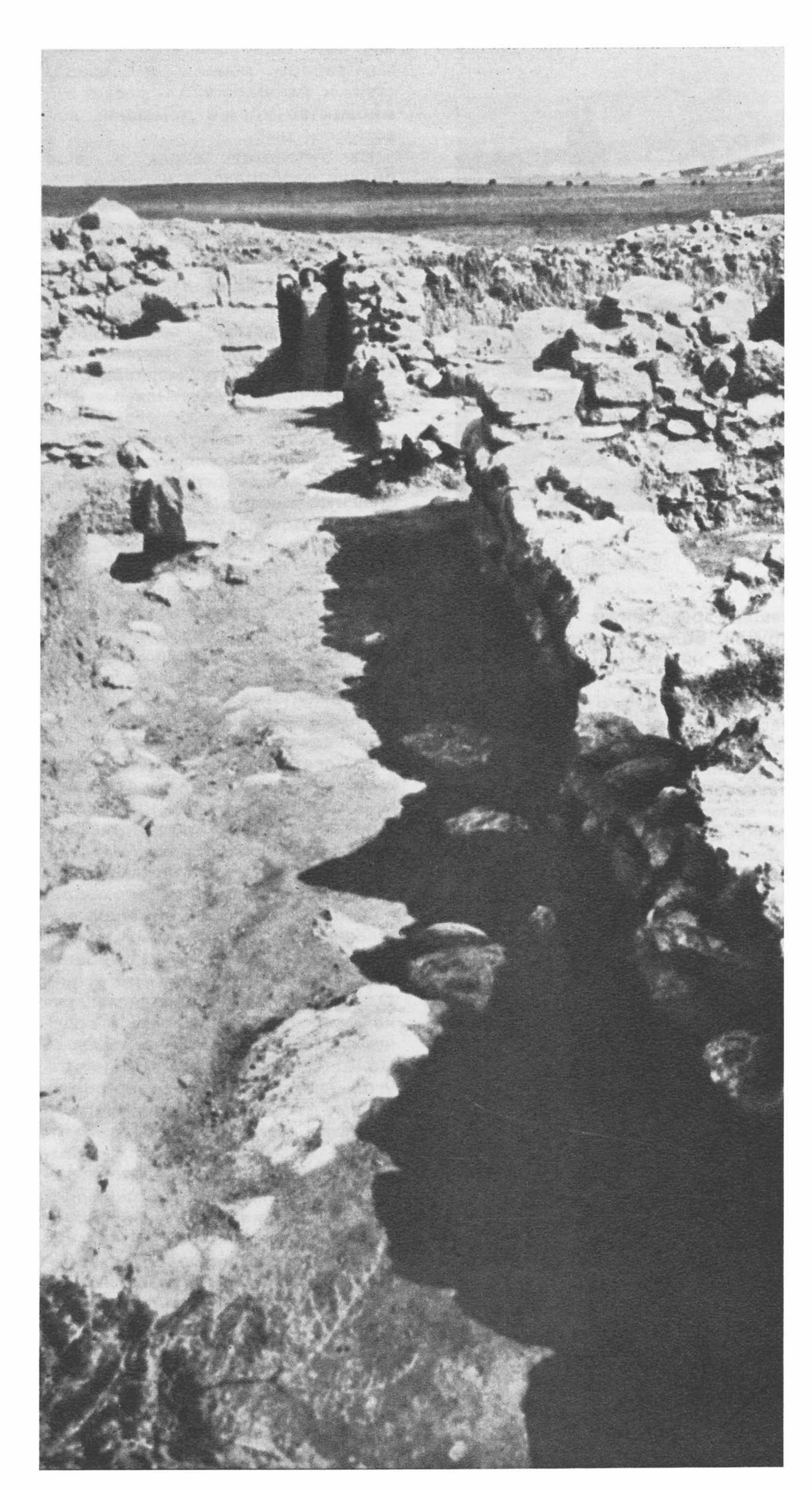
В тот год Пушкин мог видеть с горы Митридата жалкий городишко в две улицы; домов тогда в Керчи, по словам историков, было меньше, чем курганов вокруг; пустынные берега с избенками рыбаков и земля, разделенная между крупными помещиками. Правда, в земле было железо, и про железо уже слышали заграничные хищники. Археология, как всегда, рождалась тут случайным следствием экономической и хозяйственной жизни своей эпохи. Роют фундамент дома — и натыкаются на древний склеп; разрабатывают руду — и попадают в засыпанное веками жилище; пашут землю — и вырывают клады: зеленые от времени монеты, металлические кувшины, глиняную посуду; строят дом — и тащат на постройку лежащие вокруг с незапамятных времен плиты, обтесанные рукой человека, подчас с орнаментом, с непонятной надписью... Так прошлое стучится в жизнь, и сделанное рукой человека тянется из земли опять к человеку. А самое замечательное в этой смычке веков — обжитость, обделанность, обработанность одних и тех же уголков земли, куда упорно, тысячелетиями тянется воля человека, где он снова и снова после пожаров, землетрясений, вулканических извержений, опустошительных войн разводит свои огороды и пашни, закидывает свои сети, строит свои дома и крепости, ограждая их каменными стенами. В этом смысле Керченский полуостров — один из самых благодарных уголков земли для одной из самых, казалось бы, бесстрастных и обращенных лицом в прошлое наук — археологии, — но в действительности страстной и злободневной науки, глубоко связанной с современной ей жизнью.

Сокровища, о которых мечтал Пушкин, были вскорости выкопаны из-под «насыпанной веками» земли. «Француз», которого упомянул он, был, вероятно, археолог П. Дюбрюксом, заложившим своей домашней коллекцией древностей будущий замечательный Керченский музей. Открытый еще при жизни Пушкина, спустя шесть лет после его прогулки на Митридатову гору, в июне 1826 года, музей этот, гордость Крыма, носит сейчас имя А. С. Пушкина.

Но бурное развитие русской археологии в прошлом веке было сковано и русским самодержавием и русским капитализмом. Деньги на раскопки давались теми, кто хотел получить дорогие античные предметы искусства, достойные украсить тогдашний «Императорский» Эрмитаж, бывший личной сокровищницей самодержавцев. А эти чудеса античного искусства находятся обычно в могилах «сильных мира сего», и археологи вынуждены были все свое внимание обратить на раскопку уникальных, единичных объектов: курганов, царских усыпальниц, богатых склепов. Много прекрасного было вырыто ими из-под керченской земли! Дивные, черного лака расписные вазы, тончайшей резьбы деревянные саркофаги царей, изящнейшие ювелирные украшения из золота — все это носило название «керченских древностей», все это пленяет сейчас в витринах Эрмитажа. Кое-что скупленное и просто награбленное во время Крымской войны англо-французскими войсками, оккупировавшими Керчь, было вывезено из России. Русские помещики не отставали от иностранцев. Они рыли древнюю землю и продавали найденное за границу. По керченской земле бродили люди, одержимые «керченской лихорадкой». Советский человек знает и остро переживает чувство находки. Наших детей

Сотрудники археологической экспедиции извлекают вещи из могилы древнего некрополя.

Улица древнего города Порфмия.

воспитывает романтика краеведческих экскурсий, когда можно открыть для науки неведомое еще растение, неотмеченную рудную жилку; наши рабочие живут пафосом открытия новых, более быстрых и совершенных приемов производства; наши колхозники знают вдохновенную радость открытия, когда выводят новые сорта злаков, находят новые способы обработки земли. Даже просто в поисках милого камушка на берегу счастлив советский человек радостью находки. Но как далеки эти радости от горячки купли-продажи! А в прошлом столетии одержимые искатели древностей из «любителей» горели именно этой жаждой купли-продажи, подобно авантюристам-золотоискателям где-нибудь в Клондайке. И древности, необходимые для науки, покупались и продавались; керченские лавки были полны ими. Тщетно пытались археологи бороться с расхищением драгоценных свидетельств истории,— на суде оправдывали расхитителей.

Если все же стараниями русских ученых русская археология прочно стала на ноги, а вырытые керченские древности во многом помогли изучению древнего Боспорского царства, то само это изучение в силу ограниченности материала носило односторонний характер. И в глуби веков, как сейчас, цари и вельможи предпочитали всему родному импортное, уникальное, завезенное из-за границы; а массовыми местными предметами обихода пользовался простой народ; как и сейчас в странах капитала, «сильные мира сего» через головы народных масс якшались с завоевателями — врагами культуры побежденного народа.

Эллинистическая колонизация Восточного Крыма повела к усиленному импорту, к внедрению на крымском побережье не только предметов выработки Эллады, но и самого античного стиля греков, их орнаментики, технологии, моделировки. Чернолаковые вазы с красной и оранжевой росписью, уникальные предметы ювелирного искусства из царских гробниц и погребений знати — все это был эллинистический Крым. И как раз изучением эллинизма в раскопанных древностях, правда, в своеобразном местном преломлении, и занялась первоначально русская археология. Чтоб выйти на широкое поле обобщений, искать не уникальные предметы, а массовые свидетельства минувших веков, изучать не быт властителей, а жизнь общества, народную жизнь, нужно было начать раскапывать в широких масштабах не только курганы и склепы, но и места, не обещавшие «дорогостоящих» находок, то есть большие городские поселения — обиталища простых людей — и большие массовые некрополи (кладбища) — захоронения рядовых жителей. А на это царская казна денег не отпускала. Вот почему, несмотря на ценные находки, о характерных особенностях культуры Боспорского царства было известно в прошлом веке все же очень немного; несмотря на явно неэллинские, своеобразные, местные черты, пробившиеся через «греческий стиль» изделий боспорских художников и ремесленников, все еще мало было известно о коренных жителях Крыма и их роли в развитии культуры древнего Боспора. И вот почему о жизни самого народа, о создателе вырытых ценностей, изготовленных в городах древнего Боспора, о труженике, о ремесленнике, о воине, о пахаре Восточного Крыма археология прошлого века ничего почти не знала и не говорила.

«Керченская лихорадка», подобно всем лихорадкам, в начале нынешнего века пошла на убыль. Все уникальные объекты, а с ними вместе и все ценные предметы были выкопаны, выбраны, вывезены из Керчи. Опустела, казалось бы, керченская земля. Так крепко уверены были люди в полной «раскопанности» Керчи, что даже и в наши дни можно еще услышать: «Вы в Керчь? Оттуда уже все вывезено, там больше нечего искать археологам, это яркая страница прошлого русской археологии!»

После Октябрьской революции наша отечественная археология вступила в новую эпоху. Именно там, где родилась русская археологическая наука — в Керчи,— происходит сейчас и ее перестройка на принципиально новых началах. С 1932 года здесь работает Боспорская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Руководитель ее, советский ученый, автор большого труда о Боспорском царстве, Виктор Францевич Гайдукевич, провел уже семнадцать экспедиций на керченской земле. Одни за другими появились «на свет» древние города, селения, массовые кладбища, сельские усадьбы Боспорского царства, рассказывая полным голосом о жизни коренного населения этих мест, о жизни народа, безымянного творца и создателя всех материальных благ на земле.

Выше я писала, что все созданное руками человека тянется из-под земли назад, к человеку. Никогда еще мнимо опустошенная керченская земля не тянулась так к археологам неиссякаемым множеством засыпанных в ней свидетельств былых веков, как в эти годы и в эти дни семнадцатой по счету раскопочной экспедиции, давшей необычайно богатый материал для советской археологии. За 20 лет стали явью города Тиритака, Мирмекий, Илурат, Порфмий, которые мы знали только по названиям, изредка встречающимся в греческих источниках. За 20 лет явной стала древнейшая хозяйственная жизнь Керченского полуострова; перед нами раздались стены усадеб с их винодельнями, скотными дворами, кормушками для птиц, крупными зернохранилищами; раскрылись очаги, полные золы от огня, горевшего в них тысячи лет назад; мусорные ямы с костями домашних животных и черепками разбитой посуды; улицы — узенькие, как сейчас в восточных городках, со ступенями, ведущими к жилью, а в самом жилье — следы древнего водопровода и канализации. И за одним этим видимым миром показался другой, более древний. Бурные дни, пережитые человечеством, смена войн и мира, угадываются здесь археологами в толще оборонительных городских

Доктор исторических наук, профессор В. Ф. Гайдукевич, начальник Боспорской экспедиции, за изучением находок.

стен, в их надстройках, в огромных утолщениях, сделанных в более позднее время. Грозные катаклизмы и бедствия прочитываются в черных следах пожарищ, в массовых разрушениях. Древние культуры говорят о себе жертвенными костями, глиняными фигурками домашних богов, золой алтарей. Военные поселения с их особою жизнью полувоинов-полуземлепашцев раскрывают в разбивке улиц и планировке жилищ свои особенности... Тот, кто читал увлекательные страницы академика Жебелева о восстании (в 107 году до нашей эры) рабов в Боспорском царстве, во главе со скифским рабом Савмаком, может ярко представить себе, как читаются и прочитываются учеными, как оживают под их взглядом все эти бесчисленные материальные свидетельства кипевшей на керченской земле жизни.

Древняя крепость Илурат. **Фото М. Агаронян.**

2. «С добрым счастьем»

Мне удалось попасть в Керчь к концу семнадцатой раскопочной экспедиции. И вот я еду вместе с участниками и бронзовым от загара начальником ее, профессором Гайдукевичем, по широкому степному простору. На горе Митридата вы, будучи в городе, чувствовали себя далеко за городом. А здесь, по-настоящему покинув Керчь, вы никак не можете вырваться из ощущения огромного человеческого жилья, охватившего вас своими гигантскими масштабами со всех четырех сторон. Выбегает на дорогу новый, чистенький городок строительства. Стоят на горизонте, как черные великаны-стрекозы, отвальные мосты у железорудных насыпей. Шумно живет какая-то фабрика, а за нею еще одна. В этом году здесь работает пять отрядов Боспорской археологической комиссии, каждый — во главе со своим руководителем. Разбросаны они на десятки километров друг от друга, в разных концах от Керчи. По дорогам и бездорожью мы едем от одного объекта к другому, прихватывая и те, где в нынешнем году не ведется работа, как город Тиритака с его десятками рыбозасолочных ванн, цементированных внутри, и Царский курган, несравненный по своей архитектурной красоте, раскопанный еще в 1837 году. Но главное, для чего мы выехали, берет у нас большое время и требует внимательного осмотра.

Пять объектов, где сделаны этой осенью замечательные открытия, обогатившие советскую археологию,— это, во-первых, античная сельская усадьба, уникальный памятник хозяйственной жизни двухтысячелетней с лишним давности; во-вторых, впервые раскопанная часть боспорского города Порфмия с находками от VI века до нашей эры; в-третьих, недавно открытое поселение эпохи бронзы второго тысячелетия до нашей эры (это значит глубь четырех тысяч лет!); в-четвертых, огромное кладбище IV века до нашей эры, где сейчас раскопано около 100 могил; и, в-пятых, продолжающиеся раскопки своеобразного города — военного поселения — Илурата, непохожего на другие боспорские города.

Сельская усадьба — почти на городской окраине. Кто ни разу не был на раскопках, при первой встрече с ними почувствует себя слегка разочарованным: открытый бугорок или полянка, кучка людей, и не видно, над чем и почему копошатся там эти люди. Вы вступаете в их среду, осторожно прыгаете по каменной кладке там, где вам укажут, а ветер свистит у вас в ушах, холодит вам корешки волос, словно поет о прошлом, и молодежь вокруг, студенты-практиканты с взволнованными, счастливыми лицами, и начальник отряда, веселая, жизнерадостная ленинградка, снисходительные к невежеству вашему, терпеливо рассказывают, как если бы мы стояли где-нибудь на колхозном дворе,— что вот это античный курятник, а на этом давили виноград, и он стекал вот сюда, а здесь хранилось зерно. И вы вдруг через час — два начинаете сами разбирать круглое клеймо на ручке красноватого кувшина с острова Родоса, прямоугольное на бледном кувшине из Синопа и отличать терракотовую статуэтку Геракла от какой-нибудь другой. Когда все это приключится с вами, вы вдруг почувствуете поэзию советской археологии и страстно увлечетесь ею. Ведь это люди, люди жили здесь и говорят о себе через вещи. Люди украсили жилье расписной штукатуркой, пользовались художественной посудой, ходили, работали, дышали здесь. И люди, новые, советские, через две с лишним тысячи лет хозяйственно изучают и восстанавливают угасшую, далекую жизнь... Нет, не угасшую, а продолжающуюся в советской науке!

Едем, минуя старинную крепость Еникале, туда, где самое узкое место пролива и где сейчас переправляются на катерках из Крыма на Кавказ, на кубанский берег, точь-в-точь как переправлялись и в древности на берег тмутараканский. Поднимаемся к раскопкам города Порфмия, в переводе означающего «переправа». С конца июня здесь вырыто около тысячи квадратных метров, дающих представление о бойком рыбацком городке у переправы. Множество орудий лова — бронзовые крючки для уженья, грузила для неводов; узкие улички — около двух метров ширины; дом в три комнаты; посуда из обычной глины, местного производства, посвоему изменяющего античные образцы; культовые статуэтки богини Деметры, светильнички маленькие из красной глины с изображением бога солнца возле отверстия для фитилька. Под городом, прожившим с VI по I век до нашей эры, сейчас раскапывают другой, более древний слой. Но самым интересным в Порфмии было знакомство с человеком, который открыл его и указал на него Боспорской археологической экспедиции. Небольшого роста, в форменной фуражке путейца, с развевающимися длинными седыми волосами и палкой в руке, Василий Васильевич Веселов предстал перед нами как своего рода бог Гермес здешних мест. Инженер-транспортник, ученик Е. О. Патона, один из работников местной стройки, Василий Васильевич в свои выходные дни вместе с сыном-школьником бродит по керченской земле и делает важные открытия, но как отличается этот советский энтузиаст от лихорадочно рыскавших в поисках древностей «энтузиастов» прошлого века! Василий Васильевич не просто ищет,— он читает древних авторов, ловит у них намеки на географическое положение города и, найдя что-нибудь, дает тотчас знать работникам Керченского музея, этой базе всех здешних археологических экспедиций; дает знать Боспорской экспедиции и даже публикацию делает в научном журнале. Это он нашел и селище эпохи бронзового века неподалеку от Порфмия. Впрочем, дадим говорить ему самому. Когда я уже вернулась из Керчи, Василий Васильевич в письме ко мне рассказал:

«Я набрался смелости и заглянул теперь за спину Боспорского царства и увидел более древнюю киммерийскую страну. В V веке до нашей эры Геродот писал, что на берегах пролива (Керченского) проживали некогда киммерийцы, именем которых он и называет пролив. Позавчера мне удалось обнаружить остатки четвертого селища эпохи бронзы. Первое было обнаружено мной в октябре 1952 года... Наличие четырех селищ бронзового века на территории примерно в 15 квадратных километров показывает, что Керченский полуостров, в частности берег пролива, еще задолго до прихода колонистов греков, был густо заселен».

Профессор В. Ф. Гайдукевич высоко ценит работу этого археолога-любителя. Раскопки первого из открытых селищ бронзового века дали нынешним летом большие научные результаты. Найденные предметы показывают, что уже четыре тысячи лет назад люди знали здесь земледелие (об этом говорят каменные зернотерки), хотя жали они еще кремневым серпом. Знали и животноводство и рыболовство — раскопано множество костей домашних животных и рыб...

Из Порфмия ехала я, еще смутно разбираясь в черепках завозных афинских ваз и замечательных лепных, словно в гофре, скифских сосудов. Но на четвертом объекте раскопок, большом могильном поле — некрополе,— знания мои несколько укрепились. Трудно представить себе кладбище, более полное жизни, чем этот некрополь, где мертвецы лежат уже полных две тысячи с четвертью лет. Стены его почти смыкаются с территорией заводской стройки. Веселое уханье, гам и гром несутся оттуда в кладбищенскую тишину, а в вырытых каменных могилах сидят молодые ученые, сидят прямо на земле, копаясь в рыхлой почве и бережно вынимая из нее находки. Каждый говорит про «свою могилу» с какой-то особой археологической гордостью: «моя могила» — и про вычищенные, высушенные временем, аккуратно расчищенные кости: «мой покойник». На особых листах ведется опись находок, и какие блестящие, счастливые глаза были у студента, показавшего мне, выскочив из могилы, свою замечательную находку — поясной бюст Персефоны, ставившийся в могилу как символ воскрешения из мертвых (Персефона, похищенная Плутоном, в конце концов вышла из ада, по древнему мифу). Тут довелось мне присутствовать при самом процессе раскопки. Одна за другой появлялись в руках у археологов то ваза с пояском, черного цвета; то зеленая монетка; то египетские четырехугольные стеклянные бусы, расписанные желтыми елочками; то флаконы из глины для благовоний. В мужских могилах выкапывали из земли орудия производства, знаки профессии: точильный камень, гирьки торговцев, скребки для спортсменов. В женских могилах этого массового кладбища обыкновенных городских людей нередко попадались круглые бронзовые зеркала. Мне показали, как ведется научный дневник раскопок, снимается план могилы, указывается на бумаге точное положение скелета и находок. За этим «воскрешением из мертвых» застал нас быстрый южный вечер. И мы были в Илурате уже в сумерках, утомленные виденным, не вмещающие новых больших впечатлений от нового широко уже раскопанного города, где воины должны были и пахать землю, где огромные плиты-закрома держали, должно быть, общее, «коммунальное зерно», где найден подземный ход из городища за городскую стену.

Как хороша наша советская жизнь, мудрым хозяйским оком вглядывающаяся в былое, воздающая дань миллионам безымянных тружеников, воскрешающая их из забвенья! И как бессмертна жизнь, связанная умной памятью поколений! На одной из каменных плит, стоящих у входа в Царский курган, прочитали мы греческую надпись, звучащую, как пожелание потомкам:

«С добрым счастьем».

Для нас, для людей советской эры, доброе счастье уже наступило.

Керчь.

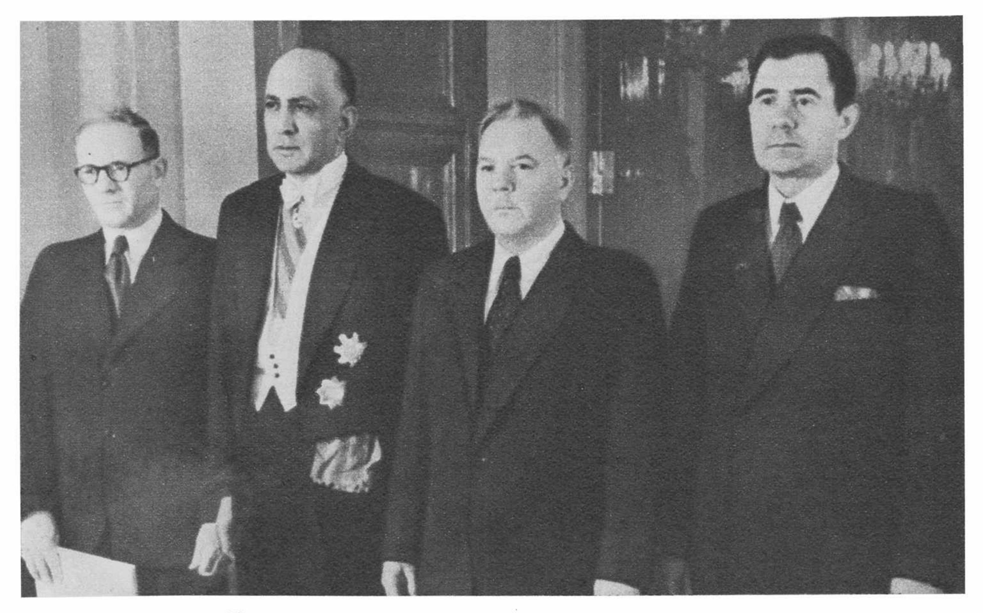
Прасковья Андреевна Малинина, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета РСФСР, председатель колхоза «12-й Октябрь» (Костромская область).

Фото А. Гостева.

В Саратовском автомобильно-дорожном институте. На заседании научно-технического кружка кафедры технологии машиностроения выступает с докладом студент 5-го курса механического факультета И. И. Тимофеев (стоит слева). Тема его доклада — «Исследование дефектов шлифования металлов и методы их устранения». Результатом этих исследований заинтересовались на ряде саратовских заводов. В центре — руководитель кружка доцент С. Г. Редько.

Фото И. Тункеля.

Вручение верительных грамот

8 декабря в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Афганистана в СССР Гулям Яхья Хана Тарзи, вручившего свои верительные грамоты.

После вручения верительных грамот К. Е. Ворошилов имел беседу с Гулям Яхья Ханом Тарзи. В беседе принял участие А. А. Громыко.

Слева направо: Заместитель Секретаря Президиума Верховного Совета СССР **А. Ф. Горкин**, **Гулям Яхья Хан Тарзи**, **К. Е. Ворошилов**, Заместитель Министра Иностранных Дел СССР **А. А. Громыко.**

Фото А. Гостева.

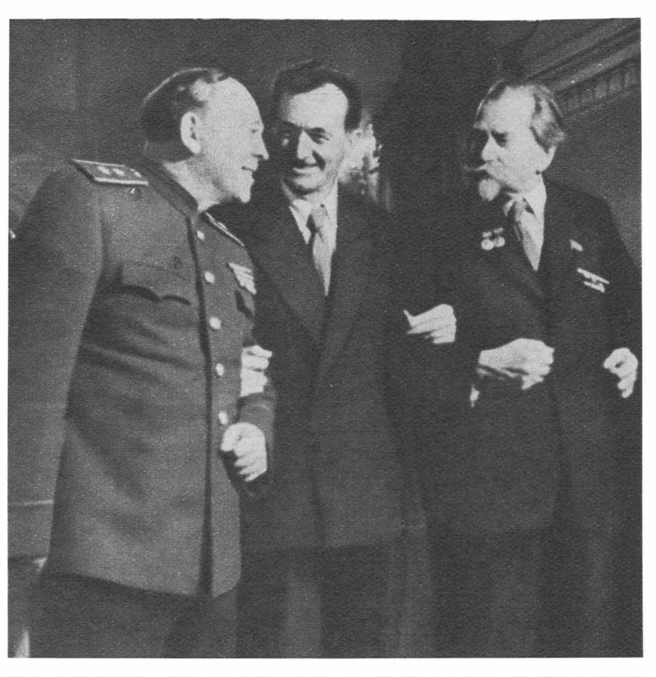
ВЕЧЕР СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ДРУЖБЫ

На прошлой неделе в Москве, во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей, состоялся вечер советско-чехословацкой дружбы, на котором присутствовали представители общественности столицы, деятели науки и культуры.

Председатель Славянского комитета СССР А. С. Гундоров, горячо приветствуя чехословацких друзей, отметил, что окончание месячника чехословацко-советской дружбы в этом году совпало со знаменательной датой — десятилетием со дня подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой.

С докладом «В братской Чехословакии» выступил академик К. И. Скрябин. Ответную речь произнес Чрезвычайный и Полномочный Посол Чехословацкой Республики в СССР Я. Вошаглик.

Вечер прошел в теплой, дружественной обстановке.

На снимке (слева направо): А. С. Гундоров, Я. Вошаглик, К. И. Скрябин.

Фото С. Васильницкого.

Интервью «Огонька»

Советские автомобили

Г. С. ХЛАМОВ,
заместитель министра машиностроения СССР

Неуклонно развивается советское автомобилестроение. В пятой пятилетке выпуск легковых автомобилей должен подняться на 49 процентов; производство машин большой грузоподъемности возрастет в 1955 году по сравнению с 1950-м примерно на одну треть, а самосвалов и автомобилей грузоподъемностью свыше 10 тонн — в несколько раз.

В конструкторско-экспериментальных отделах заводов, в научно-исследовательских институтах и в заводских цехах стремятся к одной и той же цели: сделать советские автомобили еще более прочными и экономичными, комфортабельными и быстроходными, красивыми и дешевыми.

Автостроители добиваются, чтобы собственный вес автомобиля был меньше. Успешно выполняет свое обязательство коллектив Автозавода имени Сталина: снизить расход черного металла на каждую машину «ЗИС-150» на 35 килограммов и «ЗИС-151» — на 50 килограммов.

Непрерывным потоком сходят с конвейеров малолитражные пассажирские автомобили марки «Москвич», пятиместные «Победы», шестиместные «ЗИМы» и семиместные «ЗИС-110». Советские машины пользуются популярностью в странах народной демократии, их охотно покупают и некоторые капиталистические страны.

«Москвича» можно встретить в городе и селе, на автостраде и проселочной дороге. Но эта машина удовлетворяет не всех покупателей: недостаточно вместителен кузов, нет отопительных приборов.

«Москвич» будет модернизирован. Двигатель заменяется более мощным — в 37 лошадиных сил. И, что особенно важно, бензина на одну лошадиную силу будет затрачиваться 220 граммов вместо нынешних 300. Кузов изменится, емкость его увеличится, он получит современную обтекаемую форму. В машине появится отопительный прибор. «Москвич» будет отвечать более высоким требованиям покупателей.

Семья советских автомобилей в нынешнем году пополнилась еще одной маркой: пятиместной легковой машиной Горьковского автозавода — «ГАЗ-69». Ее особенности — повышенная проходимость, экономичность, долговечность. Детали и узлы этой машины долго не поддаются износу, и это делает «ГАЗ-69» незаменимым в сельских районах страны.

Работники Минского автозавода совершенствуют конструкции самосвала «МАЗ-205» и тяжелого самосвала «МАЗ-525», поднимающего 25 тонн. Эти громадные машины хорошо зарекомендовали себя на стройках. Минчане изготовили опытный образец 40-тонного прицепа-самосвала.

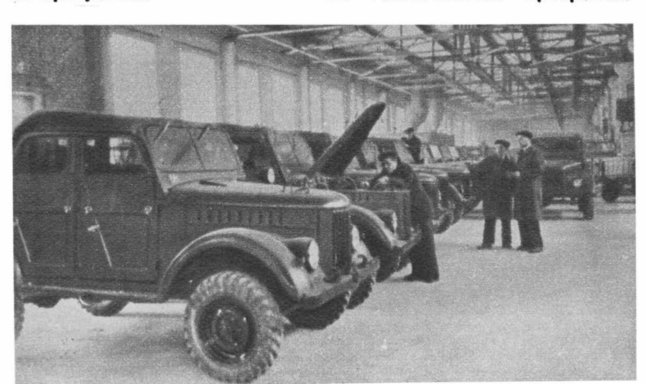
Газогенераторные автомобили доказали свою практичность. В пятой пятилетке выпуск их увеличивается на 80 процентов.

По мере развития городского транспорта и расширения междугородной автосвязи все больше ощущается нужда во вместительных и удобных пассажирских автобусах.

Сейчас выпускаются 28-местные автобусы вагонного типа «ЗИС-155» и 19-местные машины Павловского автобусного завода. Но пассажиры, водители и ремонтники справедливо жалуются на конструктивные дефекты в машинах. Пассажиры недовольны чрезмерной высотой подножек, шумом во время движения, плохой вентиляцией. Между тем заводы крайне затянули выпуск образцов новых машин для междугородного сообщения, мало что сделали они и для создания более усовершенствованного автобуса городского типа. Эти недостатки должны быть устранены в кратчайшие сроки.

В свое время сообщалось о выдающемся достижении советской техники — создании полностью автоматизированного Ульяновского завода автомобильных поршней. Весь производственный процесс протекает здесь без вмешательства человеческих рук: на автоматическую линию поступает алюминий в чушках, а через некоторое время с линии сходят поршни, упакованные в аккуратные картонные коробки.

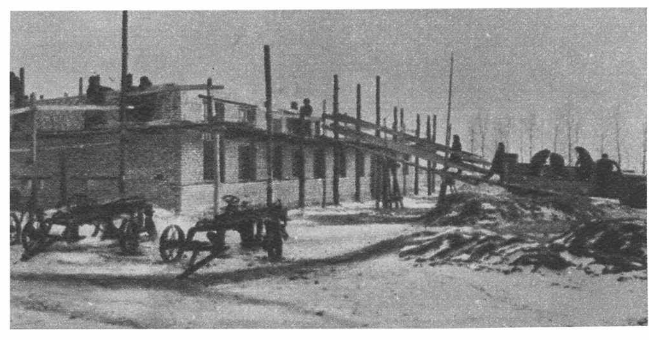
Вскоре будет введен в эксплуатацию еще один автоматический завод поршневых колец. Это новый шаг по пути технического прогресса.

Автозавод имени В. М. Молотова приступил к массовому выпуску автомобилей «ГАЗ-69».

Фото П. Вознесенского (ТАСС).

Поднимаются стены мастерских

Строительство мастерских в Берничевской МТС.

Фото Г. Санько.

В глубине Стародубского района, Брянской области, среди широких полей, на открытом месте — небольшой поселок. В центре его высокий ветряк, маленький кирпичный дом, похожий на сельскую кузницу, длинное бревенчатое здание. Кругом машины. Бок о бок стоят красные и голубые самоходные комбайны. Вдоль дороги тракторы. Тут и мощные дизели, и небольшие «КД», прозванные «кадушечками», и крошечный на широко расставленных колесах садово-огородный трактор «ХТЗ-7». Среди могучих машин он смахивает на игрушку.

Богат машинный парк Берничевской МТС.

Но до сих пор все служебные помещения размещались в кирпичном домике и бревенчатом здании. Разбирать тракторы зачастую приходилось под открытым небом, в зимнее время разложив около машины костер.

Сейчас в МТС началось строительство. Поднимаются стены новой ремонтной мастерской, рассчитанной на 75 тракторов.

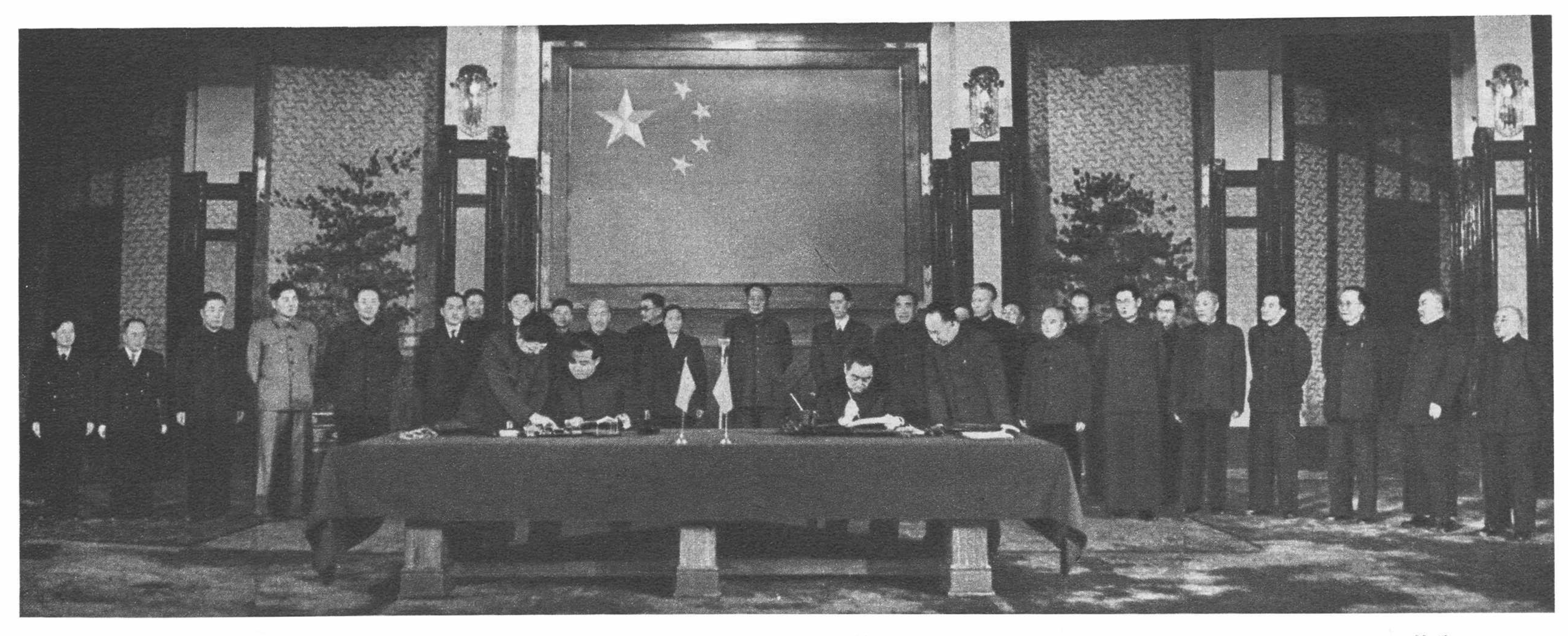
Трактор будет входить через широкие ворота в мастерские и сразу же попадет в разборочный цех, а затем в цех обработки деталей. Отдельные помещения выделены для сварки и регулировки моторов. Из сборочного цеха трактор выходит полностью подготовленным к работе на колхозных полях.

При мастерских оборудуется умывальная с теплым душем.

В. ТЕНДРЯКОВ

Подписание китайско-корейского соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве

Проходившие в ноябре переговоры между Центральным народным правительством Китайской Народной Республики и правительственной делегацией Корейской Народно-Демократической Республики завершились подписанием китайско-корейского соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве.

При подписании соглашения присутствовал председатель Центрального народного правительства КНР Мао Цзэ-дун.

На снимке: соглашение подписывают председатель Кабинета министров Корейской Народно-Демократической Республики маршал Ким Ир Сен (слева) и премьер Государственного административного совета и министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай.

Фото агентства Синьхуа.

ВО ВЬЕТНАМЕ

19 декабря — Международный день активной солидарности с вьетнамским народом

Крестьянская бригада взаимопомощи высаживает рассаду риса.

Школа ликбеза.

На военном предприятии.

Группа школьников и школьниц селения Хан Тхуэн читает во время перемены иллюстрированную брошюру «Вьетнам борется».

Медицинская помощь пришла в самые глухие селения.

На выставке тканей

Над оградой старинного павильона Росси в ленинградском Саду отдыха появился транспарант: «Выставка тканей».

Здесь было представлено все, что выпускают фабрики Главного управления ленинградской хлопчатобумажной промышленности: свыше пятисот образцов тканей — сатина, батиста, маркизета, вуали, майи, фланели, зефиров, штапеля,— швейные нитки и мулине, кроше и ирис...

В павильоне царило необычайное оживление. Сюда заходили не только ленинградцы, но и приезжие из других городов.

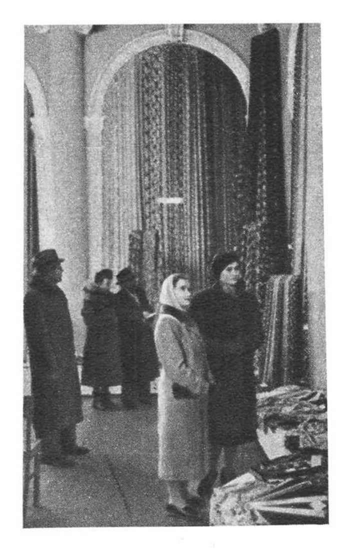
Перед нами более двух тысяч анкет. В каждой из них — замечания, предложения, советы. Посетители указывают, что им нравится и что не нравится, каких тканей следует, по их мнению, выпускать больше, а какие снять с производства.

«Нужны разнообразные ткани для мужских сорочек. Группа ленинградцев».

«Очень хорошее мулине делают на комбинате имени Кирова, а в продаже его мало. Мы учимся рукоделию и повсюду ищем вышивальные нитки разных цветов. Школьницы 295-й школы».

«Надо разнообразить ассортимент тканей с рисунками, которые радовали бы ребят»,— просят женщины.

В анкетах высказаны интересные пожелания. С ними не могут не считаться инженеры, художники, товароведы, заведующие магазинами, работники швейной промышленности.

В залах выставки тканей.
Фото Н. Ананьева.

В 1954 году ленинградские текстильщики освоят более двухсот новых расцветок тканей. Увеличивается выпуск зефира с шелком, жаккардового зефира, штапельного полотна «без усадки». Любительницы рукоделия получат мулине на 18 миллионов мотков больше, чем в 1953 году.

К. ЧЕРЕВКОВ

БОЛЬНИЦЫ, ПОЛИКЛИНИКИ, АМБУЛАТОРИИ

Новая городская поликлиника в Черниковске, Башкирской АССР.
Фото Г. Ефимова (ТАСС).

На волжской набережной высится строгое светлое трехэтажное здание — главный корпус Калининской областной больницы. Во время войны больница была разрушена взрывом бомбы. Здание, построенное во второй половине прошлого века, отличалось хорошей архитектурой, поэтому его решили реставрировать. Нынешним летом главный корпус был восстановлен.

В нем разместились хирургическое, терапевтическое, онкологическое и другие отделения, рассчитанные на четыреста человек. Здесь же лаборатория, операционные, конференц-зал и аудитория для занятий студентов-медиков. В этих помещениях, оборудованных по последнему слову медицинской науки, все приспособлено для удобства больных. В просторных палатах высокие потолки; полы и широкие лестницы застланы дорожками, чтобы не было слышно шума шагов. Территория вокруг корпуса озеленена, и выздоравливающие могут гулять по молодому парку.

Главный корпус Калининской областной больницы — одно из многих лечебных учреждений, постройка которых закончилась в этом году. Среди них и главный корпус скромной районной больницы в селе Солдатке, Омской области, и поликлиника в Черниковске, Башкирской АССР, и туберкулезный диспансер в Янги-Юле в Узбекистане, и родильное отделение Йыгеваской больницы в Эстонии, и поликлиника в Елгаве в Латвии.

В одной только Российской Федерации Министерство здравоохранения РСФСР построило в нынешнем году около шестидесяти городских и сельских больниц, поликлиник, амбулаторий. Еще бо́льшие дела предстоит строителям в будущем, 1954 году. Строятся гинекологическая клиника в Риге, родильный дом в Саранске, областная больница в Витебске, больницы на острове Врангеля, в далекой Якутии, сельские лечебницы в Узбекистане, Литве, Молдавии и множество других больниц и поликлиник.

Н. ГОНЧАРЕНКО

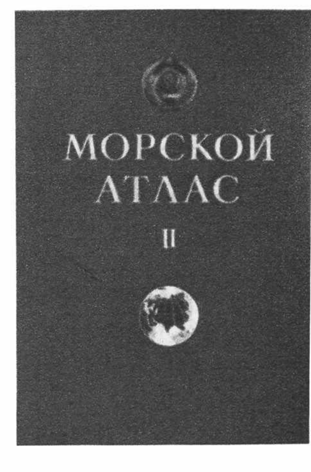
АТЛАС МИРОВОГО ОКЕАНА

Этот многоцветный лист толстой глянцевитой бумаги появляется на парте перед школьником сразу после букваря и таблицы умножения. Географическая карта впервые открывает ребенку величие окружающего мира...

Создание карт — сложное инженерное искусство, основанное на комплексе точных наук. Многовековую историю насчитывает картография, из столетия в столетие совершенствуются карты.

Множество атласов издается во всех странах мира. Но еще не было среди этих изданий такого, которое объединяло бы сведения по группе родственных дисциплин, изучающих нашу планету как единое физическое целое.

Советские ученые и картографы доказали, что такое издание возможно, что именно так должны строиться современные научные труды по географии.

Вслед за первым томом Морского атласа, удостоенным в 1951 году Сталинской премии, недавно вышел в свет второй том, посвященный физической географии Мирового океана.

Перелистаем этот фолиант. Первые листы его как бы уводят нас вглубь прошлого, знакомят с именами тех, чьими трудами познавалась природа океанов и морей.

Множеством разноцветных линий со стрелками изборождены моря Севера, Тихий океан, воды Антарктики. Карты и схемы исторического раздела Атласа показывают нам плавания русского современника Колумба Григория Истомы, прошедшего на корабле из Белого моря в Европу в 1496 году, полярные походы поморов-первооткрывателей Груманта — Шпицбергена. Перед нами маршруты Дежнева, походы Беллинсгаузена и Лазарева, кругосветные вояжи Крузенштерна и Лисянского, экспедиции Головина, Невельского.

Запечатленные на картах и схемах события многовековой давности подтверждают приоритет русского народа во многих важнейших географических открытиях, ведущую роль русских ученых в исследовании морей и океанов.

Замечательны плавания адмирала С. О. Макарова — основоположника океанографической науки, строителя первого в мире мощного ледокола. Русские были пионерами в применении другого важного средства исследования Арктики — самолета. Одна из карт Атласа напоминает о первом в мире полете над полярными льдами, совершенном в 1914 году нашим соотечественником летчиком Нагурским.

Большое впечатление оставляют карты, посвященные успехам Советского Союза в освоении Северного морского пути, в исследовании Центрального Полярного бассейна. Словно на перекличке богатырей двух эпох, стоят рядом на одной и той же карте имена Харитона Лаптева, описавшего в XVIII веке берег Таймыра, и Георгия Ушакова, двести лет спустя исследовавшего архипелаг Северной Земли. На картах Антарктической области рядом с маршрутами русских кораблей «Восток» и «Мирный», посетивших южные полярные воды более 130 лет назад, очерчены районы деятельности советской флотилии «Слава», в составе которой уже не один год работают исследовательские суда.

Второй раздел Атласа — «Океанография» — посвящен гидрологическому режиму океанов и морей, строению дна и берегов, развитию органической жизни.

Ложе океанов, представленное на картах, показывает взаимосвязь в геологии морского дна и материков.

В Атласе отражены новейшие данные о максимальных глубинах морского дна (в Марианской впадине — 10 863 метра, в Филиппинской — 10 540, в Японской — 10 375 метров), нанесенные на карту с учетом промеров, произведенных в последние годы.

На карте «Землетрясения и вулканы» показано географическое распределение наиболее подвижных участков земной коры.

Штурманам и капитанам неоценимую услугу окажут карты приливов и отливов и волнений на море. Руководители китобойного и рыбопромыслового флота найдут в Атласе наглядные изображения животного и растительного мира океанов и морей. На трех картах показано распространение планктона, рыб, морского зверя, подводной растительности.

Интересными картами представлен третий раздел — «Климат». Здесь дана одна из наиболее полных схем климатического районирования Земли. Для каждого месяца на картах показан ветровой режим над океанами.

Последний, четвертый раздел второго тома посвящен земному магнетизму, картографии и астрономии.

Понадобилось творческое содружество наиболее авторитетных учреждений и известных ученых Советского Союза для выполнения такого капитального труда.

— Над созданием второго тома,— говорит ответственный редактор Морского атласа лауреат Сталинской премии профессор И. С. Исаков,— работал многочисленный коллектив ученых и картографов во главе с академиком В. В. Шулейкиным. Вместе с коллективом главной редакции Морского атласа трудились сотрудники Главного управления геодезии и картографии, институтов океанологии и географии, Морского гидрофизического института Академии наук СССР, научных учреждений Гидрометеослужбы, Главсевморпути, Московского и Ленинградского университетов.

Завершив издание второго тома, главная редакция продолжает работу над подготовкой к печати третьего, военно-исторического тома Морского атласа.

С. МОРОЗОВ

Врач приходит в цех

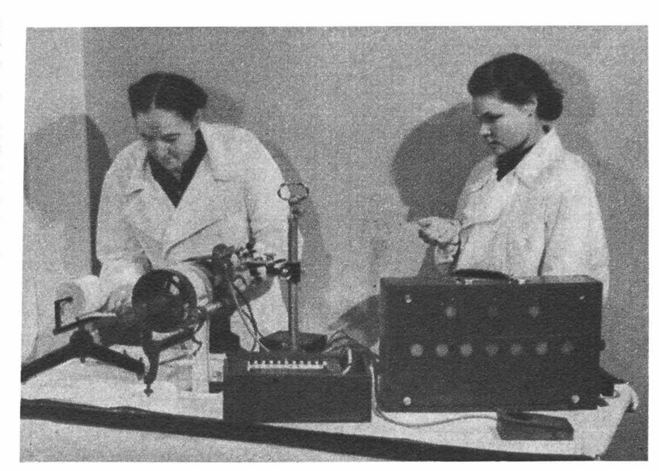
До последнего времени считали, что человек наиболее работоспособен с утра. Так ли это?

В течение двух лет сотрудник Института гигиены труда и профессиональных заболеваний Академии медицинских наук СССР З. М. Золина наблюдала за организацией труда рабочих и работниц московской кожевенной фабрики, следила за их работоспособностью в разное время дня. Всегда считалось, что конвейер весь день должен двигаться с одной и той же, раз навсегда заданной скоростью. Однако исследования Золиной показали, что это не так. Человек с утра, как говорят, «раскачивается» и, только окончательно войдя в ритм, начинает работать в полную силу. Если же с первой минуты конвейеру дать высокий темп, то это неблагоприятно отразится на здоровье рабочего.

По настоянию З. М. Золиной конвейер с утра пустили на малой скорости, в середине дня — на самой высокой, а в послеобеденное время и к концу смены — снова на малой. Кроме того ввели 10-минутный перерыв через каждые два часа. В результате труд рабочих стал более производительным.

С докладом о своих исследованиях З. М. Золина недавно выступила на научной сессии, посвященной 30-летию института.

Р. ЛИХАЧ

Старший научный сотрудник З. М. Золина (слева) и работник лаборатории Л. В. Сташковская за проверкой установки по исследованию высшей нервной деятельности.

Новый Дворец культуры в Мингечауре.
Фото С. Кулишова и М. Фришмана.

На площадях и улицах Мингечаура

Не так давно на карте Азербайджана появился новый город — Мингечаур. Он вырос на месте безвестного селения у подножия горы Боз-Даг. Там, где быстрая и своенравная Кура, теснимая ущельями, вырывалась из своего узкого ложа на простор степей, поднялась плотина. Опираясь плечами на хребты Боз-Дага, она преградила путь Куре. Река изменила свое извечное русло. Перед плотиной широко разлилось Мингечаурское море.

В Мингечауре сооружается мощная гидростанция. Огни этой крупнейшей послевоенной стройки Азербайджана озарят треть республики. Сейчас идет подготовка к вводу в действие первого турбогенератора, скоро в машинном зале ГЭС вступит в строй и второй агрегат.

Там, где раскинулось сейчас Мингечаурское море, раньше простирался Самухский лес. В 1946 и 1947 годах строители вывезли из леса и высадили у подножия Боз-Дага тысячи деревьев: шелковицу, тополь. Аллеи обозначили контуры будущих городских улиц.

Пройдите сегодня по Мингечауру. Это большой благоустроенный город с широкими улицами и площадями, со скверами, школами, больницами, клубами.

Сейчас заканчивается строительство стадиона, универмага, Дома бытового обслуживания, амбулатории с аптекой, двух помещений для детских садов.

Недавно закончено сооружение Дворца культуры, одного из лучших в республике.

Во Дворце более 140 комнат для занятий коллективов художественной самодеятельности, обширная игротека, библиотека-читальня, два зала на 600 и 200 мест.

Город имеет свой питомник. Выращенные в нем саженцы декоративных и фруктовых деревьев высаживаются на улицах и в скверах. Зелень украшает проспект Сталина, улицы Советскую, М. Горького, Низами и многие другие. Даже холодной осенью на проспекте Ленина цвели огненные канны. Цветы можно увидеть и в других уголках города.

А. КИКНАДЗЕ

Сибирские шторы

В сибирское село Абан пришло письмо: Главунивермаг Министерства торговли СССР запрашивал, может ли местный райпромкомбинат поставлять свою продукцию москвичам.

В далеком таежном селе, расположенном на северо-востоке Красноярского края, издавна «ткут» древесное полотно — оконные шторы из соломки-лучинки.

Это ремесло передается здесь из поколения в поколение. Непревзойденными умельцами слывут кустари Ивановы, унаследовавшие это искусство от отцов и дедов. Ивановы приложили немало усилий, чтобы кустарное шторное производство приобрело промышленный характер.

Сырьем служит высококачественная прямолинейная сосна. С помощью рубанков-калевок снимается соломка — тончайшая стружка шириной в 6 миллиметров и длиной от 1 до 1,5 метра. На каждую штору требуется 300 таких соломок. Лучинки скрепляются между собой кручеными нитями из пряжи, окрашенными в восемь цветов, образующими по краям и центру шторного полотна несколько узорчатых полос и орнаментов.

Сорок метров древесной

Ткачиха Мария Сураева — одна из лучших мастериц Абанского райпромкомбината.

ленты наматывается на барабан ткацкого станка и снимается в виде рулона, после чего полотно разрезают на нужные размеры. Концы соломок зажимаются полированными планками с кольцами и шнуром, с их помощью шторы сворачиваются в трубочку или опускаются.

Сибирские шторы получили широкую известность по всей стране.

А. ШЕВЕЛЕВ

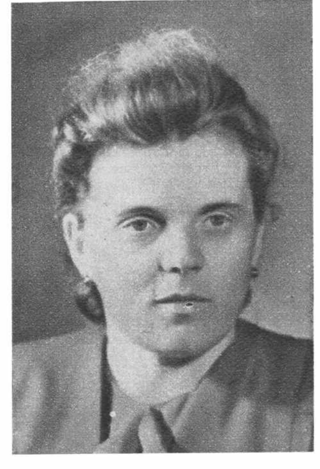

Кира Зворыкина — чемпионка СССР

Первая чемпионка мира по шахматам среди женщин Вера Менчик прекрасно играла в шахматы. Она два раза победила экс-чемпиона мира Эйве, выиграла у Беккера, Земиша и других международных мастеров. На турнире в Москве в 1935 году она сыграла вничью с Лилиенталем и Флором (согласившимся на ничью не из галантности!). В те годы шахматисты, не сумевшие выиграть у Веры Менчик, шутя зачислялись в так называемый «клуб имени Веры Менчик». С годами этот «клуб» рос и рос, и его многочисленные члены стали с уважением относиться к женщинам-шахматисткам.

Удивительно, что еще нередко встречаются люди, которые иронически улыбаются, как только разговор заходит о шахматистках. Когда будет так же много шахматисток, как сейчас шахматистов, и когда они чаще будут встречаться между собой за шахматной доской,— только тогда определеннее выяснится, кто, собственно говоря, «слабый пол».

Говорят, что шахматистки часто «зевают». А разве это — такое уж редкое явление среди шахматистов-мужчин? Достаточно вспомнить соревнование в Цюрихе. В этом турнире претендентов на первенство мира американский гроссмейстер Решевский в партии с венгерским гроссмейстером Сабо «зевнул» мат в два хода, но его «амнистировал» противник, также не заметив этой возможности. Важно другое: пока что

шахматы еще действительно не пользуются большой популярностью среди женщин. На Западе женщины очень редко играют в шахматы. У нас и в странах народной демократии шахматное искусство постепенно завоевывает более прочные позиции и среди женщин. В международных женских турнирах советские шахматистки убедительно доказали шахматисткам Запада свое превосходство.

Чемпионаты нашей страны всегда протекают в острой спортивной борьбе. В прошлом году чемпион мира М. Ботвинник стал одновременно и чемпионом СССР. Так же закончила турнир и Л. Руденко. Однако в этом году подобный «дубль» новой чемпионке мира Е. Быковой не удалось осуществить. Играть матч на первенство мира и вскоре затем сражаться в турнире с таким сильным составом, в женском чемпионате СССР, едва ли кому под силу.

В только что закончившемся соревновании чемпионкой СССР стала Кира Зворыкина (Минск). Она молодая, но опытная шахматистка.

Международный мастер Кира Зворыкина импонирует своим спокойствием, хладнокровием, крепкими нервами. Новая чемпионка умеет атаковать, ставя соперницам хитрые ловушки, а когда требуется, терпеливо «высиживать» нужное очко.

Кира Зворыкина недавно вышла замуж. Ее муж — известный мастер А. Суэтин, хороший практик и теоретик. Видимо, это творческое содружество дало неплохие результаты. Посмотрим, как в дальнейшем Кира Зворыкина поможет мужу в предстоящем чемпионате СССР!

Неудачным был этот год для Людмилы Руденко. Летом ей пришлось расстаться с званием чемпионки мира, а теперь сдать дела и чемпионки страны, заняв в чемпионате хотя и почетное, но все же только второе место. Но ничего не поделаешь! Старейшим гроссмейстерам давно «не дает жить» молодежь. Очевидно, и у шахматисток проходит такая же «шахматная революция».

Международный гроссмейстер Сало ФЛОР.

Шайба в игре

Первенство страны по хоккею

В турнирной таблице чемпионата СССР по хоккею с шайбой заполнена уже не одна графа. Девять сильнейших команд страны, сыграв по четыре—пять игр на зимнем стадионе Челябинского тракторного завода и закончив первый круг состязаний в Свердловске, проведут второй круг в Москве, на стадионе «Динамо».

О чем же говорят первые встречи? Прежде всего о том, что на хоккейном поле появилось много способной, отлично подготовленной молодежи. Так, например, команда Ленинградского Дома офицеров, сплошь составленная из молодых игроков, выиграла встречу у трехкратного чемпиона страны — команды ЦДСА (4 : 3) — и после состязания в Челябинске занимала второе место, вслед за динамовцами Москвы, идущими без поражений. Успешно начал чемпионат и «Авангард» (Челябинск), деливший третье и четвертое места с таким опытным столичным коллективом, как «Зенит». Хорошо показали себя в первых играх молодые хоккеисты клуба имени Карла Маркса (город Электросталь).

Одна из сильнейших команд страны — ЦДСА — закончила челябинский тур, проиграв еще одну встречу, на сей раз московским динамовцам. Эта игра была одной из самых интересных и прошла в исключительно высоком темпе. Только в третьем периоде динамовцам удалось добиться победы со счетом 2 : 1.

Таким образом, команда «Динамо» (Москва) прочно закрепила за собой лидерство. Но армейские хоккеисты, несмотря на неудачный старт, не сложили оружия и, видимо, сделают все возможное, чтобы исправить свое положение в таблице всесоюзного первенства.

На зимнем стадионе Челябинского тракторного завода. Момент игры московской и ленинградской команд «Динамо».
Фото В. Георгиева (ТАСС).

БАСКЕТБОЛИСТКИ СССР В ЧЕХОСЛОВАКИИ

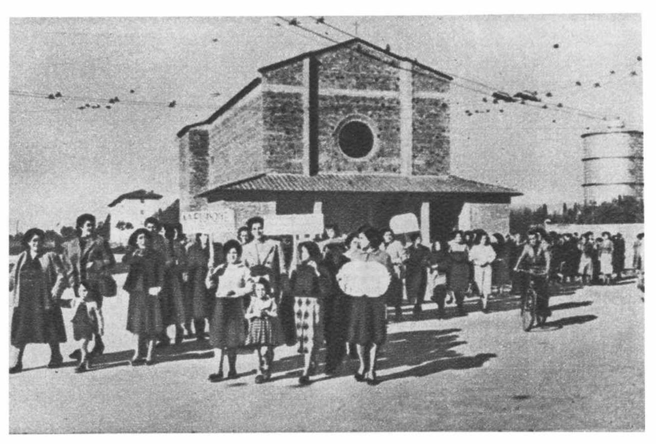
Баскетболистки Москвы провели ряд товарищеских игр в Чехословакии. Особенно интересно прошли встречи с первой и второй сборными Чехословакии, закончившиеся победой спортсменок СССР. На снимке: момент игры со второй сборной. Советские баскетболистки выиграли эту встречу со счетом 85 : 51.

«Пиньоне» продолжает работать

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

1948 год. Владельцы «Пиньоне» объявили о закрытии завода и окружили его отрядами полиции. Но 250 рабочих, оставшихся в цехах, при поддержке всего населения заставили хозяев отказаться от своего намерения.

Демонстрация жен, сестер и детей рабочих «Пиньоне», призывающих население Флоренции оказывать поддержку борьбе за спасение завода.

Завод «Пиньоне» во Флоренции — самое большое предприятие области Тосканы. В момент, когда пишутся эти строки, завод занят рабочими. Без хозяев, без технического персонала, оставшегося на стороне предпринимателей, рабочие продолжают выпускать продукцию.

История с «Пиньоне» — обычное явление в нынешней Италии. Хозяева по соображениям «нерентабельности» распорядились закрыть завод и выбросить на улицу 1 750 рабочих и служащих. Но люди не согласились подчиниться, они продолжают работать. На стороне рабочих — это тоже стало правилом — все население города. Их снабжают деньгами, продуктами, теплыми вещами. Даже мэр города, христианский демократ, даже представители буржуазных партий в городском и областном самоуправлениях вынуждены были, учитывая общественное мнение, заявить о том, что они на стороне рабочих «Пиньоне». Организации самых разнообразных политических партий как бы соревнуются в оказании помощи рабочим завода. Всеобщая забастовка, объявленная во Флоренции в поддержку рабочих «Пиньоне», на 24 часа остановила всю жизнь в городе и области.

Тем не менее владельцы завода не отменили своего решения. Попытка встревоженных размахом борьбы правительственных органов урегулировать конфликт встретила решительный отказ предпринимателей. Недаром на одном из плакатов, появившихся на стенах домов Флоренции, рабочие «Пиньоне» задают иронический вопрос: «Кто сильнее: правительство или промышленники?»

Мы побывали на заводе «Пиньоне», окруженном полицейскими отрядами. Рабочие закончили первую плавку стали. Мы познакомились и беседовали с этими рабочими. Многие из них были участниками партизанской борьбы против гитлеровских захватчиков. Эта борьба была крайне ожесточенной во Флоренции. Рабочие с оружием в руках защищали завод от фашистских орд, при отступлении сметавших все на своем пути.

Рабочие «Пиньоне» — не новички в борьбе за спасение завода от собственных хозяев. Владельцы задумали уволить около 200 человек еще в 1948 году. Рабочие тогда немедленно начали так называемую «белую» забастовку — цех за цехом по очереди останавливал работу на один час. Через 20 дней забастовки хозяева объявили о закрытии предприятия. В пять часов утра полиция окружила территорию «Пиньоне». Но 250 рабочих, оставшихся в цехах, заняли входы и выходы и подняли над «Пиньоне» трехцветный итальянский флаг. Через два дня к воротам стеклась многотысячная толпа женщин и мужчин, среди которых было немало крестьян. Люди не дрогнули перед направленными на них полицейскими пулеметами. Они добились своего: передали продовольствие, которое принесли осажденным рабочим. Не прошло и трех дней, как хозяева «Пиньоне» вынуждены были отменить приказ о закрытии завода.

Спустя два года, в 1950 году, повторилось то же самое, с той разницей, что забастовка длилась уже 83 дня. Хозяева попытались вывезти с завода наиболее ценные машины. Для безопасности это решено было проделать ночью. Но рабочие пикеты не дремали. Как только на узкоколейке показался поезд, направлявшийся к зданию завода, чтобы погрузить машины, раздался тревожный звук сирены. Все жители заводского района бросились к «Пиньоне». Прибыли сотни полицейских, но поезд не прошел на территорию завода, и хозяева сноva вынуждены были уступить.

Нынешняя попытка владельцев «Пиньоне» закрыть свое предприятие, выбросив на улицу сотни рабочих, третья со времени окончания войны. Удастся ли им это? Рабочие закалились в схватках с хозяевами, поддержка населения и общественности Италии значительно усилилась. Сегодня и правительство притянуто к ответу: именно оно должно заставить владельцев «Пиньоне» отменить решение о закрытии предприятия.

Рабочие «Пиньоне» легко не сдадутся: они любят свой завод, как источник жизни, как ценность, созданную их собственными руками.

Рим, 24 ноября.

Активисты профсоюза грузчиков собирают пожертвования в пользу борющихся рабочих на улицах Флоренции. Надпись на плакате: «Караван грузчиков городских скотобоен: в помощь Пиньоне».

«Марсельеза» в армянском селе

Сильва КАПУТИКЯН

У дядюшки Седрака
Сегодня новоселье,
В его квартире новой
Царит всю ночь веселье.

Закуски всякой — горы,
Вино рекою льется...
В разгаре пир веселый.
Вдруг голос раздается:

— Мари! Спой «Марсельезу»,
Ты спой нам гимн французский!..
Мари с прической модной
И в пестрой, яркой блузке;

Мила собою очень,
Она встает и с места
Поет по просьбе свекра,
Как добрая невестка.

Горит лицо румянцем...
Поет задорно, лихо
Мари-репатриантка,
Лионская ткачиха!

Поет она о славе
Французского народа,
Что возгласил когда-то:
«Мир, Братство и Свобода!»

Поет...— и в старой песне
Гул слышен демонстраций,
Уверенность в победе
Трудящихся всех наций!

Звенит, рокочет песня
У дядюшки Седрака
В дому, в селе армянском,
В районе Аштарака!

Вокруг стола сияют
Восторженные лица...
Как дядюшке Седраку
Невесткой не гордиться!

Хотя он по-французски
Не знает даже слова,
Сам по напеву судит,
В чем суть и в чем основа.

Такой понятной людям
Казалась песня эта,
Как если б по-армянски
Им пела Мариэтта!

— Друзья мои! — воскликнул
Старик, бокал поднявши. —
За эту песню выпьем
И за народ, создавший

Гимн этот величавый...
Французскому народу
Мы от души желаем
Добыть себе свободу!

И все единодушно
Бокалы поднимают,
И все сердца, ликуя,
Лишь одного желают,

Чтобы народ французский
Не ведал страха тени,
Чтоб в схватке новой не был
Поставлен на колени!

И пьют за «Марсельезу» —
Бессмертный гимн народа, —
И за народ французский,
И за его свободу.

Пьют здесь, в семье колхозной,
У дядюшки Седрака,
В глухом селе армянском,
В районе Аштарака...

Перевел с армянского
М. Тальвердиан.

НЕБЫВАЛЫЙ УРОЖАЙ В КИТАЕ

1. Провинция Хунань. Районы вокруг озера Дундин китайцы называют житницей родины. Четыре года подряд здесь собирают богатые урожаи риса. Особенно хорош урожай нынешнего года: он на 10 процентов выше прошлогоднего. На снимке: члены группы взаимопомощи по обработке земли в волости Сифу и работники кооператива осматривают посевы риса.

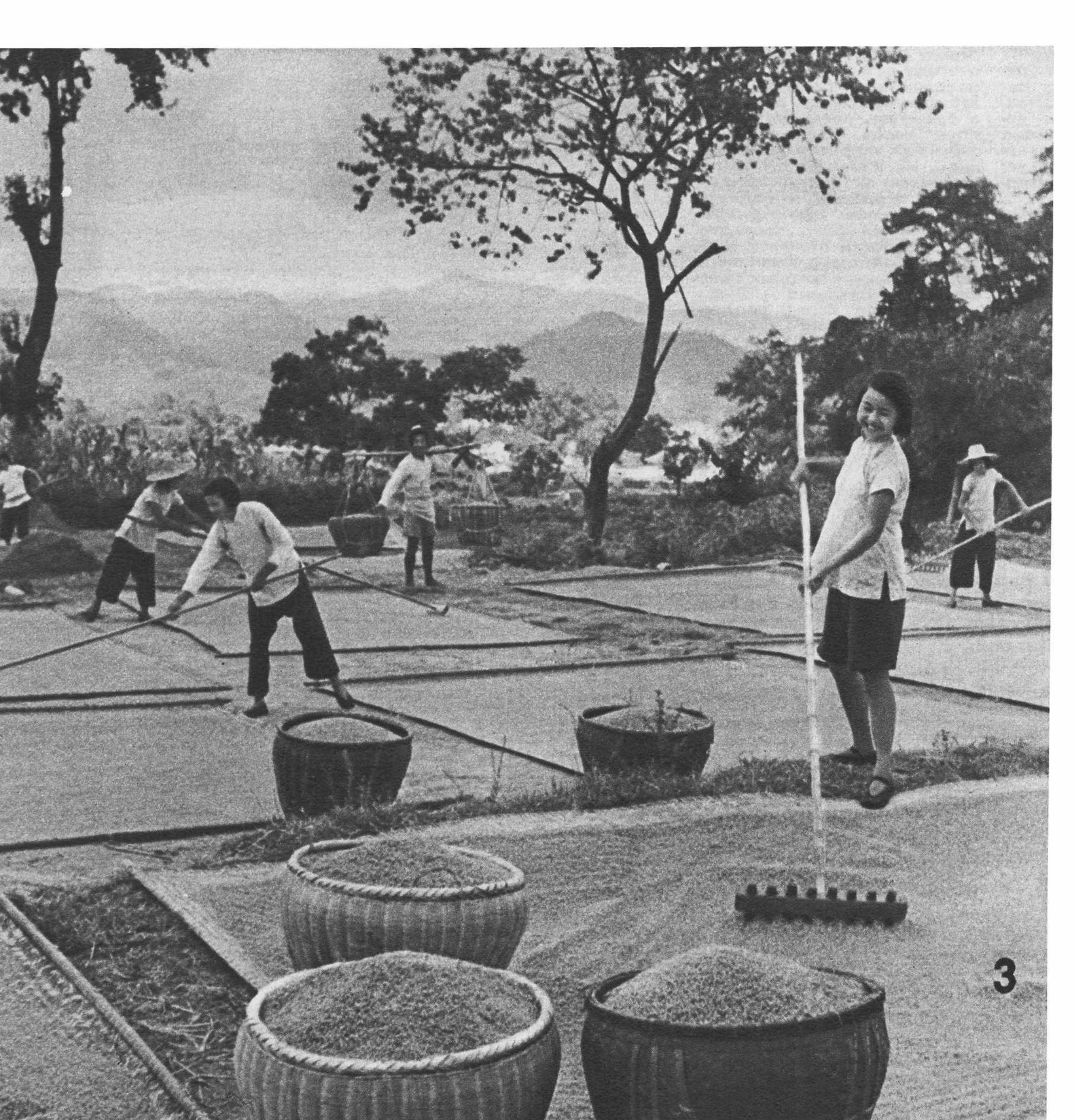
2. Провинция Сычуань. Богатый урожай гаоляна собрал Ли Го-дин, крестьянин из волости Шидун, уезда Лу.

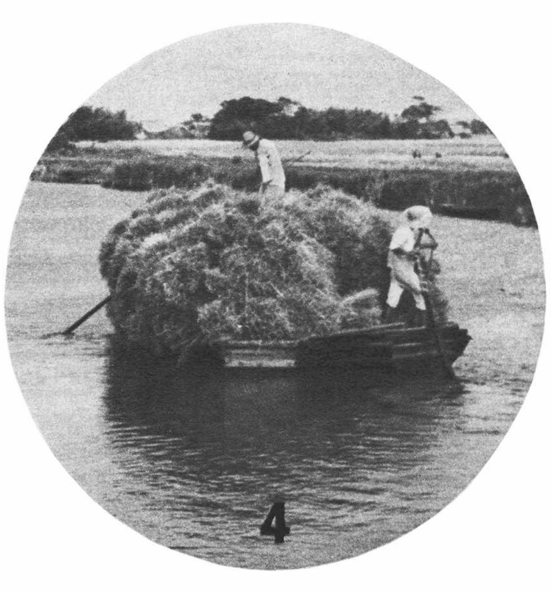
3. Провинция Чжэцзян. Крестьяне уезда Фуян, несмотря на постигшие их стихийные бедствия, сняли второй за год богатый урожай риса.

На снимке: члены сельскохозяйственного производственного кооператива деревни Люси, уезда Фуян, сушат вновь собранный рис.

4. Провинция Цзянсу. Здесь закончили сбор второго урожая риса с 860 тысяч гектаров. Члены сельскохозяйственного производственного кооператива деревни Синло, уезда Куэньшань, перевозят рис на ток.

Фото агентства Синьхуа.

ГОРОД ЛЬВА

Николай ПЛЯВИН,
капитан дальнего плавания

Порт Сингапур — по-малайски Город Льва — лежит на пересечении многих морских путей. Туда заходит порой до семи тысяч кораблей в год. Побывал в Сингапуре и советский танкер «Иосиф Сталин», флагман Черноморского нефтеналивного флота. Капитан танкера Николай Иванович Плявин рассказывает в своих заметках о виденном в этом порту.

На рейде Сингапура

В полдень мы бросили якорь на внешнем рейде, у входа в порт.

Здесь стояло не меньше двадцати грузовых и пассажирских кораблей, английских, американских крейсеров и других военных судов. Между кораблями торгового флота сновали катера, баркасы и баржи с углем, нефтью и пресной водой. От одного судна к другому носились разноцветные тупоносые шлюпки, в которых торговцы подвозят к судам свой нехитрый товар.

Неподалеку от нас с барж вручную грузили уголь на греческое судно. Погрузкой занимались золотисто-коричневые малайцы в набедренных повязках, черных матерчатых шапочках или островерхих, широкополых соломенных шляпах. Одни из них стояли на баржах, другие на канатных подвесках облепили борта судна. Под заунывную песню малайцы по живому конвейеру подавали друг другу тяжелые корзины, наполненные углем...

С танкера хорошо видна приморская часть города. Набережная застроена большими, похожими на крепости зданиями с тяжелыми колоннами и башнями. На фоне моря и лесов они выглядят так, будто их прибуксировали сюда из лондонского Сити. Левее набережной, у причалов, высятся склады. Еще дальше тонут в прибрежной зелени богатые виллы, а рядом с ними — казармы. До чего же однообразен пейзаж в городах колониальных стран! Капиталисты и чиновники живут в колониях обязательно в окружении солдат, артиллерии, танков...

Не успели мы толком все разглядеть, как примчался полицейский катер и стал фотографировать со всех сторон наш танкер. Потом прилетел еще и самолет. Едва не цепляясь за мачты, он на бреющем полете сделал над нами десяток заходов.

Набережная Джонсон Пиар

На набережной первым встретился нам богатый египтянин в длинной шелковой куртке кремового цвета, с красной феской на голове. За ним шла важная пара — толстый малаец в желтом кителе с широкими рукавами, с гребнем в напомаженных волосах, и высокий бородатый араб в светлом балахоне и огромной белой чалме. Следом, стуча своими гета — туфлями на деревянных подметках, — семенили японец и японка.

Потом уже трудно стало запоминать каждого пешехода в отдельности. По широкому тротуару, мимо контор и сверкающих витринами магазинов, двигалась толпа купцов, военных, чиновников. Европейцы и американцы в привычных для нас костюмах смешались с малайцами, китайцами, цейлонцами, турками, арабами, одетыми в разноцветные халаты, короткие штаны или широкие шаровары. Мелькали большие, будто зонты, соломенные шляпы, форменные фуражки, пробковые шлемы, фески, чалмы.

Шум стоял такой, будто мы попали на птичник. Разобрать, о чем шла речь, нельзя было, но часто повторялось одно слово — то по-американски жестко, то певуче, по-восточному:

— Доллар...

Посредине мостовой густым потоком ползли автомашины, а сбоку, у самого тротуара, по треку (узкой велосипедной дорожке) мчались «беча» — малайские рикши. Низко припав к рулю и нажимая на педали, они гнали свои велосипеды с колясками. В колясках восседали английские чиновники в белых кителях и обтянутых парусиной пробковых шлемах, ярко разодетые восточные богатеи.

Вдруг нас обогнала вереница рикш. Обливаясь потом, они везли на большой скорости американских солдат и офицеров. Сидя в обнимку по двое, а то и по трое в каждой коляске, американцы орали, гоготали, подгоняя рикш.

— Не удивляйтесь, — тихо заговорил с нами по-английски малаец средних лет.— Это американцы устраивают гонки...

— Гонки?.. — переспросил я.

— Да, — кивнул головой малаец. — Если хотите, возьмите такси и поезжайте следом... Увидите, чем это кончится...

— Чем же?

— Отставших рикш начнут избивать бутылками, топтать ногами, переломают их велосипеды...

В районе бедноты

Между деревьями через всю эту узкую улочку были протянуты веревки, на которых сушилось заплатанное белье. Во двориках или прямо на улице хозяйничали малайки. Одеты они почти так же, как и мужчины, — в желтые, белые и красные куртки с широкими рукавами и такого же цвета короткие, узкие брюки. Женщины готовили обед на каменных печурках или кострах.

У одного очага мы остановились. Старуха держала в руках что-то похожее на арбуз. Отрезанные от него ломти она клала на тлеющие угли.

— Что это такое? — спросил я.

Старуха не поняла меня и подозвала молодую соседку. Та немного говорила по-английски и пояснила:

— Бабушка поджаривает плод хлебного дерева... Вы никогда не видели этого дерева?

— Нет, но не раз слышали и читали о нем. Знаем, что оно высокое и на нем, как шишки, растут плоды весом до двадцати килограммов...

Малайка кивнула головой:

— Хороший плод, только дорого стоит... Иногда мы кладем его в яму... От влаги он всходит, как тесто. Тогда мы печем лепешки, оладьи...

Нас пригласили войти в дом. Мы очутились в полутемной, но довольно чистой клетушке. Земляной пол был устлан соломенными циновками. Справа у стены примостилась этажерка из тростника, завешанная белой, красиво вышитой материей. Посредине стоял стол, и на нем — что-то вроде чашек без ручек.

— Это наша посуда,— усмехнулась малайка, уловив мой взгляд.

— Из глины?

— Нет, присмотритесь получше: это скорлупа от кокосовых орехов... Она и за тарелку сходит и за чашку...

Жилье, которое мы осмотрели, еще относительно благоустроенное. Поближе к морскому побережью люди живут в лачугах из тростника, построенных на сваях и крытых пальмовыми листьями. А многие сингапурцы всю жизнь ютятся в сампанах — небольших лодках с натянутой над кормой холстиной.

Везде множество детей. Худые, одетые в рваные рубашонки, в набедренных повязках, а то и вовсе голые, они играли в пыли и грязи. Едва завидев нас, малыши вспархивали с земли и стайкой бросались навстречу, прося милостыню.

В фруктовой лавке мы разговорились с продавцом. Указывая на лежавшие в ящиках апельсины, похожие на сливы плоды манго, ананасы, бананы и папайи, напоминающие грушу, продавец бормотал на ломаном английском языке:

— Дорого, все дорожает. Потому и в лавку никто не заходит... Да что фрукты, без них можно обойтись! А вот хлеб и рис вздорожали с довоенного времени в шесть раз... А заработков нет...

Малаец замолчал. Видя, что мы собрались уходить, он улыбнулся:

— Извините, ничего хорошего я вам рассказать не мог...

Учитель

Дальше мы шли вместе с юношей по имени Мунша, предложившим проводить нас в китайский район Сингапура. Сын грузчика, Мунша, как и многие другие малайцы, родился и вырос на воде. Все детство он провел на сампане. Мальчик голодал, но упорно учился, и ему удалось окончить школу. Потом, работая в порту, он продолжал учиться, и вот год назад стал учителем.

— Мой труд не пропал даром... У меня есть теперь пятьдесят два ученика... Это очень хорошо, когда можно учить людей.

— А школа у вас хорошая?

— Лучше, чем та, в которой я учился сам... Правда, и у нас нет парт, скамеек мало, места не хватает... Зато у всех учеников есть бумага и карандаши... А когда я учился, многое приходилось запоминать: не на чем было писать!..

Наш спутник добавил, что учителям по два — три месяца подряд не платят жалованья. Те, кто помоложе, после уроков рабо-

У многих малайцев в Сингапуре нет жилья. Люди вынуждены жить в лодках.

Малайский народ самоотверженно борется с английскими колонизаторами за свободу и независимость своей родины.

На снимке: воинская часть малайской Народно-освободительной армии.

Фото агентства Синьхуа.

тают в порту, а пожилых учителей кормят родители школьников. Даже школу, в которой преподает Мунша, построили жители близлежащих улиц: власти не дали на это ни одного фунта стерлингов.

Рассказывая об этом, Мунша все повторял:

— Ничего, ничего, все равно у нас школа уже есть, и дети учатся...

Много интересного рассказал Мунша о прошлом Города Льва. Это был центр большой и яркой национальной культуры. В старину здесь жило много писателей и поэтов. На многие языки переводились в те времена малайские песни — пантуны. Малайцы любили басни Эзопа, переведенные с греческого сингапурским поэтом Ахмедом бин Юнусом. Чуть ли не на каждой улице был свой вайанг — театр теней. Во многих странах славились изделия сингапурских резчиков по металлу и кружевниц.

— А потом пришли англичане. Они еще хуже, чем малайские князья... Искусство, литература, ремесла — все это перестало развиваться...

Мунша вдруг улыбнулся.

— Когда-то в Городе Льва считали наиболее важными те улицы, на которых жили писатели и было много театров. А теперь главная улица...

— Джонсон Пиар, — подсказал я.

— Не совсем так... Для нас, малайцев, есть улица и поважнее. Она называется Сент Эндрюс Роуд. Там находится полиция. Вряд ли есть хоть один сингапурец, которому не пришлось побывать там... Но и полиция все больше боится народа... Недаром ее здания обнесены колючей проволокой...

Мунша говорил правду. Мы уже знали, что у полицейских участков в Сингапуре на ночь устраивают проволочные заграждения, а на центральных улицах в зелени замаскированы пулеметы и пушки. Это делается неспроста: обитатели богатых кварталов Сингапура боятся партизан.

В китайском районе

Мы шли по извилистой улице. Справа и слева тянулись обмазанные глиной фанзы — похожие на сараи китайские хижины. Кое-где над ними возвышались двухэтажные и трехэтажные ветхие дома; очень узкие, всего в два — три окна, они напоминали длинные ящики, поставленные стоймя. На перекрестках покрикивали, предлагая свои услуги, бродячие лудильщики, сапожники и парикмахеры. Всюду сновали торговцы. Чего только не было на их лотках! Зелень и пуговицы, рыболовные крючки и ткани, карандаши и чудесные шкатулки из черного дерева с металлическими украшениями тончайшей работы. Из харчевен и прачечных валили дым и пар. У очагов, готовя обед, возились не только женщины, но и мужчины.

Дети, играя у сточных канав, строили из песка плотины, гонялись друг за другом или запускали змеев, разрисованных цветастыми птицами и драконами.

На этой улице, а потом и на других сразу бросалось в глаза, что детей и женщин тут меньше, чем в малайских кварталах.

— Чем это объяснить? — спросил я пожилого китайца, владельца парикмахерской.

Он возился с густой пенистой жидкостью, быстрыми и ловкими движениями взбивая ее двумя палочками. Услышав мой вопрос, он оглядел меня с ног до головы и спросил:

— Вы русский моряк?

Я ответил. Тогда парикмахер немного оживился:

— Многие китайцы, живущие здесь, родились далеко... Мы приехали сюда искать кусок хлеба, а заработки такие, что семью не на что привезти... Я поселился тут одиннадцать лет назад, а жену привез лишь в прошлом году... Дети мои остались в Гонконге, я оттуда родом...

Парикмахер помолчал и уже сам спросил, продолжая орудовать палочками:

— А вы не заметили, что среди детей мало девочек?

— Нет, не заметил...

— Значит, вы не знаете, что такое ми-цай... Пригласив меня сесть, парикмахер отставил в сторону блюдечко.

— Так у нас называют маленьких девочек, которых голодающие родители продают в зажиточные семьи. Ми-цай — это самые несчастные дети на свете. С малых лет они работают прислугами, никогда не получая жалованья... Вы не были здесь у европейцев?

— Не пришлось...

— Загляните в любой дом. Среди десяти — двенадцати слуг вы обязательно найдете ми-цай. На них сваливают всю грязную работу. Счастливой считается та, которой выпадает на долю работа не на кухне, а в жилых комнатах. Она выполняет капризы какой-нибудь миссис. Если жарко, то миссис развалится в кресле и заставит семилетнюю ми-цай медленно размахивать опахалом, подвешенным к потолку... Даже у взрослого человека затекут руки и ноги от такого, легкого на первый взгляд, дела. Но ми-цай должна все терпеть: ведь ее купили, как вещь, ей некому жаловаться...

Слушая парикмахера, мы как бы продолжали экскурсию по городу. Китайцев в Сингапуре гораздо больше, чем малайцев. Среди них много рабочих. Почти все они трудятся на крупных оловоплавильных заводах английской фирмы «Стрэйтс трэйдинг компани», на обувных, мыловаренных, мебельных, лако-красочных предприятиях. Немало среди китайцев портовых рабочих, ремесленников, мелких торговцев.

— С тех пор, как в Китае победил народ, — говорит парикмахер, — чиновники и полиция вымещают злобу на нас... Китайские школы и газеты закрываются... В доме одного сапожника, тут, на соседней улице, увидели портрет Мао Цзэ-дуна и всю семью потащили в полицию...

Сингапурские китайцы всей душой любят свою родину, ставшую народной республикой. Об этом говорили нам рабочие, с которыми случилось беседовать на улице.

Оглядываясь по сторонам, один из них достал из кармана брюк кусочек красной материи с пятью золотыми звездочками:

— Там, в Китае, всюду теперь такие флаги!..

Рабочий очень волновался, стараясь найти нужные слова. Это ему не удавалось. И он сказал, пожимая нам руки:

— Китайцам здесь трудно жить, но на душе теперь легче, чем было раньше. У нас есть свой праздник... Первое октября, день создания Китайской Народной Республики...

Мастерство молодого индийца

В Сингапуре живут десятки тысяч индийцев. Они работают в порту, на фабриках и заводах.

В индийском районе города среди хижин нам попадалось много красивых и стройных мужчин и женщин. Они оглядывали советских моряков, некоторые кланялись. Но никто из них не говорил по-английски.

В одном месте старик, увидев нас, вдруг крикнул:

— Крашандра!

Стоявшие поблизости люди тоже закричали:

— Крашандра!.. Крашандра!

Несколько человек бросилось врассыпную. Нам показалось, что они испугались, хотя мы, конечно, не давали к этому никакого повода. Какой-то худощавый юноша в широких трусах, коверкая английские слова, стал объяснять, в чем дело. Оказалось, что Крашандра — имя какого-то человека, живущего неподалеку. Этот человек не только хорошо говорит по-английски, но еще знает песню, начинающуюся словами «Дети разных народов». За ним послали, и сейчас его приведут, потому что всем хочется поговорить с людьми из СССР.

Ожидая Крашандру, мы вошли в дом худощавого юноши, рассеявшего наше недоумение. В комнатушке была покрытая синей тканью скамья, служившая, очевидно, постелью. У стены на полу стояли глиняные горшки. Больше ничего здесь не было, кроме верстака, на котором лежали кусочки белой кости, множество маленьких ножей без черенков и разных размеров иглы.

— Слоновая кость? — спросил я. — Вы тут работаете?

Индиец кивнул головой.

— Где же ваши изделия?

Хозяин показал на верстак. Я решил, что он меня не понял. Я стал объяснять, четко выговаривая каждое слово, что хочу видеть готовые изделия — шкатулки, брошки или что-нибудь другое в этом роде. Индиец усмехнулся и пробормотал:

— Надо сделать большие глаза...

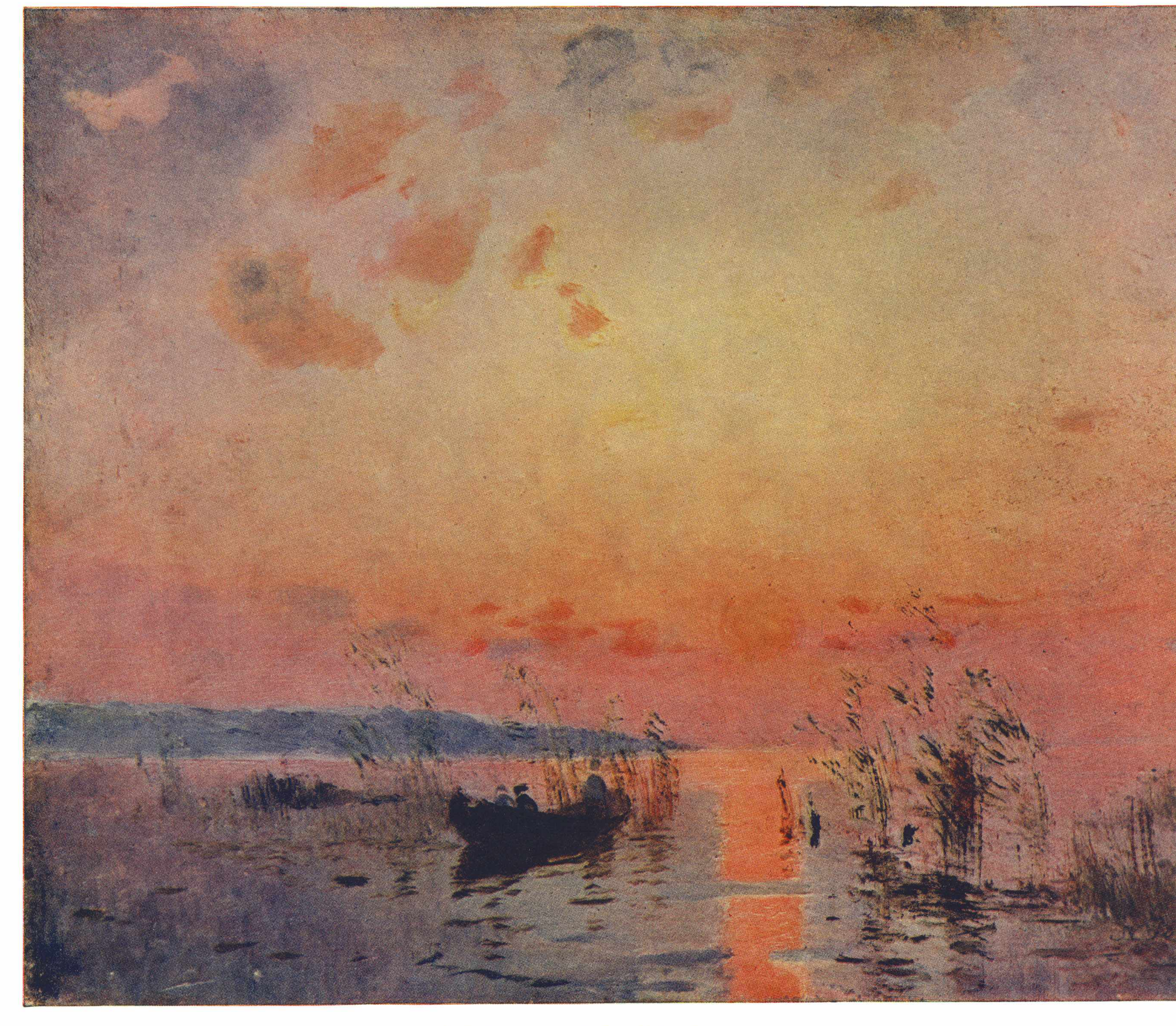
С этими словами он подал мне лупу, а сам взял с верстака кусочек кости. Глянув в лупу, я обомлел: индиец держал в руках целый дворец, величиной меньше спичечной коробки! Это был настоящий многоэтажный дворец с окнами и дверьми, балконами и арками, башнями и куполами!

Мы слышали и читали о мастерстве индийских резчиков, знали и то, что кусочек слоновой кости ценится выше, чем их искусная работа. Тяжело было глядеть на этого изможденного молодого индийца.

Нам очень хотелось похвалить мастера, сказать несколько добрых слов о его замечательном искусстве. Но он нас не понимал, и поэтому мы решили подождать Крашандру.

Но Крашандра не пришел. Люди, что побежали за ним, вернулись и сказали, что Крашандры не оказалось дома.

И мы, советские моряки, и индийцы пожалели об этом.

С. И. Васильковский. ЗАКАТ (этюд).

Пейзажи С. И. Васильковского

Сергей Иванович Васильковский (1854—1917) родился в Харькове. Родной Украине и посвятил художник все свое творчество. Он был человеком редкостного трудолюбия, и его наследие огромно: свыше трех тысяч произведений.

Специальное образование Васильковский получил в Петербурге, где занимался в Академии художеств. В ее стенах формировалось и крепло реалистическое мастерство живописца. Тогда же, в молодости, определил Васильковский свое призвание — пейзаж.

За пейзажные работы Васильковский неоднократно получал в академии награды. В 1884 году он получил Малую Золотую медаль за картину «Весна», а в конце 1885 года был удостоен Большой Золотой медали. В качестве пенсионера академии он два года провел за границей. Из работ Васильковского, написанных на Западе, две («В Пиренеях» и «Окрестности Байонны. Франция») хранятся в Государственной Третьяковской галерее.

По возвращении в Россию Васильковский поселился на Украине. В своих полотнах этого периода он вдохновенно рассказывает об украинских полях и лугах, бескрайних степях, широких и плавных реках, щедрых садах. Картины Васильковского встречали горячую поддержку у всех, кто любил украинскую природу. Еще в 1886 году в «Киевской старине» известный профессор-историк Д. Эварницкий, близкий друг Репина, посвятил Васильковскому восторженную статью. Покоренный талантом художника, он обращал его внимание на исторические сюжеты — «богатейший материал для художественной кисти».

Следуя этому совету, Васильковский не раз пробовал себя и в исторической живописи. Его картина «Запорожцы на разведках» пользовалась большим успехом на академической выставке 1889 года. Несколько лет спустя Васильковский написал «Схватку запорожцев с татарами», навеянную знакомством с известным репинским холстом. Васильковскому принадлежат и другие полотна на исторические темы: «Казак в степи», «Выборы полковника Пушкаря» и т. д.

Васильковский писал и жанры. Жанр он часто вводил и в свои пейзажные полотна, что придавало картинам исключительную жизненность.

В этом номере «Огонька» публикуются четыре работы Васильковского, хранящиеся в частных собраниях.

Этюд «Закат» написан мастерски. Багряное небо, будто подожженная вода, кусты, рыбачья лодка — все исполнено уверенной и сильной кистью.

В «Каменной балке» и голубое небо с плывущими по нему пышными облаками, и перспектива дали, и устланная камнями земля с растущими между ними деревцами — все говорит о больших просторах, привлекших художника.

И другие публикуемые работы: «Окрестности Ай-Тодора», «Закат» — позволяют ближе узнать и полюбить творчество выдающегося мастера пейзажа.

Е. БРАГИН

С. И. Васильковский. ОКРЕСТНОСТИ АЙ-ТОДОРА.

С. И. Васильковский. КАМЕННАЯ БАЛКА.

С. И. Васильковский. ЗАКАТ.

ХВОСТИК

Рассказ

Юрий СОТНИК

Рисунки О. Верейского.

Зал, отделенный от сцены коричневым занавесом, уже наполнялся зрителями. Оттуда доносился гомон десятков голосов, громыхание передвигаемых скамеек и стульев.

Драматический кружок старших классов ставил сегодня третий акт комедии Островского «Бедность не порок». Мне было поручено написать для журнала очерк об этом кружке. Я побывал уже на репетициях, перезнакомился со всеми актерами и теперь находился на сцене, где царила обычная в таких случаях суматоха.

Все, конечно, очень волновались.

Волновались рабочие сцены. При транспортировке с первого этажа на третий разлезлась по швам изразцовая печь, сделанная из деревянных планочек и глянцевой бумаги. К тому же портреты предков Торцовых в овальных золоченых рамах оказались слишком тяжелыми для стен «купеческого особняка», и те собирались завалиться. Все это приходилось наспех улаживать.

Волновался руководитель кружка преподаватель литературы Игнатий Федорович. Высокий, худощавый, с куцыми седыми усиками, он ходил по сцене, положив ладонь на плечо восьмиклассницы из соседней женской школы, игравшей Любовь Гордеевну, и ласково внушал:

— Верочка, так вы, братик, не подведете? Помните насчет паузы в объяснении с Митей? Пауза, голубчик, — великое дело, если во-время. Это еще Станиславский говорил... не подведете, братик, а?

Волновался, и, пожалуй, больше всех, помощник режиссера Родя Дубов — широкоплечий паренек с квадратной, покрытой веснушками физиономией и быстрыми голубыми глазками. На нем лежала ответственность и за декорации, и за бутафорию, и за освещение, и за проклятый занавес, который охотно открывался на репетициях и очень неохотно — на спектаклях. Обычно покладистый, добродушный, Родя сейчас волчком вертелся среди многочисленных бутафоров и рабочих сцены и не говорил, а рычал, рычал приглушенно, но очень страшно:

— Канделябррры! Кто оставил на полу канделябры? Убррать! Петька, живо! Почисть сюртук на Африкане Коршунове; сел, чучело, на коробку с гримом. Где лестница? Где стремянка? Какой дурррак утащил стремянку?!

Многочисленные подручные Родиона не обижались и метались по сцене, как футболисты на штрафной площадке.

Но вот печку отремонтировали, шатающиеся декорации укрепили, бутафорию расставили по местам. Родя оглядел сцену, потирая ладонью воспаленный лоб.

— Так. Теперь только кресла остались. Нука, все! Живо за креслами!

Рабочие бросились в учительскую, где стояли старинные кресла. На сцене остались помреж, я да несколько уже загримированных актеров, которые, прячась между кулисами, тихонько бормотали свои роли. Игнатий Федорович удалился в смежный со сценой класс, служивший сейчас артистической уборной.

Родя заглянул в небольшую дырочку, проделанную в полотнище занавеса, потом подошел к накрытому богатой скатертью столу и сел на него, болтая ногами.

— Сегодня хорошо управились. Во-время начнем. — Он с довольным видом принялся обозревать декорации. — Ничего все-таки сделано, а? Я в городском Доме пионеров бывал; так там, честное слово, не лучше: и эпоха не всегда выдержана, и аляповатость какая-то, и...

В этот момент скрипнула дверь, ведущая в артистическую. Послышалась возня, затем кто-то произнес: «На! Получай!» — и на середину сцены явно под действием хорошего пинка вылетел маленький полный гример Кузя Макаров из седьмого класса.

Помреж сполз со стола, сунул руки в карманы брюк и, покусывая губы, медленно приблизился к гримеру.

— Опять «хвостик»? — процедил он тихо.

Гример горестно поднял плечи и растопырил пальцы рук, окрашенные во все цвета радуги.

— Опять «хвостик»? — рявкнул помреж так громко, что, наверное, в зале услышали.

Гример попятился от него и забормотал:

— Ну, Родя... ну, вот честное слово!.. Ну вот, все время только и думал: «Как бы не сказать, как бы не сказать...» — и вдруг... Ну, совершенно нечаянно!

Гример пятился, а помреж наступал на него, не вынимая из карманов рук.

— А вот за это «нечаянно» мы вопрос поставим на комсомольском собрании. Понятно тебе? Мы тебе покажем, как человека изводить! Мы тебе покажем, как спектакль портить! А ну!.. Марш! Извинись и продолжай работать.

— Родя, погоди! Родя, он дерется...

— А ты думал, он тебя целовать за это будет?

— Родь, я пойду... Только пусть он остынет немного, и я пойду.

— Мы из-за тебя спектакль задерживать не будем. Ну! Ты что думаешь, я с тобой шуточки шучу?

Гример вздохнул и, подойдя к двери артистической, осторожно постучал в нее.

— Володя!.. — позвал он слабым голоском.

За дверью никто не ответил. Поколебавшись немного, гример приоткрыл ее.

— Володя... прости меня. Я... я нечаянно.

— Вон отсюда! Ясно? — донеслось из артистической.

Гример закрыл было дверь, но, оглянувшись на Родиона, снова приоткрыл ее.

— Вова, прости меня, пожалуйста. Ну, вот честное слово, в последний раз.

— Убирайся вон!!! Убирайся, пока цел!!!

— Володя, братик, не надо так... успокойся,— послышался из артистической голос Игнатия Федоровича.

— Володька, плюнь, спектакль задержится, если он тебя не загримирует, — сказал помреж.

Дверь распахнулась, и из нее стремительно, огромными шагами вышел Володя Иванов, игравший в спектакле Любима Торцова. Выставив вперед одну ногу, рубя воздух ладонью, он с запалом отчеканил:

— Предупреждаю! Если сегодня какая-нибудь скотина хоть один только раз назовет меня «хвостиком», я... я уйду со спектакля. Предупреждаю! — Он повернулся и так же стремительно удалился в артистическую, бросив гримеру на ходу: — Идем!

Откуда-то из-за кулис появился Гордей Торцов, уже вполне одетый, загримированный, с франтоватыми усами и окладистой бородой. Он запустил по локоть руку за пазуху и с минуту копался там, поправляя подушку, выполнявшую роль купеческого брюшка, потом сказал басом:

— А Вовка и впрямь сорвет спектакль.

— Сорвет не сорвет, а роль провалит. — Грызя в раздумье ногти, помреж стал прохаживаться по сцене.

Володя Иванов был стройным, рослым юношей, с орлиным носом, строгими глазами, над которыми круто подымались от переносицы четкие брови, с темными волнистыми зачесанными назад волосами. Кличка «хвостик» никак не вязалась со всем его обликом, одухотворенным и гордым. Я спросил Родю, откуда взялось это смешное прозвище.

— Да-а, ерунда какая-то,— отмахнулся помреж и нехотя пояснил: — Решали как-то пример по алгебре, а Вовка замечтался и не решал. Вот преподаватель спрашивает одного из нас: «Чему равен икс?» «Двенадцать и две десятых». Потом преподаватель заметил, что Вовка мечтает, и к нему: «Чему равен икс?» «Двенадцать». «Ровно двенадцать?» А Вовка число «двенадцать» расслышал, а дробей не расслышал. «Нет, — говорит, — с хвостиком. Двенадцать с хвостиком». А преподаватель у нас — довольно ядовитый старик. «Поздравляю, — говорит, — вас с открытием новой математической величины, именуемой «хвостик».

— С тех пор Вовку и зовут, — вставил Гордей Карпыч. — А знаете, какой Вовка самолюбивый?..

— Ага, — кивнул помреж. — Мы, старшеклассники, правда, быстро это у нас пресекли, а мелкота ни в какую. Мы их и к вожатому таскаем и лупим даже, а они все «хвостик» да «хвостик». И не то, чтобы назло, а так... отвыкнуть не могут.

К нам подошел Африкан Савич Коршунов, отвратительного вида старик (надо отдать должное гримеру) с лысым черепом и козлиной бородкой. Помреж рассказал ему о столкновении Володи с гримером, и «богач» кивнул головой.

— Факт, испортит роль. Как пить дать.

— Ребята! Ну, что вы каркаете! — возмутился я. — Ведь его и раньше «хвостиком» звали, а как он хорошо на репетициях играл!..

— На репетициях хорошо играл, а сегодня может все изгадить, — пробасил Гордей Карпыч.

— Вы не знаете, какая тут ситуация? — добавил помреж.

— Ну, какая?

— Сегодня у нас девчонки будут из женской школы. Спектакль-то совместный.

— Ну?

— Ну и среди них будет тут одна...

— Знакомая Володи?

— Какая там знакомая! Он с ней и слова не сказал. А просто... — помреж запнулся.

— Тает он по ней, короче говоря, — пробасил Гордей Карпыч, снова поправляя за пазухой подушку.

— Как?

— Тает. Ну, нравится она ему.

— Откуда же вы знаете? Тает — и ни слова не сказал.

Все трое пожали плечами и усмехнулись.

— Тут каждый дурак заметит, — сказал Коршунов. — Сидим, например, в Доме пионеров, ждем начала концерта. Вовка болтает с девчонками, дурачится, а тут вдруг подсаживается... эта... белобрысая. Он сразу покраснел, надулся, как мышь на крупу, и весь вечер промолчал.

— А на катке! — воскликнул Гордей Карпыч. — Катаемся однажды в каникулы. Вдруг приходит несколько девчонок, и с ними эта... Мы, конечно, вместе начинаем кататься, а Володька один выходит на беговую и начинает гонять... Круг за кругом, круг за кругом!.. Кругов пятнадцать сделал и ушел домой.

Родион кивнул, как бы подтверждая слова Гордея Карпыча, и значительно посмотрел на меня.

— Теперь понимаете, что будет, если кто-нибудь при ней Володьку «хвостиком» назовет?

— Понимаю, — ответил я, чувствуя, что положение и в самом деле складывается серьезное.

Африкан Коршунов вдруг разволновался и затряс передо мной козлиной бородкой.

— А вы понимаете, что значит для Володьки провалить эту роль? Понимаете? Вы знаете, как он к этому делу относится?!. Мы-то что!.. Мы после школы — кто в технический, кто в медицинский, кто в юридический, а он-то ведь в ГИТИС собирается, на актерский!

Я и это прекрасно понимал.

Любим Торцов, промотавшийся купец, — фигура очень уж далекая для советского школьника. Сможет ли шестнадцатилетний юнец сыграть старого шута и пьяницу, не сбившись на балаганщину, сможет ли он передать через смешное хотя бы долю трагизма, заключенного в образе Любима?

Такие сомнения сильно беспокоили Игнатия Федоровича, и он поручил эту роль Володе — самому серьезному из членов кружка. Поручил и не раскаялся в этом.

Володя принялся за работу с таким жаром, что все только диву давались, как ему удалось не нахватать троек и двоек по предметам. Он штудировал труды Станиславского, он пересмотрел в театрах и прочитал множество пьес Островского, он чуть ли не наизусть выучил статьи Добролюбова о великом драматурге. Обычно вспыльчивый, нетерпеливый, Володя на репетициях смиренно выслушивал самые резкие замечания режиссера и товарищей и без конца повторял с различными вариациями одну и ту же реплику, один и тот же жест. Однажды он даже напугал своего учителя:

— Игнатий Федорович, а что если мне разок напиться?

— Как? Прости, братик... Это еще к чему?

— К тому, чтобы узнать состояние похмелья, как руки трясутся...

— Нет, братик, ты уж не того... не перебарщивай. Это уж зря. Этак ты черт знает до чего дойдешь, — забормотал старый педагог.

Генеральная репетиция спектакля прошла успешно. Володя всем очень понравился в своей роли, и вот теперь любовь и смешное прозвище грозили испортить все дело.

Родион снова подошел к занавесу и, заглянув в дырочку, сразу подался назад.

— Пришла уже. Сидит, — сказал он мрачно.

— Где? Где сидит? — в один голос спросили Гордей с Африканом.

— В пятом ряду. Третья слева от прохода.

Оба купца поочередно заглянули в зал.

— Под самым носом села, — пробормотал Африкан Коршунов.

В это время рабочие сцены притащили кресла, и Родя снова принялся распоряжаться.

Мне захотелось увидеть роковую особу, причинявшую актерам столько беспокойства. Я припал к глазку, отыскал пятый ряд и даже присвистнул от удивления. Третьей слева на скамье сидела Лидочка Скворцова, дочка моего близкого приятеля.

Красавицей я бы ее никак не назвал, но в Лидочке было столько чего-то милого, свежего, детского, что, говоря о ней, хотелось употреблять слова в уменьшительной форме. У нее было округлое нежнорозовое личико, вздернутый носик, темнокарие глазки, широко открытые, когда Лидочка бывала серьезной, и становившиеся совсем узенькими щелочками, когда она смеялась. Светлорусые стрижены волосы Лидочка зачесывала назад и скрепляла их гребешком на затылке так небрежно, что над ушами ее всегда болталось несколько тоненьких прядок. Она чему-то смеялась, разговаривая с подругами и не подозревая, какое ей внимание уделяется на сцене.

— Все! Готово! — сказал помреж. — Лешка! Третий звонок. Нет!.. Стоп! Погоди! Вася, на минутку!

К помрежу подошел рабочий сцены Вася — парень на голову выше Родиона и раза в полтора шире его в плечах.

— Она в зале. Понимаешь? — тихо проговорил помреж.

Вася сделал испуганное лицо.

— Ну-у!

— Перед самой сценой расселась.

— Вот это так!

— Слушай! Вовку могут вызывать среди действия. Если кто-нибудь крикнет... это самое... понимаешь, что может случиться? (Вася молча кивнул.) Так вот: мобилизуй наших ребят и проведи агитацию в зале: мол, если кто-нибудь пикнет «хвостик»... словом, сам понимаешь. А я задержу немного третий звонок.

— Сделаем, — сказал Вася и деловито удалился.

Я тоже отправился в зал, который был уже битком набит. Я поздоровался с Лидочкой; она заставила подруг потесниться и усадила меня рядом с собой. Болтая с ней, я наблюдал за тем, как выполняются указания помрежа.

Человек двенадцать таких же здоровенных, как и Вася, парней пробирались между рядами в разных концах зала, останавливались над мальчишками, которые сидели кучками отдельно от девочек, и что-то говорили им. Как видно, их наставления звучали довольно внушительно, потому что мальчишки тут же начинали дружно и усердно кивать головами. Потом эти богатыри расселись там, где наблюдались наибольшие скопления мелкоты.

Прозвенел третий звонок. Занавес дернулся, заколыхался, я услышал приглушенный голос Родиона: "Не туда тянешь, не ту веревку!" Занавес снова дернулся, и полотнища его рывками расползлись в разные стороны.

Зрители увидели Пелагею Егоровну и Арину, сетующих на то, что приходится отдавать Любовь Гордеевну за старика Коршунова. Затем начался разговор Пелагеи Егоровны с Митей, потерявшим надежду на счастье.

Это был добротный любительский спектакль. Правда, под гримом пожилой хозяйки дома была заметна девятиклассница Соня Клочкова, а сквозь облик бедного приказчика просвечивал лучший школьный волейболист Дима Чумов, но это не так уж портило дело. Исполнители играли без суфлера, не сбиваясь, не нарушая мизансцен, и играли довольно искренно.

Зрители слушали внимательно, явно сочувствуя двум влюбленным. При сцене прощания с Любовью Гордеевной кое-кто из девочек начал шумно вздыхать, а сцена, где Коршунов внушает своей невесте, как приятно быть замужем за стариком, вызвала легкий шепот:

— Ой, какой противный!

— Вот гадина!

Я с нетерпением и тревогой ждал выхода Любима Торцова. Вот Егорушка доложил, что «дяденька Любим Карпыч вошли» и «гостей разгоняет-с». Затем послышалось:

— Гур, гур, гур... буль, буль, буль!.. С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!..

Появился Любим Карпыч Торцов.

Грим и костюм ничего не оставили от Володи. Парик с жалкими седыми вихорками, не менее жалкая бороденка, красноватый нос и землистого цвета щеки... К этому надо прибавить неопределенного цвета одеяние: халат — не халат, шинель — не шинель, куцые и узкие брючки да стоптанные штиблеты.

Однако не в костюме и не в гриме было дело. В походке, в которой чувствовалась едва уловимая нетвердость, в шутовских, размашистых жестах, за которыми вместе с тем ощущалась слабость, в голосе, вызывающем и одновременно старчески-дребезжащем, так много было убедительного, подлинного, что зал весело зааплодировал, засмеялся.

Однако смех скоро утих. Начался словесный поединок Любима Карпыча с Коршуновым. И вот что мне понравилось: в этой сцене старый озорник сыплет прибаутками, кривляется. Будь у Володи чуточку поменьше такта, зрители продолжали бы потешаться над Любимом. Но чем дальше шла сцена, тем серьезнее звучали прибаутки Торцова, тем меньше смеялись зрители, тем большей симпатией они проникались к полупьяному горемыке, изобличавшему сластолюбивого богача.

— Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал...

Зал притих. Я покосился на Лидочку. Она застыла, подавшись вперед, вцепившись руками в коленки, и глаза ее были широко открыты. Когда же озорник воскликнул: «Вот теперь я сам пойду. Шире дорогу — Любим Торцов идет!» — зрители захлопали так дружно, что на меня с потолка соринки посыпались.

Это был немалый успех Володи, но настоящий триумф оказался впереди. Поссорившись с Коршуновым, Гордей Карпыч назло богачу решил отдать дочку за бедняка Митю, но потом снова заартачился. На сцене опять появился Любим Торцов.

— Брат, — произнес он, опустившись на колени, — отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. — Таким тоном были сказаны эти слова, что весь зал оцепенел. — Лета мои прошли, — чуть слышно, в мертвой тишине продолжал Любим Торцов,— тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить.

Мне послышалось, что кто-то хлюпает носом. Это была Лидочка. Она, не отрываясь, смотрела на сцену, крутила пуговку возле воротника и часто моргала.

Гордей Карпыч раскаялся, Любим Карпыч запел свадебную песню, и коричневые полотнища стали судорожно рваться друг к другу, закрывая сцену.

Зрители повскакали с мест. Артисты, взявшись за руки, выходили раскланиваться раз, другой, третий, пятый... Наконец они ушли с явным намерением больше не появляться, а зрители продолжали хлопать перед закрытым занавесом.

И вдруг кто-то громко выкрикнул:

— Любима Торцова!

— Торцова! Любима-а! — подхватил сразу весь зал.

— Любима-а! — звонким, высоким голосом закричала Лидочка.

Кто-то вытолкнул на просцениум Володю, и началась такая овация, какой, наверное, не было за все существование кружка. Часть зрителей вышла в проход, другие подошли вплотную к сцене, третьи стали на скамьи — и все хлопали и кричали, кричали и хлопали.

И вдруг среди грохота аплодисментов и приветственных криков я услышал, как какой-то мальчишка в конце зала истошно орет:

— Хвости-ик! Браво! Хвости-ик!

Я не успел ужаснуться, как закричали «хвостик» справа, слева и впереди меня, и буквально через три секунды весь зал надрывался что было сил:

— Браво-о! Хвостик, браво-о! Браво, Хвостик! Хвостик, би-ис!

Любим Торцов весь дернулся. Взгляд у него стал каким-то диковатым. Но он сдержался, неуклюже поклонился и, кланяясь, встретился глазами с Лидочкой.

Приподнявшись на цыпочки, она смотрела на Торцова, изо всех сил колотила в ладоши, и лицо ее сияло восторгом и благодарностью.

— Хвости-и-ик! Хвости-и-ик! — визжала она так, что у меня звенело в ушах.— Браво, Хвостик-и-ик!

Лишь после того как зрители несколько утихли, я расслышал звук двух — трех подзатыльников, полученных младшими поклонниками володиного таланта от поклонников старших.

Зрители повалили к выходу. Мне хотелось пробраться в артистическую и узнать, как чувствует себя Володя, но туда набилось столько поздравителей, что я отказался от этого предприятия.

Из зала быстро вынесли скамьи, на сцене водрузили радиолу. Зазвучал вальс. Сначала танцевали одни девушки, а кавалеры угрюмо подпирали стенки. Потом какой-то отчаянный десятиклассник пригласил одну из школьниц и стал вальсировать с ней, глядя на потолок, на стены, но только не на свою даму. За десятиклассником осмелели другие кавалеры, и завязался бал. Лидочка не танцевала. Стоя у окна, она болтала о чем-то со своей подругой.

Я ждал появления Володи и очень боялся, что он после сегодняшней овации вообще уйдет домой. Но он все-таки появился. Стройный, одетый в новый темносиний костюм, он вышел, приглаживая свои волнистые волосы, сразу отвернулся от Лидочки, как только отыскал ее глазами, и, приняв небрежную позу, стал смотреть на танцующих. Я подошел к нему.

— Володя, можно вас на минуту?

— Пожалуйста!..

Я взял его под руку и повел к Лидочке. И чем больше он убеждался, что мы направляемся именно к ней, тем больше каменело его лицо и краснели уши.

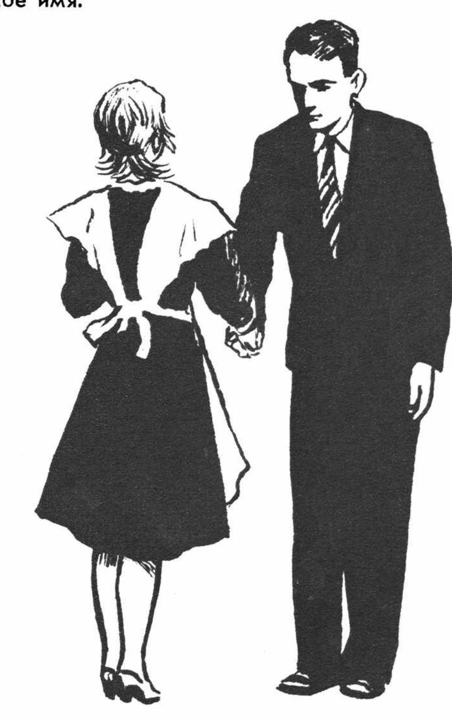
— Позвольте вас познакомить. Это дочка моего приятеля, Лидочка Скворцова, а это...

Я вдруг запнулся, чувствуя, что попал в сложное положение: отрекомендовать Володю просто Володей Ивановым? Тогда как Лидочка догадается, что перед ней именно тот человек, чья игра пленила ее сердце? Сказать, что это тот самый Володя, который играл Любима Торцова и которого она так усердно вызывала? Но тогда...

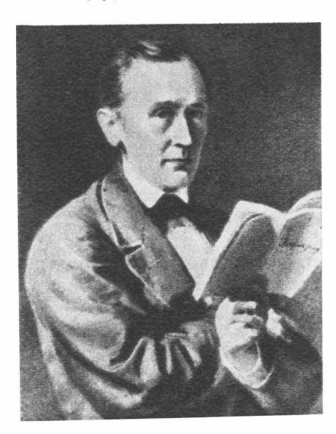
Как видно, те же самые мысли пронеслись в голове у Володи. Секунд пять он стоял неподвижно, как столб. Потом вдруг сдвинул брови над носом с горбинкой, слегка поклонился и, сурово глядя на Лидочку, пожал ей руку.

— Хвостик,— отрекомендовался он негромко, но отчетливо.

И я заметил, как Лидочка радостно вскинула ресницы и зарделась, услышав столь громкое имя.

Создатель «Калевипоэга»

Сто пятьдесят лет назад, 26 декабря 1803 года, на мызе Йыепере в Ристметса (Эстония) родился мальчик, которого немецкий пастор окрестил Фридрихом Рейнгольдом. Он был сыном бесправного крепостного, у которого не было даже... фамилии. Он был правнуком человека, которого владельцы мызы некогда выменяли на вола. В школе ему дали фамилию Крейцвальд, представлявшую собою перевод названия его родины Ристметса на немецкий язык.

Трудный жизненный путь прошел Крейцвальд: учитель начальной школы, домашний репетитор, студент Тартуского университета, врач. Но все это было лишь началом. В 40—80-х годах он развивает кипучую и многообразную общественную, научную и литературную деятельность.

Просветитель и демократ, Крейцвальд выступает против феодального гнета и религиозного дурмана, утверждает право эстонцев, которых в ту пору презрительно именовали «туземцами» (маарахвас), на национальную независимость и собственную культуру. До самой своей смерти (1882) писатель оставался горячим приверженцем дружбы эстонского и русского народов.

Литературное наследие Крейцвальда огромно: стихи и песни (особенно примечателен вышедший в 1865 году сборник «Песни вируского поэта»), талантливо обработанные народные сказки («Старинные эстонские народные сказки», 60-е годы), медицинские, научно-популярные и критические статьи, переводы. В 1874—1875 годах он редактировал «Народный календарь», имевший большое культурно-просветительное значение.

Еще в ранней юности Крейцвальд начал изучать эстонское народное творчество. В результате многолетнего труда был создан подлинно народный эпос — «Калевипоэг», названный так по имени героя. В этом произведении отражена история борьбы эстонского народа за свободу и счастье, против «адских сил» — крепостников-помещиков, воспеты трудолюбие народа и его неиссякаемая творческая сила. А. М. Горький ставил образ героя эпоса — по силе заключенного в нем протеста против «владык» — рядом с образом Прометея.

В советской Эстонии «Калевипоэг» неоднократно выходил массовыми тиражами. К 150-летию со дня рождения Крейцвальда в Эстонии произведения писателя выходят в пяти томах (на русском и эстонском языках), готовится к изданию его обширная переписка.

Лембит **РЕММЕЛЬГАС**

Слон и Человек

Джомо **КЕНИАТА**

Власти британской колонии Кении в Африке обрушили на ее коренное население жестокие репрессии. Карательные экспедиции истребили сотни людей, уничтожили целые деревни. Цель этой расправы — разгромить национально-освободительное движение негров, борющихся против своих угнетателей — империалистов. Английские власти разгромили пользующийся в стране большой популярностью Союз негров Кении, а его руководителей посадили в тюрьму. Председатель союза Джомо Кениата был приговорен к семи годам тюремного заключения.

Кениате принадлежит публикуемая ниже басня. В ней автор иносказательно раскрывает «мораль джунглей», которой руководствуются империалисты в своих отношениях с колониальными народами.

Жил-был Слон. Он стал дружить с Человеком. Как-то разразилась сильная гроза. Слон пришел к своему другу, у которого на опушке леса была небольшая хижина.

— Мой милый, добрый Человек,— сказал Слон,— прошу тебя, разреши мне просунуть хобот в твою хижину, чтобы укрыть его от ливня.

Видя бедственное положение Слона, Человек сказал:

— Мой милый, добрый Слон, хотя моя хижина мала, но все же в ней найдется место и для меня и для твоего хобота. Только прошу тебя: осторожно просовывай хобот.

Слон поблагодарил своего друга:

— Ты сделал доброе дело, и я при случае отблагодарю тебя тем же.

А что же произошло дальше? Всунув в хижину хобот, Слон понемногу продвинул туда и голову. А затем выгнал Человека из хижины под дождь и град и при этом сказал:

— Мой милый, добрый друг, твоя кожа грубее моей. И так как здесь не хватает места для двоих, то ты можешь постоять на свежем воздухе, пока я буду прятать от града свою нежную кожу.

* * *

Увидев, что сделал с ним друг, Человек возроптал. Его услышали звери из соседнего леса и пришли узнать, что случилось. Окружив Человека и его друга Слона, они следили за их спором.

В это время проходил мимо Лев и зарычал:

— Как смеете вы нарушать порядок в моем царстве?..

Услышав голос Льва, Слон, который был одним из важных сановников царства джунглей, произнес:

— Господин, у меня вышел небольшой спор с моим другом Человеком по поводу хижины, в которой, как это видно вашему величеству, я живу.

Лев, которому хотелось, чтобы в его царстве был мир и покой, распорядился великодушно:

— Я повелеваю моим министрам образовать следственную комиссию, которая должна обстоятельно изучить дело и доложить мне.

Потом Лев обратился к Человеку:

— Ты хорошо сделал, что подружился с моим народом и особенно со Слоном, который является одним из наиболее уважаемых моих министров. Спор прекрати, так как хижина вовсе для тебя не потеряна. Подожди, пока соберется моя государственная комиссия, и там тебе предоставят самые широкие возможности изложить твою жалобу. Я уверен, ты будешь вполне доволен решением комиссии.

Человек очень обрадовался милостивым словам короля джунглей и терпеливо стал ждать в надежде, что хижина будет ему возвращена.

* * *

Выполняя приказ своего повелителя, Слон договорился с министрами об образовании следственной комиссии. В комиссию были введены следующие персоны: господин Носорог, господин Буйвол, господин Аллигатор. Его светлость господин Лис был назначен председателем, а Леопард — секретарем комиссии. Увидев этот список, Человек запротестовал и спросил, не следует ли включить в комиссию несколько человек, представляющих его сторону. Но ему назидательно указали, что это невозможно, так как с его, Человека, стороны не может быть ни одного столь образованного представителя, который мог бы разбираться в запутанных законах джунглей. К тому же ему нечего опасаться, ибо все члены комиссии известны своей беспристрастностью. Все это лица, которым сам господь-бог повелел заботиться об интересах рас, недостаточно снабженных клыками и когтями. Таким образом, он может быть уверен, что комиссия рассмотрит дело весьма тщательно и вынесет беспристрастное о нем суждение.

И вот комиссия собралась для разбора обстоятельств спора. Сперва вызвали для объяснений высокочтимого господина Слона. Он подошел с важным видом к столу, поковырял в зубах деревцом, которым его снабдила в дорогу госпожа Слониха, и заявил решительным тоном:

— Уважаемые господа! Я не вижу никакой надобности занимать ваше драгоценное время, чтобы излагать историю, которая вам достаточно хорошо известна. Я всегда почитал своим долгом охранять интересы своих друзей, и это, очевидно, и явилось причиной, породившей недоразумения между мною и моим другом. Он вызвал меня, чтобы я не дал буре унести его хижину. Но поскольку ветер пробрался в хижину через одно из никем не занятых помещений, то я счел нужным, также в интересах моего друга, освоить ее с хозяйственной стороны. Этим я добровольно возложил на себя обязанности, которые при тех же обстоятельствах каждый из вас принял бы на себя с такой же готовностью.

* * *

После того как комиссия выслушала это исчерпывающее показание господина Слона, были приглашены госпожа Гиена и другие авторитетные в джунглях лица. Все они подтвердили сказанное господином Слоном. Затем вызвали Человека, которого, как только он стал излагать свою жалобу, комиссия прервала, заявив:

— Милый Человек, просим вас ограничиться изложением самых существенных фактов. Мы уже заслушали обстоятельства дела из многих беспристрастных источников. Нам хотелось бы лишь узнать, было ли кем-нибудь занято неосвоенное помещение в вашей хижине до того, как его занял Слон?

Человек было начал:

— Нет, но...

Но тут комиссия объявила, что она достаточно выслушала обе стороны, и удалилась для совещания.

Отлично пообедав за счет господина Слона, члены комиссии затем сформулировали свое решение и сообщили Человеку:

— По нашему мнению, спор этот возник вследствие прискорбного недоразумения, источник которого кроется в ваших отсталых представлениях о вещах. Мы считаем, что господин Слон выполнил священную обязанность, взяв на себя защиту ваших интересов. Так как совершенно очевидно, что наилучшее использование помещения вам лишь в пользу, и поскольку ясно, что вы сами не в состоянии использовать его наилучшим способом, мы предлагаем компромисс, который должен будет устроить обе стороны. Хижина и на будущее останется во владении господина Слона, но зато мы разрешаем вам найти себе другое место, где вы могли бы построить новую хижину, которая в большей мере соответствовала бы вашим потребностям, а мы возьмем вас под свою защиту.

Рисунок Е. Ведерникова.

ВОРОНКА

Рассказ

Альфред КОППАРД

Рисунки Л. Бродаты.

Генри Лепвинг был тщедушным и бледным мальчиком, потом он вырос и стал мужчиной, таким же тщедушным и бледным, с толстыми губами и очень темными глазами. Когда он возмужал, на его верхней губе обозначилось нечто вроде усов, и он не мешал им расти. Усы были, можно сказать, его гордостью, отрадой жизни, тем более что волосы на голове его стали к этому времени выпадать, пока к тридцати годам у него не появилась маленькая плешь, напоминавшая блюдце; в сорок лет она приняла форму небольшой лопаты. Таков был сейчас Генри Лепвинг, робкий человек, робкий не потому, что боялся чего-нибудь реального — людей, несчастья или физической боли,— а просто напуганный самой жизнью, чем-то таким, чему он не мог дать названия. Это часто бывает с мелкими железнодорожными служащими.

Кроме того он был человеком, не склонным к размышлению. С него уже было достаточно и того, что он прожил столько лет. События своей жизни он забывал, как только угасали их мимолетные вспышки, все равно, были они приятны ему или нет. Своего детства он почти не помнил. В его памяти осталось только одно воспоминание этих далеких дней: летнее утро, и он, мальчик лет шести или семи, слоняется по тихой деревенской уличке, залитой ярким солнцем. Вот он чувствует странный запах и видит в канаве двух лениво развалившихся людей, а рядом с ними медведя, огромного черного медведя, сидящего на задних лапах. Это, наверное, швейцарцы, у них такие великолепные волнистые усы, розовые щеки и остроконечные бархатные шляпы. Один из них играет на кларнете, а другой кормит медведя куском хлеба с вареньем. Через нос у медведя продето кольцо с длинной цепью. Вокруг все залито солнцем, и Генри чувствует запах медведя. А какие у него когти!

Вот и все, что он помнил о медведе. Он не боялся его. Он вообще никогда ничего не боялся. Но в школе он был так глуп, что если какой-нибудь мальчишка, играя, сбивал его с ног, Генри продолжал лежать на земле и говорил только: «Не надо!» Это звучало так жалобно, что противник немедленно отпускал его. То же было, когда он вырос и вступил в более ответственный период своей жизни, отважившись жениться на одной строптивой ирландке, которая очень быстро перестала с ним церемониться. Генри говорил ей только: «Не надо!» Вместо того, чтобы бить его по лицу, такому бледному и покорному, жена милостиво разрешила ему жить, но только не с ней отныне и навсегда.

У них не было детей; Бриджет не могла простить ему этого. И у него не было честолюбия. У Бриджет было очень много честолюбия, но у нее не было ребенка. Она сказала, что не желает больше мириться с этим. Она сказала, что не желает иметь с ним ничего общего. Да, ее звали Бриджет, и она просила его оставить ее в покое и отправиться искать счастья в другом месте. Генри не пришло в голову изменить это решение: она была настоящей ирландкой,— и он ушел в ту же ночь. Все это произошло после ужина в очень грубой и неприятной форме. Генри покинул ее и пошел искать счастья. И хотя он так и не нашел того, что мы называем счастьем, ему удалось изобрести воронку, очень оригинальную, усовершенствованную воронку, которая... Впрочем, это случилось не сразу.

Первая мысль Генри после того, как он обосновался на новой квартире вместе с человеком, который днем был водопроводчиком, а вечером социалистом, была мысль о Бриджет. Не ревность мучила Генри: он знал, что у Бриджет никого нет, — но он также знал, что у Бриджет нет никаких средств. Он знал, что она одинока, что она привлекательна (она была на десять лет моложе его), что она страстно хотела иметь ребенка. А все это коечто значит, не так ли? Как она собиралась жить, он не знал, да, впрочем, это его особенно и не интересовало, за исключением одного: она должна была оставаться «честной». Для Генри это было самое главное. Я думаю, этого требовала его гордость.

Через день или два после того, как они расстались, он подошел к дверям их старого дома. Улица, которая называлась Торнбал-стрит, была такая длинная, а их домик под номером 72 — совсем маленький. По обеим сторонам улицы тянулось множество таких же маленьких домиков, как две капли воды, похожих на их дом. В конце улицы, за изгородью и деревьями, на открытом пространстве, часто бывала ярмарка с каруселями, качелями и тиром. Сейчас были как раз ярмарочные дни. Он видел блеск керосиновых ламп и слышал бесконечное меланхоличное гудение органчика, взывающего к слушателям, слишком немногочисленным, чтобы веселиться, и слишком бедным, чтобы часто захаживать сюда. Перед каждым домом на Торнбал-стрит был огороженный садик с цементной дорожкой и кустами зелени. У каждого дома было по окошку сверху и по окну и двери снизу. Перед домом номер 72 висел газовый фонарь. Если шторы не были опущены, можно было ложиться спать, не зажигая свечи.

Прежде чем постучать в дверь, Генри прошелся взад и вперед по дорожке. Ночь была осенняя, и листья в саду шелестели; дул холодный ветер. Приоткрыв дверь, Бриджет воскликнула:

— О! — и потом очень медленно: — Генри!

— Я пришел за своим пальто.

— Ладно, зайди уж.

Она вынесла ему пальто на кухню, но он сел. В кухне все оставалось попрежнему, здесь ничего не изменилось. Не изменилась и Бриджет, все такая же рыжая и полногрудая. Прекрасная, как цветок.

— Ну, как ты?

— Хорошо,— сказала она. И действительно, она выглядела очень хорошо, когда стояла перед ним вот так, положив руки на стройные бедра. Это было время, когда женщины носили корсеты и у них были тонкие талии. Она улыбнулась с каким-то презрительным удовлетворением и повторила: — Хорошо.

Генри рассказал ей, где он устроился и как живет.

— А как,— спросил он потом,— ты устроишься?

— Устроюсь,— сказала Бриджет.

— Что ты собираешься делать?

— О, как-нибудь!

— Останешься здесь?

— Бог ты мой, что же мне еще делать? Но ты мне здесь не нужен.

— Не знаю. Тебе ведь нужны деньги?

— Нет,— сказала Бриджет,— не нужно мне ни тебя, ни твоих денег.

— Я должен буду делить с тобой мой заработок,— сказал Генри.

— Я не желаю этого.

— Но... тебе нужны деньги!

— Что же, разве я их не заработаю?

— Как?

Задавая Бриджет эти вопросы, Генри не смотрел на нее. Единственное, чего он желал,— это убедить ее в том, что он не хочет брать греха на душу, оставляя женщину без денег. В этом не было ничего оскорбительного, но он не мог объяснить, особенно Бриджет, почему он был уверен в том, что она обязательно собьется с пути. Это было бы не по-христиански. К тому же она опять начинала приходить в ярость.

— Цепляешься за меня, да? Не выйдет, я хочу свободы, и мне не нужен ни ты, ни твои деньги! Понял?

Добрая половина мебели в доме принадлежала Бриджет, но кое-что было его. Он не собирался ничего забирать, его интересовал только один вопрос:

— Как же ты все-таки собираешься зарабатывать?

— Как-нибудь заработаю.

Как она была хитра, эта женщина! Но Генри не так-то легко обмануть.

— Ты будешь искать места?

— Нет.

— А что же тогда?

— Какое тебе дело?

Генри замолчал.

— Ну? — спросила она.

Наконец Генри отважился и многозначительно сказал:

— Я знаю, женщине иногда легко заработать деньги, женщине легко свихнуться.

— Свихнуться? — воскликнула Бриджет. — Опомнись, ты, труха несчастная! Если бы ты не был таким отпетым дураком, ты бы узнал, что я собираюсь сдавать комнаты фабричным работницам, хорошим, приличным девушкам, если хочешь знать. Я пущу трех или четырех, может быть. Я могла бы взять и дюжину, если бы захотела, но три или четыре — это то, что мне нужно, в самый раз. Проживу с божьей помощью, если ты хочешь знать, без этих твоих грязных штучек! И вообще, мне наплевать, что ты думаешь.

— Нет, нет,— успокаивал ее Генри, он говорит все это из самых добрых побуждений.

— Добрых! Ага! Знаю я тебя, тебе бы только руки умыть, хоть бы собственным плевком. Вот и все!

— И... и,— продолжал он мягко,— не все

может идти так гладко, как ты предполагаешь. Ты можешь заболеть, или тебя могут надуть, ведь так? И ты не сможешь работать вечно, придет ведь и старость.

— Старость?.. Смешно говорить о старости женщине, когда она еще во цвете лет.

— Да и я могу умереть, наконец,— продолжал он.

— Мы все не доживем до страшного суда.

— Одни люди живут дольше, чем другие,— вздохнул Генри.— Не знаю, почему. А эти деньги тебе будут на черный день. Я твердо решил это, ты должна иметь такие деньги, я решил.

— Нисколечко! Ты можешь с таким же успехом отдать их чертовой бабушке. Да не торчи ты здесь и не суй свой нос, куда не следует, убирайся, а то получишь кочергой!

Это было уж совсем не обязательно.

Однако нужно отдать Генри справедливость: ему было мало дела до того, разрешит ли ему Бриджет отдавать ей часть его заработка, а также и до того, как она употребит эти деньги.

Он должен уплатить ей этот долг, за это ему простится его грех. Безрассудство? Что ж, может быть, это было безрассудством. Но безрассудство — это тюрьма, откуда нет выхода. Итак, каждую неделю он посылал ей деньги, пока наконец Бриджет, утомленная бесполезным сопротивлением, не стала откладывать их в банк. Это было утомительно, очень утомительно, но Лепвинг обладал замечательным качеством: ничто не могло действительно запугать его, он умел приспособляться к жизни даже тогда, когда жизнь не оправдывала его надежд.

Он потерял Бриджет, потерял дом, отказался от половины своего заработка, но его ботинки всегда были целы, а его воротничок чист почти всю неделю. Вы бы не заметили в нем никакой перемены. Однако нет сомнения, что это была огромная жертва; она потрясла его, почти уничтожила. Все его мысли были направлены сейчас на то, чтобы легко и быстро разбогатеть. Он не мог выиграть ни в лотерею, ни на пари, ни в карты, для этого у него не было средств, но он слышал о том, что существуют удивительные вещи, которые могут в случае удачи принести сотни фунтов. Можно заработать сотню у какого-нибудь американца, сумей только выкурить сигару так, чтобы пепел оставался целым. Или можно, например, получить вознаграждение от Британского музея, если найти и в целости доставить гнездо зимородка. Можно, наконец, собрать миллион омнибусных билетов и получить за это сотню фунтов с какого-нибудь богоугодного заведения.

Мир был полон подобных захватывающих возможностей. Вот еще заграничные марки. В детстве Генри собирал их. Они все еще хранились у него в маленькой книжечке с коричневым тисненым переплетом и пожелтевшими страницами. Иногда он доставал эту книжечку и думал, что бы такое с ней сделать. Но так ничего и не сделал.

Бриджет он видел не чаще, чем раз в год. Он был удивительным человеком, человеком, который обходился без друзей,— такого не часто можно встретить. Каждую неделю он аккуратно опускал конверт с деньгами в почтовый ящик Бриджет. Он не знал, была ли она здорова или болела, а впрочем, он был уверен в том, что она попрежнему благоденствует в их старом доме под номером 72 по Торнбалстрит. В свободное время, обычно в субботу вечером, он шел на футбольный матч посмотреть игру клуба «Локомотив» с какой-нибудь другой командой, но даже там, на стадионе, он был одинок и, придя на трибуну, ни с кем не здоровался. Он стоял, широко расставив свои коротенькие ноги, засунув руки в карманы брюк, хмурясь от любопытства, и пенсне при этом смешно подпрыгивало у него на носу. Иногда на его бледном лице выступал румянец, и руки судорожно сжимались в карманах брюк, и тогда, забывая о своем одиночестве, он кричал: «Где твои глаза, судья? Не видишь ты, что ли, черт тебя возьми! Сапожник!»

И хотя ни судья, ни игроки не обращали на него никакого внимания, зрители на соседних трибунах немедленно проникались уважением к человеку, который, казалось, так блестяще разбирался в игре, и, следуя его примеру, тоже начинали поносить судью.

Однажды утром, спустя два года после того, как он расстался с Бриджет, Генри зашел к парикмахеру. Это был швейцарец, напоминавший Генри одного из тех людей с медведем, которых он видел в детстве. Поэтому-то Генри и предпочитал заходить именно сюда, хотя у этого швейцарца не было ни бархатной шляпы, ни медведя, ни кларнета. В тот момент, когда Генри вошел, парикмахер заправлял лампу, и керосин лился через край. Парикмахер не сразу заметил это: воронка подвела.

— Будь ты проклята! — проворчал парикмахер.

— Доброе утро! — Генри поздоровался и повесил шляпу.

Парикмахер вытер фартуком руки и повесил лампу.

— Постричь? — спросил швейцарец.

— Да,— задумчиво произнес Генри.

Парикмахер защелкал ножницами так, что, к огорчению посетителя, его небольшая шевелюра стала быстро уменьшаться. И пока Генри сидел вот так в кресле, он отчетливо представил себе вдруг воронку, такую воронку, при которой неудачи, вроде той, что только что постигла парикмахера, были невозможны. Он обдумал ее устройство до мельчайших подробностей. Это была поистине остроумная идея, просто вдохновение какое-то. Генри сразу же понял, какой должна быть его воронка, он представлял ее себе так же отчетливо, как ощущал сейчас запах керосина, которым, казалось, были обильно смазаны его волосы.

— Шампунь?

— Что? — мечтательно переспросил изобретатель.

Швейцарец ткнул толстым пальцем в прейскурант:

— Мытье головы — пять пенсов. Хорошо после выпивки! — ехидно заметил он, глядя на Генри в зеркало.— Ну, и после...

Генри опешил.

— Нет, спасибо,— пробормотал он.

— Если у вас болит голова,— продолжал парикмахер,— мытье очень помогает.

— У меня не болит голова,— сказал Генри,— я не пью и не имею дела с женщинами.

На бесстрастном лице парикмахера появилась улыбка сострадания:

— Как это говорится: «Натура благородного человека украшена добродетелями и другими пороками»!

— Сколько? — спросил Генри, поднимаясь и надевая пенсне.

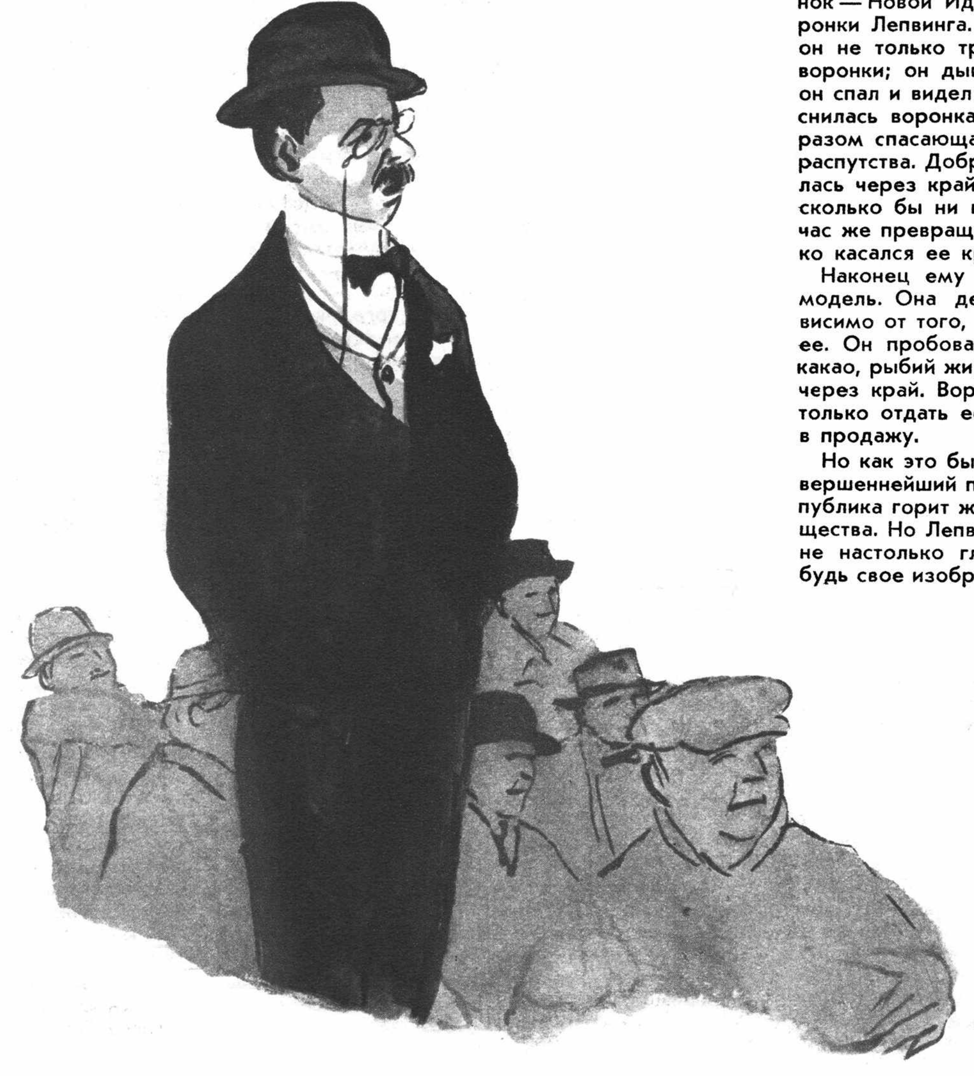
Он заплатил парикмахеру два пенса и быстро пошел на работу.

Это тревожное утро он провел как обычно, возясь с накладными и квитанциями. На железной дороге каждый день случаются такие неприятности, как пропажа, задержка или порча товара. Этими делами он обычно и занимался. Вот, например, на одной из станций, недалеко от города, загнали куда-то целую тонну мармелада. Какая-то женщина атаковала Лепвинга за то, что во время перевозки раздавили детскую коляску, принадлежавшую ей. Она атаковала его с такой яростью, как будто вместе с коляской раздавили и самого ребенка.

И все-таки он ухитрился набросать, пользуясь каждым клочком бумаги, целую вереницу будущих воронок. Вокруг него были разбросаны бесконечные изображения этих воронок — Новой Идеи, Усовершенствованной Воронки Лепвинга. В течение нескольких недель он не только трудился над созданием своей воронки; он дышал и жил только воронками, он спал и видел их во сне. Однажды ему приснилась воронка, самым необыкновенным образом спасающая человечество от пьянства и распутства. Добродетель никогда не переливалась через край этой замечательной воронки, сколько бы ни вливали ее туда, а порок тотчас же превращался в добродетель, как только касался ее краев.

Наконец ему удалось создать совершенную модель. Она действовала, действовала независимо от того, какой жидкостью он наполнял ее. Он пробовал лить молоко, керосин, суп, какао, рыбий жир — жидкость не переливалась через край. Воронка была готова. Оставалось только отдать ее в производство и выпустить в продажу.

Но как это было трудно! У него в руках совершеннейший предмет домашнего обихода, и публика горит желанием испытать его преимущества. Но Лепвинг не был простаком, он был не настолько глуп, чтобы показать кому-нибудь свое изобретение, пока он не был уверен в том, что никто не похитит его блестящую идею. А это значило, что придется заплатить изрядную сумму за патент. Это сначала обескуражило его. Он даже подумывал, не лишить ли Бриджет на время той доли его заработка, которую он посылал ей каждую неделю. Но в самый разгар этих колебаний Генри пришла в голову мысль, что, пожалуй, сама Бриджет могла бы ему помочь. Не было ничего невозможного в предположении, что у нее найдется

такая значительная сумма. Он пойдет к ней и спросит, а если она не даст, ну что ж, ничего не поделаешь, придется придумать что-нибудь еще. Итак, он отправился к Бриджет.

Господи боже мой! Она удивительна, эта женщина,— совсем не постарела, все такая же цветущая и стройная. У нее уже жили восемь или девять девушек с фабрики, так что она даже арендовала соседний дом и завела служанку. И богата же она была, наверное!

— Что тебе надо? — спросила она, увидев его на пороге.

— Я хочу кое-что показать тебе.

— Ты плохо выглядишь,— заметила Бриджет.— Болен, что ли? Ну, входи же! — Она провела его в заново обставленную, опрятную гостиную.— Что ты хотел показать мне?

— Мою воронку,— отвечал Генри, показывая свое изобретение.— Не можешь ли ты оказать мне услугу?

Бриджет и здесь осталась верной себе. Она вручила ему чек на двадцать фунтов, но сделала это не в виде одолжения и не ради будущей прибыли, а просто чтобы поскорее избавиться от него, выпроводить его из дому.

Прежде чем закрыть за ним дверь, она очень мягко просила его не присылать ей больше денег: они не нужны ей, они просто раздражают ее. Но Генри был тверд, как камень: он должен посылать ей эти деньги, это решено раз и навсегда.

— Как ты не понимаешь,— рассердилась Бриджет,— что я не нуждаюсь в них? Посмотри на меня, посмотри на эту мебель, на мой дом, на служанку!

Нет, Генри был непоколебим: обязанность есть обязанность, право есть право, а там хоть трава не расти.

Он ушел с двадцатью фунтами в кармане и вскоре получил свой патент, а потом ему уже ничего не стоило найти фирму, владельцы которой были настолько поражены перспективами этого изобретения, что, как говорится, вцепились в Генри и его воронку. Они сразу же предложили ему кругленькую сумму, но Лепвинг не хотел продавать свое изобретение. Он предоставлял им право производить воронку, но за это они должны были выплачивать ему определенный процент. Они согласились и сделали все, что могли. Фирма под названием «Кэтби, Мигл и Тиммз» начала процветать. Она выпускала медные, железные, оловянные, цинковые и алюминиевые воронки. Они были выставлены в витринах, их воспевали в газетных объявлениях, а на заборах висели плакаты с изображением Усовершенствованной Воронки Лепвинга. Успех был настолько велик, что Генри вскоре получил от фирмы чек на сто фунтов.

Когда он получил деньги, его бросило в жар. Это состояние продолжалось около часа, после чего он немедленно написал владельцам фирмы «Кэтби, Мигл и Тиммз», прося приготовить модель воронки из серебра и, как только она будет готова, отправить ее с его лучшими пожеланиями миссис Генри Лепвинг, проживающей по Торнбал-стрит, 72. Потом он начал размышлять, что ему делать с целой сотней фунтов. Боже мой, чего только не сделаешь с такой уймой денег! Сумма настолько внушительна, что было бы святотатством потратить из нее хотя бы копейку. В конце концов он послал все деньги Бриджет с приложением письма, в котором говорилось, что деньги эти являются ее долей в его изобретении и что впредь он уже не будет посылать ей еженедельную пенсию.

Для Генри такой исход дела был самым благоприятным. Ему не нужно было отныне делить с Бриджет свой заработок, по крайней мере в ближайшем будущем. Он испытывал чувство необычайного удовлетворения, будто его доход увеличился вдвое. Отныне он сможет наконец жить прилично, как никогда, казалось, еще не жил. С чувством раскаяния Генри вспомнил, что не так давно ему прибавили жалованье на целые полкроны в неделю, а между тем он не разделил эти деньги с Бриджет. Долг прежде всего, но никто не станет утверждать, что это — легкое дело. Теперь года на два, по крайней мере, он был свободен от исполнения своего долга по отношению к Бриджет. Стало легче, как будто бы его заработок действительно увеличился вдвое. Выгодную штуку он придумал во всех отношениях, с какой стороны ни глянь.

Как раз в этот счастливый период Лепвинга перевели на другую железнодорожную станцию — за сорок миль. И вот однажды зимней порою он покинул свой город без всякого чувства сожаления и не простившись с Бриджет. У Генри не было фантазии, он не умел мечтать. Он жил в новом городе так же, как жил когда-то в старом. Одно только по-новому беспокоило его здесь: в холодные темные вечера, когда ветер, казалось, запутался среди обнаженных ветвей, ему слышались в этом шуме слабые и далекие звуки мелодии, очень, очень далекие, едва слышные, но все-таки вполне отчетливые.

Лежа в постели, он старался уловить их очарование, их далекое эхо, потому что это было только эхо, исходящее неведомо откуда. Музыку ему приходилось слышать лишь во время ярмарки, когда звуки органчика доносились на Торнбал-стрит. Много раз, бывало, слышал Генри его печальные мелодии. Они никогда не менялись, но он прислушивался к ним, особенно в ветреные ночи, с каким-то странным наслаждением. И вот опять мерцают, качаясь в туманной, ветреной мгле, огни керосиновых ламп, и он вспоминает умолкнувший органчик и шорох обрывков бумаг, гонимых ветром по улице.

Через год он получил еще один чек от фирмы «Кэтби, Мигл и Тиммз». На этот раз значительно крупнее, намного крупнее, чем раньше: триста пятьдесят фунтов! Казалось, стены его мира вспыхнули огнем и обратились в пепел, а вместо них поднялся к небу золотой дворец. Но, увы, письмо от Кэтби содержало печальные новости. Оказывается, громадный успех воронки Лепвинга вдохновил множество изобретателей, и рынок был теперь наводнен дешевыми имитациями воронки Лепвинга. Особенно беспокоила фирму конкуренция автоматической воронки, которая не имела такой строгой научной основы, как воронка Лепвинга, но стоила вдвое дешевле. Кэтби, Мигл и Тиммз, поздравляя Генри и свою фирму с успехом, опасались, однако, что в случае, если он не сможет изобрести новую, значительно более дешевую воронку, вряд ли можно будет рассчитывать на дальнейший сбыт их изделий, так как в настоящее время продажа воронок практически прекратилась.

— Как удачно,— пробормотал Генри, слегка оправившись после первого потрясения,— чертовски удачно, что я отправил ей эти сто фунтов! В хорошенькое положеньице я бы попал сейчас, не правда ли?

Это доказывает, что Генри был доволен своим жребием, что он жил беззаботно и наслаждался жизнью. Он был так убежден в правильности своих прежних поступков, что и теперь, не колеблясь ни секунды, отправил Бриджет второй чек. На ближайшее время ей хватит этих денег, а там, глядишь, можно будет и в отставку... пенсия, а потом?.. Ну, а что будет потом, он не знал. На нет и суда нет, но пока все это было еще далеко.

Бриджет не отвечала. Целых два года он не видел ее, вот уже год, как они жили в разных городах. Генри знал, что она здорова, и был вполне удовлетворен. На семь или восемь лет совесть его будет чиста.

Увы, как тщетны все попытки навязывать свою волю судьбе! Через несколько месяцев выяснилось, что Лепвинг безнадежно запутан в деле группы служащих, которые обворовывали компанию. Он был только слепым орудием в руках шайки негодяев, и подозревать его было невозможно, но железнодорожное начальство не могло больше доверять Генри Лепвингу после того, как его так легко обманули. И Лепвинг был уволен.

Вначале он стоически перенес этот удар судьбы, но спустя неделю или две он понял, что его благосостояние рушилось, рушилось навсегда. Человеку за пятьдесят, и он уволен за то, что не справился с работой! Перспективы были незавидные. Нельзя же все время изобретать воронки — все уже изобретено. Но как раз в тот момент, когда его средства были на исходе и Генри украдкой начал подумывать о деньгах, которые он посылал Бриджет, пришло письмо от служанки с Торнбал-стрит, извещающее его, что Бриджет больна и что ему необходимо немедленно приехать. Он тут же собрал свои пожитки, сжег за собой мосты и навсегда покинул этот печальный город, чтобы вернуться на Торнбал-стрит. У него не было никакого решения, но где-то в глубине души теплилась смутная надежда.

Было уже темно, когда он постучал. Служанка, открывшая дверь, тут же узнала его:

— О сэр... Она умерла.

— Умерла? — Генри недоверчиво посмотрел на нее.

— В половине пятого,— сказала девушка, заливаясь слезами.

Тогда Генри понял, что его жена действи-

тельно умерла. Он задумчиво стоял в дверях, прислушиваясь к знакомым звукам органчика, доносившимся с ярмарки в конце Торнбал-стрит. Как весело звучала сейчас его музыка!

Вытирая глаза, девушка спросила:

— Хотите взглянуть на нее?

Он вошел и поставил свой чемодан в коридоре. Служанка принесла зажженную свечу и показала ему комнату Бриджет. Дверь была закрыта. Девушка остановилась, взглянула на Генри и совсем тихо постучала в дверь. Потом она снова заплакала и протянула Генри свечу.

— Здесь,— сказала она и, подождав, пока он войдет в комнату, спустилась обратно по лестнице.

В комнате никого не было. Никого, кроме него и Бриджет. Накрытая простыней и убранная, она лежала на постели. Преодолевая страх, Генри приподнял простыню, но быстро опустил ее. Да, так оно и есть. Бриджет умерла и не могла уже больше бранить его. На полочке у камина лежало свидетельство о смерти, подписанное врачом.

— Воспаление легких,— прошептал Генри и положил удостоверение в карман.

Стоя на пороге, он оглядел комнату. Теперь она была обставлена лучше, появились безделушки и новая фотография Бриджет. Да, уютно здесь было. На лестнице его опять встретила служанка и, взяв из его рук свечу, со вздохом задула ее.

— Может быть, поужинаете, сэр?

— Да,— ответил Генри, и она повела его на кухню.

Сидя за столом, Генри слушал ее рассказ о болезни Бриджет. Под конец он сказал:

— Я остаюсь. Что ж, будем жить дальше. Да, а есть ли сейчас жильцы? Вы с ними справитесь, я думаю?

— Попробую, сэр. Семеро,— ответила девушка.

— Семеро! Вы постарайтесь, а я уж сделаю так, что вы не пожалеете,— объявил Генри.

Свободной комнаты для него не нашлось, и он спал на диване в гостиной. Утром он проснулся рано, но ни во что не вмешивался. Жизнь в доме текла своим, заведенным порядком. Семеро девушек позавтракали в соседнем доме. Но после завтрака Генри начал осмотр. В гостиной были две новые фотографии Бриджет. Что за странное увлечение своими портретами? Рядом стоял столик, которого он не видел раньше. Найдя ключи и открыв ящик, он увидел две чековые книжки — текущий счет на сто двадцать фунтов и долгосрочный вклад в шестьсот фунтов. Последний состоял как раз из тех сумм, которые он отправил Бриджет после того, как они расстались. Его глаза затуманились, а на лбу появилась испарина; руки дрожали, и сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Она была удивительно экономной женщиной, этого отрицать нельзя.

Потом он пошел регистрировать смерть жены, заказал портному траурный костюм и условился с похоронным бюро. Все это время у него было столько забот и хлопот, что он совсем забыл заказать венок. Впрочем, в день похорон нашелся и венок, прекрасный большой венок, заказанный вскладчину девушками, жившими у Бриджет. Служанка принесла скромный букетик цветов. В общем все было разумно и хорошо. После похорон его вещи были перенесены в освободившуюся спальню, и ночью он снова спал на кровати, которая в прежние времена была его брачным ложем.

На следующий день Лепвинг сунул обе чековые книжки в карман и отправился в банк. Он объяснил свое дело молодому клерку с обворожительным, мягким аристократическим голосом. Клерк проводил его к управляющему, управляющий к стряпчему,— стряпчий помещался тут же, через несколько дверей. Он объяснил Генри, что Бриджет оставила завещание, согласно которому все ее деньги, а также имущество переходят к казначею одного торгового судна, заезжавшему иногда в Хакнал Торкард.

Поверенный Бриджет говорил быстро, и Генри казалось, что каждое слово ударяет его по сердцу. Что-то судорожно всхлипывало у него в груди: «Не надо»,— но с губ сорвалось только:

— Понимаю.

— Я немедленно должен связаться с этим джентльменом,— сказал поверенный, высокий, худой, суровый на вид человек, с неприятным, скрипучим голосом и огромным стоячим воротничком. — Я являюсь единственным душеприказчиком.

И он говорил, говорил, говорил...

— Надеюсь, мы не причинили вам неприятности, мистер Лепвинг? Закон остается законом, ничего не поделаешь. Он действует автоматически. — Его длинные белые пальцы тяжело легли на стеклянное пресс-папье и прочно придавили им лежащие на столе бумаги.— Как человек, я могу желать, чтобы закон был более... скажем...

— Усовершенствован? — произнес Генри.

— Именно усовершенствован, но, как юрист, я не могу ничего изменить, понимаете, нет! — И, усевшись более прочно на стуле, он вздохнул. — Гм... Да... Вот, собственно, и все.

Генри встал и направился к двери.

— Вам придется оставить чековые книжки здесь.— Генри покорно положил их на стол.— Утром я пришлю своего служащего на Торнбал-стрит. Вы будете там?

— Да,— сказал Генри.

— До свиданья, мистер Лепвинг.— И он неожиданно улыбнулся с очаровательной любезностью.

Вдовец так никогда и не встретился с клерком поверенного Бриджет. Лепвинг не вернулся на Торнбал-стрит. Он пошел на станцию, купил билет неизвестно куда, и больше его не видели. Но Генри Лепвинг поспешил, слишком поспешил. Если бы он задержался хоть на несколько дней, он бы узнал, что казначей торгового судна утонул в море незадолго до смерти Бриджет.

Перевела с английского
В. ЛИФШИЦ.

Разговор с друзьями

Петрусь БРОВКА

Я ВСПОМНИЛ СЕГОДНЯ ДУНАЙ И ОРАВУ

Я вспомнил сегодня
Дунай и Ораву,
Как будто опять
Увидал Братиславу.

Словацкие реки,
Карпатские горы,
К вам ныне опять
Обращаю я взоры.

Я счастлив, что мне
Побывать довелося
На Татрах, где жил
Легендарный Яносик.

Я счастлив, что видел
И внуков героя,
Что с ними прошел
Над Оравой-рекою.

Ораву плотиной
Тогда преграждали.
Река не хотела
Сдаваться вначале.

А ныне в газетах
Читаю такое:
«Турбины гудят
Над Оравой-рекою».

Словацкая речка —
Орава, Орава,
Горжусь я твоей
Возрастающей славой.

Жар-птицей округу
Она облетела
И в каждой хатенке
На жердочку села.

У ЧЕРНОГО МОРЯ

...Колосьями звезды, и месяц серпом,
А волны — как синие взгорья.
Сидим мы с друзьями за братским столом
У самого синего моря.

Легко и привольно беседа течет:
Здесь каждый сегодня как дома.
Из разных республик собрался народ,
Но все словно с детства знакомы.

Врубаясь в тайгу, засевая поля,
Живем мы единой семьею.
Одна у нас мать — это наша земля,
И знамя одно над землею.

Душевные песни, и шутки, и смех
Звучат в этот вечер у моря.
Тут счастье товарища — счастье для всех,
А горе — для каждого горе.

Кто дом вспоминает, кто малых детей,
А кто о любимой вздыхает...
Но нет ничего драгоценней, родней,
Чем наша Отчизна большая.

Пусть буря над морем возникла из мглы,
Но шторм перед братством бессилен.
Мы грудью своею надежней скалы
Наш берег от бурь заслонили.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Сахар на Тамбовщине

С. ФРИДЛЯНД

Свеклокомбайн проходит последние рядки, пустеют свекловичные поля. Там, где еще недавно колосились хлеба, шелестели травы, поворачивали к солнцу свои шляпки подсолнухи и курчавилась свекла, теперь мокнут в серой пелене пасмурного денька черные комья зяби. Только клинья озими радуют глаз яркой и молодой зеленью.

На этих тамбовских землях прочно утвердилась культура сахарной свеклы. А вблизи от свекловичных плантаций возникли большие сахарные комбинаты, оснащенные самой передовой техникой. Автомашины, укатавшие твердую колею к колхозным складам и элеваторам, пошли на сахарные заводы.

Светлое здание Жердевского завода едва виднеется за нескончаемыми рядами высоких пирамид, сложенных из свеклы. В этом огромном хранилище десятки миллионов килограммов сырья.

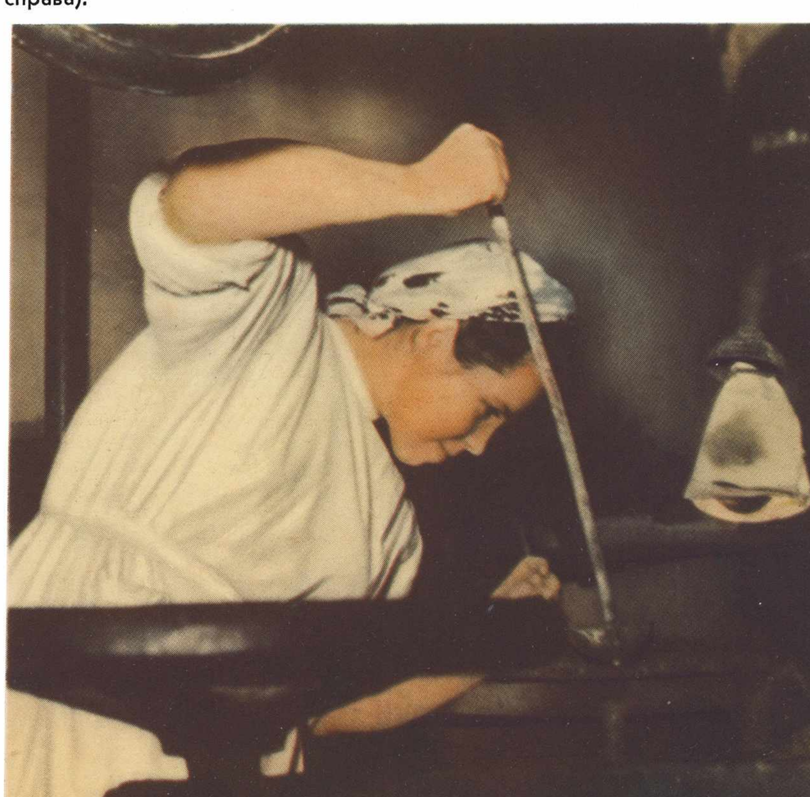
Разгрузка свеклы, прибывающей в автомашинах и железнодорожных вагонах, еще недавно требовала много времени и тяжелого человеческого труда. Сейчас ручной труд вытесняется специальными машинами. Новинка этого года — самоходный буртоукладчик конструкции М. Обрывко. Всего несколько минут требуется для разгрузки автомашины и укладки свеклы в высокие бурты (фото в центре).

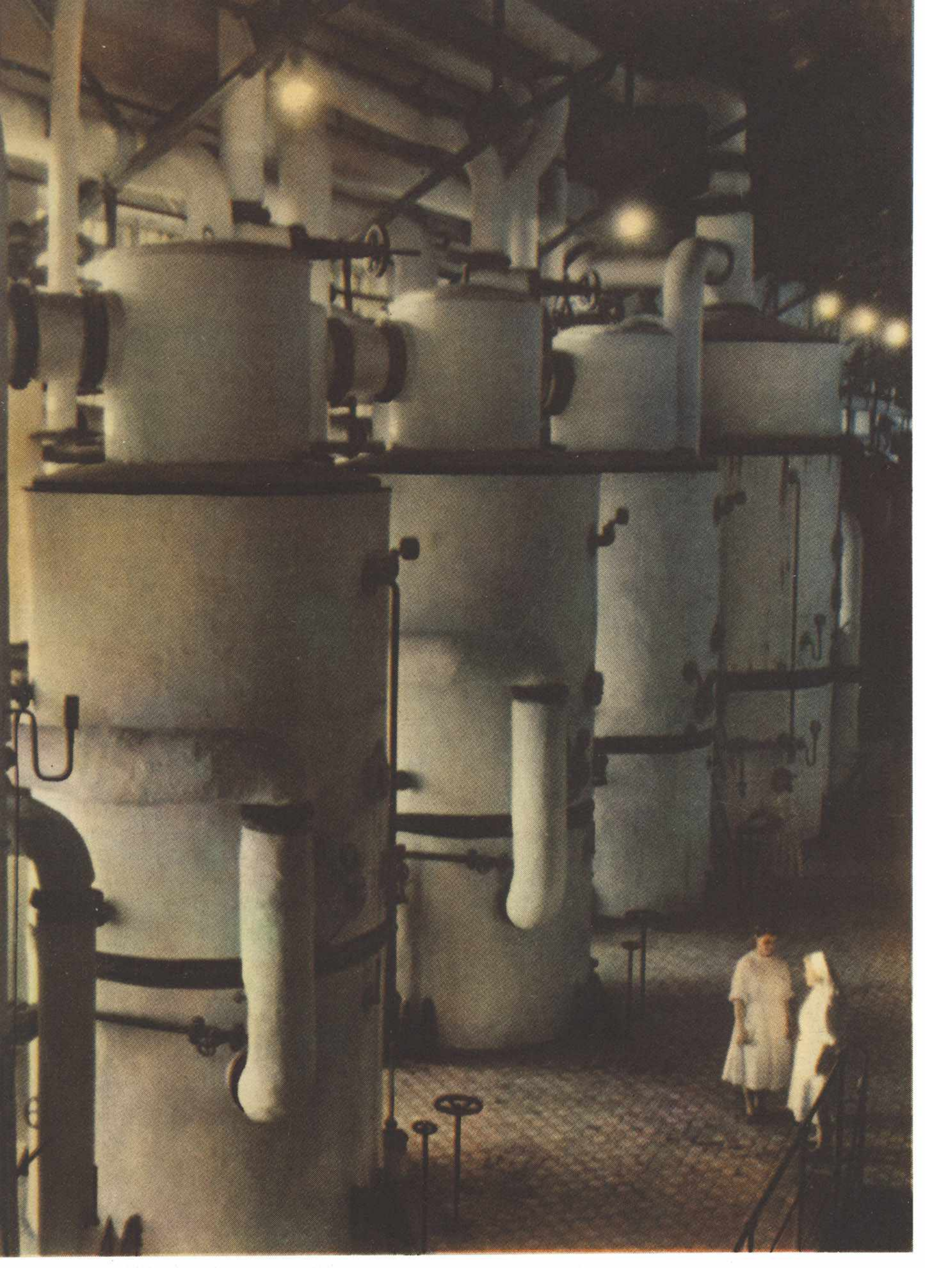

От сырьевой базы к заводу сбегаются многочисленные бетонированные каналы. Под бурным напором водяных струй свекла увлекается по гидравлическим транспортерам на завод (фото внизу, слева).

Ровно и ритмично работают механизмы. 30 тонн сахара сверх плана вырабатывают ежесуточно на заводе. Крепко слаженный коллектив выдвинул немало передовых рабочих сахарного производства. Среди них сатуратчица Нина Волкова. В цехе, где она работает, извлеченный из свеклы сахарный сок очищается от растворенных в нем примесей (фото внизу, справа).

Высоко вверх поднимаются белые колонны. Здесь из сахарного сока удаляется вода и получается сироп.

Большинство рабочих Жердевского завода имеет среднее образование. Многие из них учатся в техникуме. Специалистами сахароварения готовятся стать вакуум-аппаратчик Семен Овечкин и его помощница Валя Шевченко — студенты третьего курса вечернего отделения техникума сахарной промышленности.

Свекла, поступая на завод, претерпевает многочисленные операции и через восемнадцать часов заканчивает свой бег, превратившись в белоснежные кристаллы сахара. На всех этапах заводская лаборатория неотступно следит за качеством обработки.

Весь путь превращения свеклы в сахар скрыт от людских глаз. Лишь на короткое время сахар показывается на свет из сушильных барабанов, пробегает по валу магнитного сепаратора и снова скрывается. Его автоматически взвешивают и упаковывают.

Механические транспортеры укладывают мешки с сахаром в высокие штабели. Они недолго пролежат здесь. В тот же день железнодорожные составы повезут их в разные районы страны.

ЗАМЕТКИ ХУДОЖНИКА

Из творческого опыта

В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Иногда у пейзажиста случается так: большая картина пишется чуть ли не за один присест — за день, два, три...

Значит ли это, что дело тут в одном вдохновении? Дескать, таланту, помноженному на вдохновение, доступно все! Нет, далеко не так. Быстро пишется картина тогда, когда она уже сложилась, когда образ ее продуман прежде, нежели вылился на холст и бумагу. И если образ ясен, четок, картина пишется быстро. Бывает и так: картина вроде понятна, а все равно бьешься над ней, как рыба об лед, пока не найдешь ошибки в решении или в замысле.

Известный рассказ о том, что Саврасов якобы написал «Грачи прилетели» за один лишь день, а до этого и не помышлял о них, остается всего-навсего анекдотом, в котором спутана долгая работа над картиной с действительно скорым письмом натурных этюдов к ней.

Для нашей национальной живописной школы характерен такой путь к картине: сбор материалов (главное — этюды с натуры, ибо без натурной основы не может быть настоящего произведения), эскиз и наконец сама картина. Мы, пейзажисты, вместо детального эскиза часто ограничиваемся небольшим карандашным наброском, в котором решаем общую композицию вещи. Бывают случаи, когда и вовсе обходишься без эскиза, когда все в мыслях затеяно точно и уверенно, когда картина уже грезится, именно грезится, когда она твое детище, любимое, не навязанное, трижды выстраданное. Чаще всего дается картина упорным трудом. Не раз всердцах бросаешь ее, и снова возвращаешься, и плюнешь с досады на нее, и ночью к ней встанешь. Есть такое выражение: написать картину, что ребенка вырастить.

В картине художник выкладывается весь, говорит полным голосом, и зрителю судить: хорош ли голос, не фальшивит ли, бельканто ли это, а может быть, автор вовсе поет с чужого голоса?

Но какую писать картину, о чем, как выбрать сюжет? О поиске я и собираюсь поговорить.

Хорошая тема сама не придет в мастерскую, не постучит в дверь: примите, мол. Тема порой годами рождается. Только тогда она хороша, когда соответствует правде, когда в ней решается что-то важное, характерное, когда в теме есть идея. От идеи, от главного в теме чаще всего приходит содержание вещи. Может статься и наоборот: подметил художник в жизни интересное, и этот факт, это событие, эти люди так его взволновали, что не может он молчать, должен писать, обязательно должен писать. Большая тема, большая идея — все равно без них нет картины и не может быть никогда. И все же еще мало, чтобы была хорошая идея, задуман хороший сюжет, взялся за него хороший автор. Нужно, чтобы тема стала дорога художнику, больше того, чтобы он хотел писать именно это и ничто другое, всем сердцем хотел, чтобы сбить его с этого замысла было невозможно.

Разве картина Решетникова «Опять двойка!» любима зрителем только потому, что умело написана и есть в ней так называемый конфликт? Нет. С сердцем написано! Решетников ребятишек любит, у него были такие работы, как «Языка добыли» или «Прибыл на каникулы». Для него это не случайные сюжеты: жизнь советских детей — излюбленная тема художника.

Жанровые полотна С. Григорьева, Я. Ромаса, Т. Яблонской, пейзажи В. Крайнева, Г. Нисского, С. Чуйкова, К. Юона, А. Герасимова, В. Бакшеева, А. Грицая, Н. Ромадина, творчество Кукрыниксов не потому ли пользуются любовью зрителя, что художники душу вкладывают в кусок холста?

Не все мы можем писать картины о том, как строится Куйбышевская ГЭС или как льют сталь на новом металлургическом комбинате. У каждого из нас свой голос. Что хорошо одному, другому скверно. Одному — металлургический завод, другому — прибытие суворовца на каникулы, третьему — ледоход на Оке.

Индивидуальность художника — из серьезных самый серьезный вопрос. А об этом стали позабывать. Надо, чтобы художника не по этикетке узнавали, а по теме, по его манере, почерку. Не следует, конечно, во имя этого фокусничать и фиглярничать, но не секрет — на последних выставках столько картин похожих! Почему так? Да потому, что тема, сюжет выбираются зачастую случайно. Нет своего собственного непреодолимого стремления к картине, именно к этой и ни к какой другой.

Иной художник с одного на другое бросается: то он пишет историческую картину, то жанр, то пейзаж. Жизнь многообразна, и широта кругозора — вещь полезная. Репин все мог писать и все хорошо. Если художник многое может — добрó. Раз у него такой щедрый талант — с него много и спрашивается. А иногда ведь живописцы попросту распыляются. Хочется объять необъятное, за жар-птицей гоняются, а оказываются с пустыми руками.

Для Лактионова жанр — «Письмо с фронта» — его, родное, а историческая картина о Пушкине — случайное. Вот почему картина была обречена на неудачу.

Известно, что Сергею Герасимову пейзажи удаются лучше, чем его сюжетные вещи. В пейзажах он огромный мастер.

Каждому художнику необходимо иметь свою тему. Это не значит, что должно всю жизнь писать только на «свою» тему. Но это означает, что искать надо не без цели, не бросаться на первое попавшееся.

Великий пример ясности осознания задач живописца и гражданина — Суриков. Превыше всего на свете Василий Иванович любил свой народ. Он знал, ценил, уважал его силу, об этом писал, в этой героической теме нашел свое призвание, она его вдохновляла всю жизнь.

К каждому полотну Суриков делал десятки этюдов. Труда, затраченного мастером на любую из его картин, хватило бы другому на целую жизнь. Все у Сурикова писалось с натуры, любой кусок холста — будь то пейзаж, лицо, телега, полушубок,— все искалось и находилось.

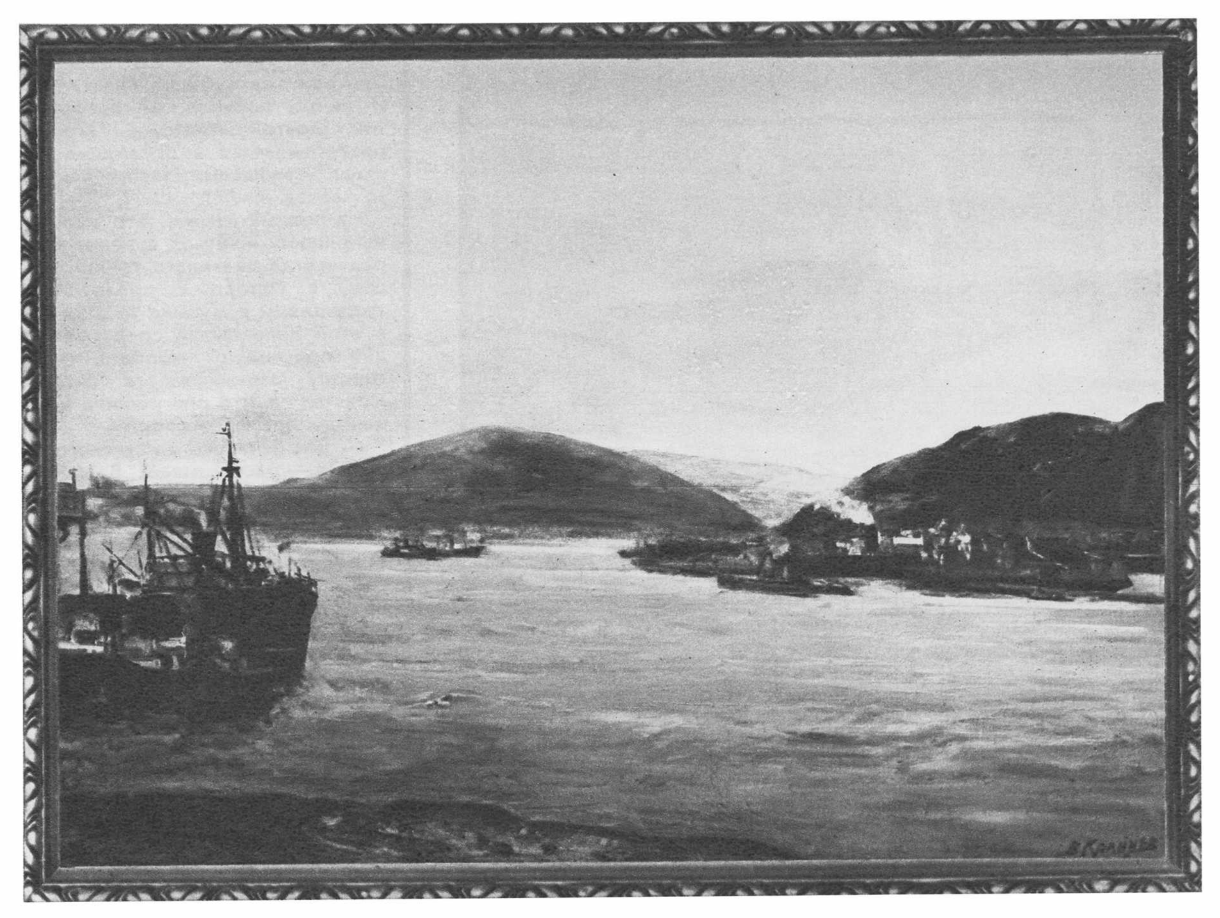
«Если бы я ад писал, то и сам в огне сидел и в огне позировать заставлял».

«Ничего от себя из головы — все с натуры».

Это суриковские золотые слова. Неутомимый в поисках материала, Суриков все подчинял картине.

О том, как Василий Иванович искал и находил для картины натурщиков, известно множество воспоминаний. О том, как для главного героя полотна «Меншиков в Березове» Суриков нашел подходящего человека, современник художника писатель Михеев даже рассказ написал. Для «Ермака» Суриков по всей Сибири странствовал, на Урале побывал, на Дону.

Великого живописца никогда не устраивало одно только внешнее сходство с созданным в мыслях образом. Нужно было найти в жизни и внутреннее сходство, найти определенный тип человека. Ведь боярыню Морозову Суриков не случайно искал среди староб-

В. В. Крайнев. У ПРИЧАЛА.

рядок. Рисование человека вообще, без желания найти определенный тип, Верещагин называл попросту чепухой.

В картине огромное значение имеет верность типажа. Нужно, чтобы зритель поверил героям картины, настолько должны быть они убедительны, жизненны. Сколько раз переписывал Репин ссыльного в своем полотне «Не ждали», добиваясь все большей правдивости! Репин, Крамской да и многие другие не раз просили Третьякова вернуть им на некоторое время приобретенные собирателем картины, чтобы кое-что поправить, изменить.

Когда мы думаем о русских богатырях, то невольно представляем себе их такими, какими их Васнецов написал. А прототип для Ильи Муромца нашел ведь Васнецов в крестьянине Владимирской губернии. Муромца написал он с самого обыкновенного человека, с Ивана Петрова. Потому что сила духа живет в простом русском человеке. Васнецов это понимал превосходнейше, и образ вышел убедительным.

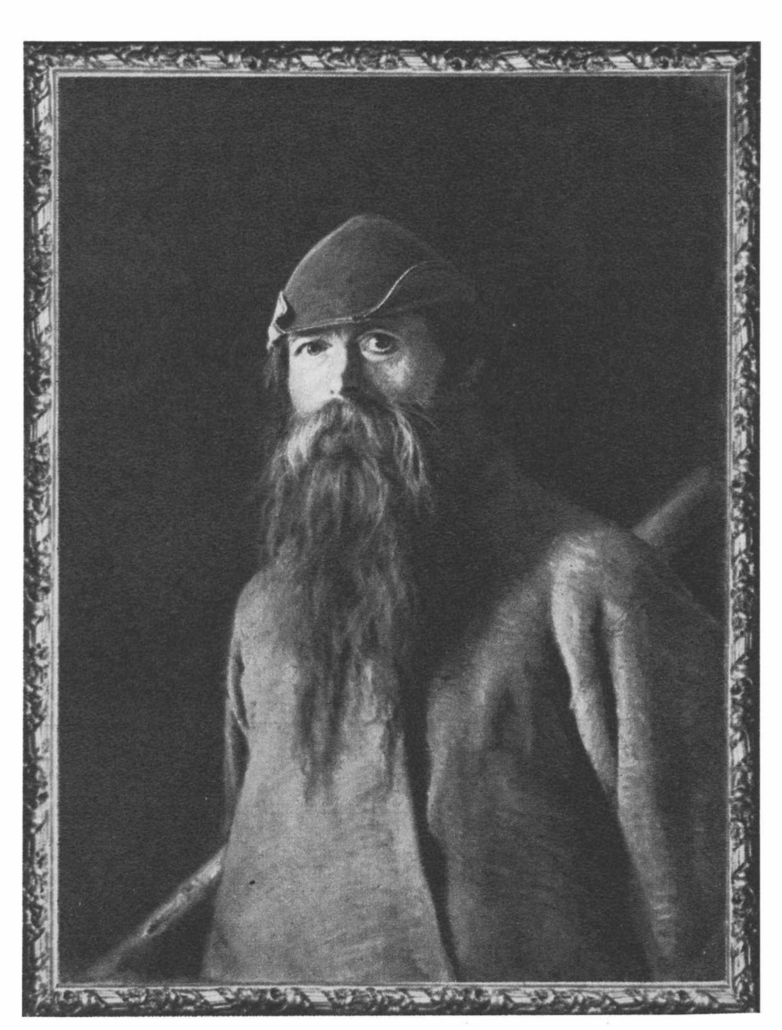
Когда, глядя на картину, изображающую по замыслу художника наших знатных людей, зритель не верит тому, что это знатные люди, а художники узнают в них штатных натурщиков, — куда это годится?

У такого талантливого мастера, как С. Григорьев, недостаток его полотна о строителях Каховки — неубедительность героев. Мало нервничают художники, мало бродят в поисках натуры, непростительно мало! Даже у Ю. Непринцева в его популярной картине о Василии Теркине, и то повторяются лица. У В. Серова в отличном полотне «Ходоки у В. И. Ленина» крестьяне похожи, как братья. Я ведь нарочно говорю о работах лучших живописцев. А то и такие «шедевры» встречаются, где с одного натурщика все действующие лица пишутся, если они, разумеется, одного пола.

По-моему, так: пейзажист не может написать картину о Байкале, не побывав на этом самом Байкале. Нельзя написать картину о героях Сталинградской ГЭС, не побывав в Сталинграде, не познакомившись с героями, больше того, не узнав их близко. Героизм не на поверхности лежит, не в эффектной позе, не в речах на собрании. Героизм — в самой душе советского человека. Ежели ты художник, изволь докопаться до самого сокровенного в людях, сумей показать их в тот счастливый момент, когда это сокровенное становится видимым. Есть такие картины в нашей живописи: «Допрос коммунистов» Б. Иогансона, «Портрет старейших художников» А. Герасимова, «Прием в комсомол» С. Григорьева.

Казалось бы, портрет — как тут разойтись? А вспомните репинский портрет Стасова 1883 года. Как там Репин «нашел» Стасова, нашел в момент его высшего творческого подъема, когда Стасов весь во власти своих дерзаний, мечтаний, славных мыслей! А «Полесовщик» Крамского? Весь он собрался, все в нем — энергия, все готово к борьбе, и веришь художнику, писавшему о том, что такие люди никогда не мирятся со злом и выходят из них Разины и Пугачевы. Задача Крамского была уловить в полесовщике момент высшего напряжения духовных сил, когда раскрывается весь человек.

Все это, мне думается, для нас, живописцев, вопросы первейшей важности.

И. Н. Крамской. ПОЛЕСОВЩИК.

Вольфганг Гейнц в роли Вольпоне в одноименной пьесе Бена Джонсона — современника Шекспира.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

На сцене Нового театра в «Скала», что на Фаротинштрассе, идет трагедия великого Шекспира. В роли Отелло выступает Вольфганг Гейнц, старый актер, имя которого в свое время украшало афиши лучших театров европейских столиц.

Он выходит на авансцену, и мы слышим его голос, полный печали:

— Я черен, вот причина. Языком... узоров не плету, как эти франты.

— Да, это Шекспир! — слышится восторженный шепот в зрительном зале.

Многие удивлены и обрадованы. В Вене нередко ставят Шекспира, но ставят на американский лад, заставляя Дездемону танцевать супер-фоксы, так что честному австрийцу становится стыдно за Вену.

Но сегодня в «Скала» венские зрители видят Отелло таким, каким его хотел видеть Шекспир. Зрители захвачены спектаклем. И ничто, кажется, не говорит о той, другой трагедии, которая развертывается в последние месяцы за кулисами Нового венского театра.

На первый взгляд это кажется неправдоподобным: в Вене, которая всегда славилась тонким вкусом, в городе с прекрасными традициями в музыке и драме, — в этой Вене ныне средь белого дня преследуют молодой театр, горстку отважных его актеров лишь за то, что они решили нести народу правду жизни.

— Все началось с «Русского вопроса»,— рассказывает Вольфганг Гейнц, режиссер и директор Нового театра.— Американские власти не дали разрешения на постановку этого спектакля. Тогда мы сняли помещение на Фаротинштрассе, где раньше помещался кинотеатр «Скала» (от него, между прочим, и пошло название Нового театра), и поставили все же «Русский вопрос».

Как и сегодня, в зале сидели рабочие венских заводов и фабрик, прогрессивная интеллигенция. Герой пьесы К. Симонова журналист Смит помог многим австрийцам найти верный ответ на вопросы, которые волнуют их.

В связи с этой премьерой в реакционной венской газете появилась передовая. Никто не сомневался, что она была оплачена американцами. Автор писал, обращаясь к актерам Нового театра: «Вы вычеркнули себя из рядов австрийцев. Вы предали Австрию». Прочитав утром газету, Вольфганг Гейнц сказал:

— Они очень сердятся на нас. Значит, мы верно выбрали репертуар.

Тогда решено было ставить «Тридцать серебреников» Говарда Фаста.

— Это был неплохой ответ им,— вспоминает Отто Таусиг, молодой, скромно одетый человек с поэтической шевелюрой.

Гейнц говорит о Таусиге ласково, как о сыне. Таусиг принадлежит к младшему поколению актеров Нового театра. Он приехал в Вену из Лондона, где находился в эмиграции. Вдали от родины юный Таусиг слышал о Гейнце и по возвращении пришел к нему читать свои стихи.

Старый актер посоветовал юноше поступить в драматическую школу. Отто блестяще выдержал экзамен и через два года снова пришел к директору Нового театра.

— Я хочу служить Австрии,— коротко сказал он.

Первый актерский гонорар был очень мал. Пришлось в свободные от театра часы перетаскивать ящики с овощами. Что ни говорите, а на двести шиллингов в месяц не проживешь. Театр не мог платить больше молодому актеру, но это не смущало Отто. Ныне он стал незаменимым человеком в театре: Таусиг не только актер, но и режиссер, драматург, администратор.

Я застал Отто Таусига за кулисами в тот момент, когда он набирал статистов для нового спектакля — «Мать». Роман Горького инсценировал немецкий драматург Бертольд Брехт.

— Бертольд уже приехал из Берлина и сейчас находится у нас, в «Скала»! — радостно сообщил Таусиг.

Его энергии можно было позавидовать. Он сердечно принимал будущих статистов и тотчас отправлял их в канцелярию театра, давал указания девушке-секретарю и уговаривал по телефону известную венскую актрису.

— Я думаю, что она все же придет к нам,— говорил он, кладя

кулисами венского театра

трубку телефона, но в его голосе не было уверенности.

— Нам объявили беспримерный в истории театральной Вены бойкот,— с возмущением рассказывает Таусиг.— Нас травят. Если вы поступили в «Скала»,— перед вами закрыты двери всех концертных залов Вены, от ваших услуг отказываются киностудии, радио, все другие столичные театры. Нас занесли в черные списки. Новый театр облагают непомерными налогами. Дирекция могла с большим трудом погашать свою задолженность, когда получала, как и другие венские театры, небольшие субсидии от магистрата — так называемые культургрошен. Но недавно магистрат принял решение лишить Новый театр всякой поддержки.

Это был тяжелый и, казалось, хорошо рассчитанный удар.

Отто Таусига командировали в отдел культуры магистрата. Шеф отдела отказался принять молодого актера. Тогда Отто пришел в магистрат, сопровождаемый солидной делегацией актеров и рабочих-зрителей. Они шумно вошли в приемную, заняли все стулья и заявили, что не уйдут до тех пор, пока ответственное лицо не примет представителя Нового театра.

На этот раз им пришлось недолго ждать. Отворилась высокая резная дверь. Ответственное лицо — аккуратный, модно одетый господин — приветствовало молодого режиссера.

— А, герр Таусиг! — с притворной радостью воскликнул чиновник магистрата. — Я слышал о вашей прекрасной игре.

Таусиг вежливо поклонился и положил на стол список спектаклей, приготовленных в последнее время его театром. Здесь наряду с пьесами известных австрийских драматургов были Шекспир и Толстой, Бернард Шоу и Гоголь, Говард Фаст и Мольер, Гете и Островский.

— Общепризнано,— отвечал чиновник, бросая беглый взгляд на список,— что ваш одаренный коллектив сделал немалые успехи и покоряет своим мастерством публику.

— Почему же вы лишили нас субсидий? — спросил Отто.

Возможно, что вопрос был поставлен слишком резко, но Таусиг не желал быть просителем.

— У магистрата нет денег,— холодно отвечал чиновник, сбросив маску учтивости.

— Прекрасно! — воскликнул Таусиг. — Мы обойдемся без субсидий. Спишите с нас налоги.

— Этого как раз мы не можем сделать.

— Но ведь вы это сделали для других театров! — не унимался Таусиг.

— Да. А для театра «Скала» мы этого не сделаем... Или вы заплатите налоги, или театр будет закрыт.

С этого момента сборщик налогов стал появляться на Фаротинштрассе. Каждое утро он поднимался по узкой каменной лестнице в кабинет директора и требовал немедленно погасить задолженность. Актеры нервничали. Но театр не прекращал своей работы, хотя именно в эти, особенно тяжелые дни количество зрителей стало катастрофически снижаться.

— Не ходите в «Скала»,— пугали венцев темные субъекты на улицах.

С каждым днем положение ухудшалось. Теперь где бы ни появлялся Вольфганг Гейнц, всюду за ним следовал чиновник финансовой службы. Дважды он находил его в здании другого театра. По австрийским законам, у неплательщика могли отобрать все наличные деньги и ценные вещи в счет погашения долгов театра. Чиновник подходил к Гейнцу во время антракта и просил показать бумажник. Однако при всем старании он не мог обнаружить в нем больше двух шиллингов.

Он прекрасно знал, что у Гейнца ничего нет, и все же обыскивал, чтобы унизить и оскорбить...

Подходил последний срок уплаты налога. Кое-кто уже готов был «служить панихиду» по Новому театру. Но актеры первыми собрали из своего гонорара небольшую сумму. Потом принесли деньги билетеры, кассиры, рабочие сцены. Но этого было все же очень мало. Вольфганг Гейнц, сидя в кабинете, задумчиво протирал стекла очков. Непосвященный человек мог бы удивиться его хладнокровию. Швейцар ругал Гейнца: можно бы сегодня и не сидеть сложа руки!

Вероятно, было уже готово распоряжение о закрытии Нового театра. И вот в Новый театр пришла группа людей в комбинезонах и рабочих блузах. Швейцар не хотел их пускать: еще рано для спектакля,— но, узнав, в чем дело, он распахнул перед рабочими двери с низким поклоном.

Они вошли в кабинет Гейнца и положили на стол свои трудовые шиллинги: «Мы собрали это на заводах, чтобы вы могли спокойно работать».

Так рабочие венских заводов защитили Новый театр. Они собрали столько денег, сколько требовалось, чтобы полностью погасить задолженность.

С тех пор театр, преисполненный благодарности к своим зрителям, стал чаще и чаще выезжать в рабочие районы Вены. Коллектив прибывает на завод, снимает где-нибудь рядом на вечер подходящий зал, быстро устанавливает декорации и показывает отрывки из своих спектаклей. Но чаще всего группа в три — четыре актера отправляется на окраины города с аккордеоном и гитарой...

Ныне во всех районах Вены созданы так называемые комитеты Нового театра. Они связывают актеров с зрителями, продают билеты, бывают на репетициях.

С последним трамваем актеры возвращаются по уже опустевшим улицам на Фаротинштрассе. Трамвайный билет стоит шиллинг 30 грошей. Дорого, очень дорого, если учесть мизерный актерский гонорар.

— Вы думаете, все выдерживают? — спрашивает Таусиг.

И тут же рассказывает о сцене, которая недавно разыгралась здесь, за кулисами, в маленьком кабинете администратора. Молодая актриса пришла, чтобы сказать, что она расстается с театром.

— Я знаю, что поступаю плохо,— говорила она,— но мне трудно... Хочется пожить немного и для себя.

У нее был очень несчастный вид. Она долго стояла молча, опустив голову.

— Почему вы все такие идеалисты? — наконец спросила она.

— В том-то и дело, что мы не идеалисты,— отвечал Таусиг.— Мы трезво оцениваем все, что происходит сегодня вокруг нас. И именно поэтому верим, что вы скоро вернетесь к нам.

В тот день все были огорчены. Что ни говорите, а тяжело, если друг бросает вас в тяжелую минуту. Но настроение поднялось на следующий день, когда все увидели на утренней репетиции артиста М., которым давно гордится Бургтеатр. Это популярный в Австрии человек, любимец венской публики. В последнее время он нередко приходил в «Скала», садился где-нибудь сбоку, чтобы быть незаметным, смотрел и слушал. Кажется, его интересовало все, что происходило здесь, но он никогда ни с кем не говорил об этом. В последний раз он захотел видеть Гейнца. Директора не было, тогда он подозвал Отто Таусига и сказал:

— Передайте все же вашим друзьям, что, когда я бываю у вас, я вижу свои ошибки. Вы выбрали трудный, но правильный путь.

В тяжелые минуты театр поддерживают его друзья. Отто Таусиг бережно хранит объемистую папку с письмами, полученными театром.

«Нам хочется сказать всем вам сердечное спасибо за те счастливые часы, которые вы нам подарили в этом году. Ваши спектакли говорят о том, что нас волнует. Они пробуждают высокое мужество и волю к самопожертвованию».

Это пишут супруги Ш. из 14-го района Вены.

«Нам нравится в вашем театре все, от маленькой жемчужины драгоценного юмора, которую с жадностью ловит зритель, до злой и разящей сатиры, которая пригвождает к позорному столбу тех, кто предает Австрию. Это не может не волновать нас. Все это сделало для нас ваш театр чрезвычайно близким. Все это наполнило нас чувством любви и дружбы к вашему коллективу, ко всем артистам и сотрудникам. Мы хотим еще сказать вам, что были глубоко возмущены, когда узнали, что вас лишили культургрошен, но мы остаемся верными Новому театру в «Скала» — вся наша семья. Мы надеемся, что вы еще доставите нам много радости своей талантливой игрой и своей прекрасной дружбой. До свидания и до новой встречи».

А вот другое письмо. В Новый театр пишет ученица 4-й школы Д. И.:

«Я ни один театр не люблю так, как «Скала». Я не представляю себе жизни без вас, и поэтому я считаю большой несправедливостью, что у вас отобрали эти несчастные культургрошен. Я хочу сказать вам, что зову всех в «Скала». Я пишу вам об этом потому, что думаю, это письмо может принести вам маленькую радость».

Мы листаем эти письма, и перед нами проходят страницы борьбы за Новый театр в «Скала». Пять лет назад Вольфганг Гейнц и его друзья создали свой реалистический театр. Они поступились личным благополучием, отказавшись от блестящей карьеры в театрах, имеющих богатых покровителей. Но зато Гейнц, Париля, Штер и другие прогрессивные артисты Вены получили возможность поставить гоголевского «Ревизора». Они осуществили и другое свое заветное желание — познакомили Вену с Говардом Фастом.

«Ваши спектакли помогают нам разобраться в том, что сегодня происходит в Австрии и куда хотят толкнуть ее американские политиканы». Мы вчитываемся в эти строки письма, адресованного мужественным актерам, и думаем о том, как глубоко ошибаются чиновники венского магистрата, полагая, что Новый театр очень беден. Нет! Это очень богатый театр, самый богатый из всех, какие когда-либо знала Вена.

Вена.

Сцена из спектакля «Ревизор» Н. В. Гоголя в постановке Нового театра в Вене.

На лондонском стадионе

Хидегкутти забивает шестой гол.

По страницам английских газет

Разные бывают футбольные встречи. Одни из них определяют лучшую команду страны, другие — олимпийского чемпиона, но бывают товарищеские игры, которые, хотя и не предусмотрены календарями, по значению своему превосходят многие официальные состязания.

Такой футбольный матч состоялся 25 ноября 1953 года в Лондоне между сборными национальными командами Венгерской Народной Республики и Англии.

Интерес к этому матчу был чрезвычайно велик. Несмотря на то, что лондонские зрители избалованы футбольными зрелищами, 250 тысяч человек пытались получить билеты на стадион Уэмбли. 1 885 корреспондентов газет, телеграфных агентств и радиокорпораций съехались в Лондон, чтобы присутствовать на этом состязании. Все английские газеты каждодневно писали о предстоящей встрече, вспоминая историю футбола, рассказывая о триумфальном пути сборной национальной команды Англии, публикуя длинные колонки цифр, которые красноречиво говорили о неизменных победах английских футболистов над всеми сборными составами, побывавшими на островах.

Девяносто лет сборная национальная футбольная команда Англии не имела поражений на своей земле. И хотя еще никто не уезжал из Англии победителем, в Европе давно уже ставили вопрос: продолжает ли Англия оставаться гегемоном футбола или наступил «конец эры»?

Однако английская пресса ни в чем не сомневалась. Она единодушно предсказывала победу своей национальной сборной, хотя и опубликовала заявление руководителя венгерской спортивной делегации тов. Себежа:

«Сотни приветственных телеграмм, полученных из Венгрии, показывают, что вся нация стоит за нами. Я уверен, что 25 ноября мы принесем любителям футбола во всем мире весть о победе над Англией».

Кто же прав: английские спортивные обозреватели или представитель венгерского футбола? Этот вопрос задавали себе многие перед началом матча. Девяносто лет сборная команда Англии не имела поражений на своей земле, теперь за 90 минут ей нужно было удержать рекорд непобедимости.

Попытаемся описать по данным английской прессы эти решающие минуты.

Голландский судья Лео Хорн вызвал команды на поле. В красных рубашках и белых трусах вышли венгры. Они знакомы нам по прошлогоднему выступлению в Москве. Здесь были Грошич, Бузански, Лантош, Божик, Лоранд, Закариаш, Будаи, Кочиш, Хидегкутти, Пушкаш и Цибор.

В белых рубашках и черных трусах выходят игроки сборной Англии. В ее составе: Меррик, Рамсей, Эккерли, Райт, Джонстон, Дикинстон, Мэтьюз, Тэйлор, Мортинсен, Сюэл и Робб. Английская пресса считала эту команду сильнейшей из всех когда-либо защищавших спортивную честь королевства.

Сто тысяч зрителей стали свидетелями интересной схватки, которая началась с первых же секунд игры. Великолепно рассчитанная молниеносная комбинация на 30-й секунде была завершена сильным ударом Хидегкутти. Мяч оказался в сетке английских ворот. И хотя на 15-й минуте хозяе-

Казалось, что мяч входит в сетку ворот, но вратарь венгерской команды Грошич в акробатическом прыжке выбил его на угловой.

Меррику приходилось много играть.

ва поля уравняли счет, напряжение, царившее на стадионе Уэмбли, не снизилось.

Печать сообщает, что венгерские футболисты показали невиданный для английских зрителей темп, виртуозное и свободное владение мячом, замечательное взаимопонимание. Их атаки напоминали ураган, сметавший на своем пути все преграды.

В течение 7 минут Хидегкутти и Пушкаш забили 3 мяча! Счет—4 : 1. Это был концентрированный удар такой силы, от которого английским спортсменам уже трудно было оправиться.

«Дейли геральд» справедливо писала: «Наши игроки выглядели в сравнении со своими противниками, как пешеход в сравнении со скороходом...». К перерыву счет стал 4 : 2.

После отдыха венгерского вратаря Грошича сменил в воротах Геллер. Картина мало изменилась, несмотря на то, что хозяева поля делали отчаянные попытки уравнять счет. «Они играли так хорошо, как могли, — пишет «Дейли геральд», — однако этого было недостаточно. Наше «секретное оружие» — правое крыло нападения — Мэтьюз и Тэйлор оказывали такое же действие, как если бы кто-нибудь боролся против атомной бомбы стрелами и луком».

Через 5 минут после перерыва венгры вновь штурмовали английские ворота. Правый нападающий Кочиш сильно пробил в сторону ворот. Мяч попал в штангу и отскочил на 20 метров в поле. Полузащитник Божик сходу послал его в сетку. Счет — 5 : 2. Спустя четыре минуты Хидегкутти забивает шестой гол!..

Газета «Дейли телеграф», описывая это состязание, заметила: «Нас превзошли в быстроте, ловкости, упорстве. Нам поставили проблемы, которые не мог бы никогда разрешить наш капитан команды».

Матч шел к концу. Нападающие английской команды попрежнему ничего не могли сделать с венгерской защитой. И третий мяч, забитый Рамсеем в ворота гостей с одиннадцатиметрового штрафного удара, ничего не мог изменить.

Свисток. Конец матча. Счет—6 : 3.

Так впервые за 90 лет сборная национальная команда Англии потерпела поражение на своей земле.

Случайно ли это?

Нам кажется, что нет. Послевоенный английский футбол дал много трещин. Уже не раз терпели поражения английские клубы (в том числе и команда-чемпион) на континенте, а англичане продолжали себя утешать непобедимостью... на своем поле. Но и на своем поле игры все чаще заканчивались не победой, а ничьей. В 1945 году сборная Англии свела к ничьей (2 : 2) игру с французами, которых раньше всегда побеждала; с таким же результатом англичане закончили встречу с Югославией. Ничьи преследовали английских футболистов. В 1951 году они с трудом добились ничьей в встрече с Австрией (2 : 2) и, наконец, в октябре этого года в матче, посвященном 90-летию английского футбола, со сборной ФИФА (Международная футбольная ассоциация), составленной из игроков Австрии, Италии, Югославии, Испании и Западной Германии, только с помощью одиннадцатиметрового удара ушли от поражения (4 : 4).

Да, легенда о непобедимости начала рассеиваться уже давно, и только английские специалисты продолжали пребывать в блаженной уверенности, что Англия владеет «секретным оружием успеха».

Английский футбол перестал быть гегемоном.

Усталый, взволнованный небывалым поражением, капитан команды Райт заявил после матча: «Против венгров мы не могли играть лучше».

Английский вратарь Меррик сказал: «Венгры имеют самую лучшую линию нападения, против которой я когда-нибудь выступал. Даже нападающие Аргентины и Уругвая не были так хороши».

Капитан венгерской команды Пушкаш заметил: «Мы могли бы улучшить наш результат по крайней мере на три гола. Когда наша команда вела 2 : 1, мы были уже уверены в победе. Мы понимали, что первые минуты могут стать критическими, но так как хорошо стартовали, то были абсолютно спокойны».

Небывалое поражение встревожило английскую общественность. Это с полной откровенностью высказали газеты.

«Дейли геральд»: «Порыв ветра, который пришел к нам с венгерской равнины, сметет наше старое представление о футбольной игре. Венгерские нападающие доказали, что искусные трюки, граничащие с волшебством, можно показывать не только на тренировках перед фотографом, но и в жаркой схватке и в поразительном темпе».

«Дейли телеграф»: «Мы должны себе уяснить, что Англии нужно создать новую команду, если мы не хотим подобной неудачи в играх на первенство мира».

«Дейли экспресс»: «Игра венгров была подкупающей в своей простоте и в то же время превосходна. Наш рекорд разбит. Но мы довольны тем, что склонились перед командой-мастером. Венгерская команда — лучшая из всех, когда-либо игравших в Англии».

«Дейли миррор»: «Нам придется учиться заново».

Чем же объяснить проигрыш англичан?

Нам кажется, что в первую очередь это объясняется консерватизмом: незыблемостью схемы игры, незыблемостью тактических принципов.

И еще есть одна причина поражения. Мы, советские люди, выражаем это словом «зазнайство».

В самом деле, разве не зазнайством следует назвать заявление английских специалистов, что «континентальный футбол является второклассным»?

Опасное заблуждение! Континентальный футбол давно уже начал перегонять своего бывшего учителя — футбол английский.

Английская схема «дубль вэ» была творчески переработана именно на континенте. Небесполезно напомнить, что вне Англии были разработаны новые принципы атаки: «сдвоенный центр», «блуждающий форвард», «атакующий полузащитник», «усиленный край» и т. д. Следует напомнить и о важном принципе коллективной игры, который стал законом для венгерской и многих других континентальных команд. (Это, конечно, не исключает игры индивидуальной.)

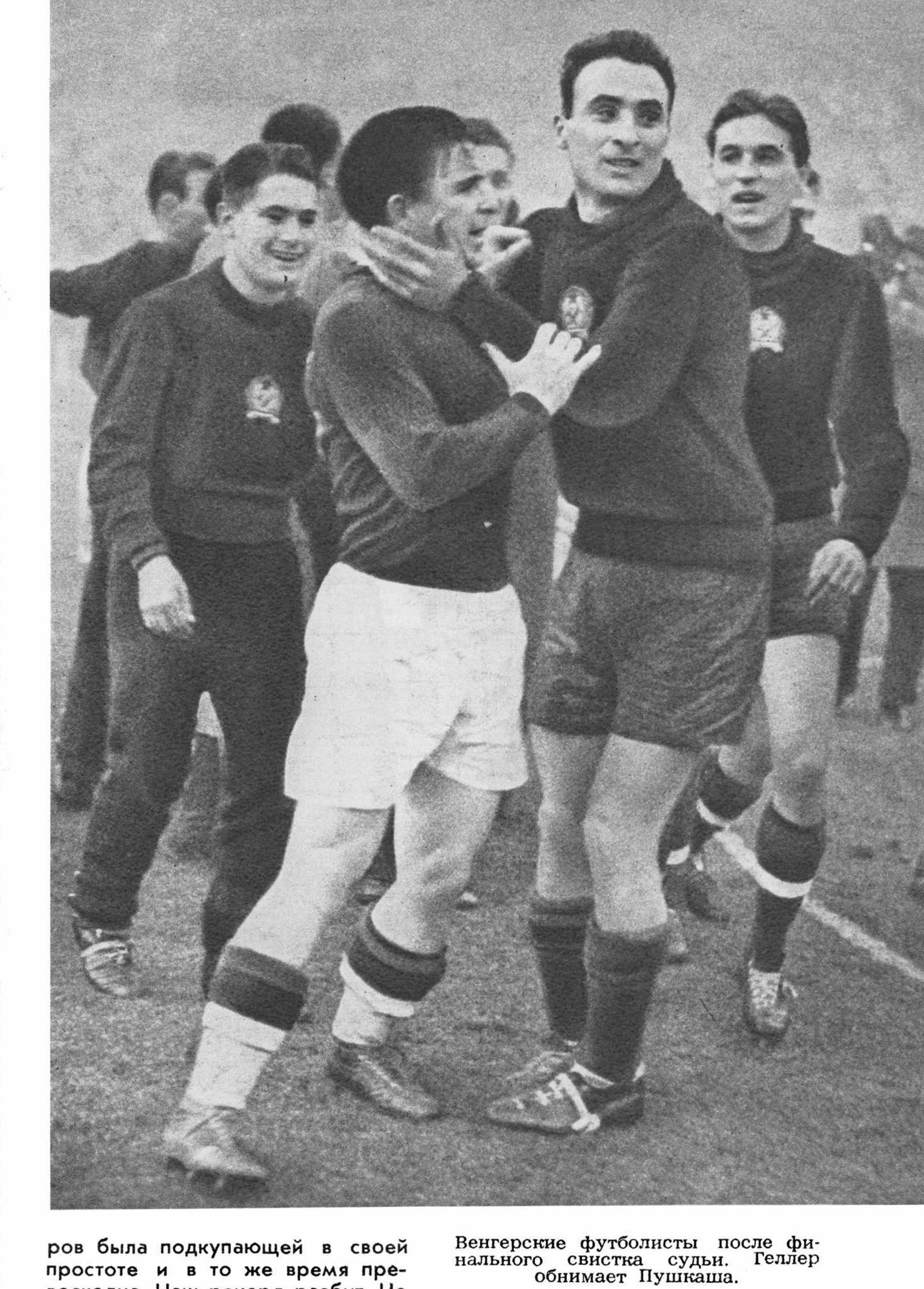
Венгерский футбол существует давно, но только после установления народно-демократического строя его уровень поднялся до мирового класса. Физкультура и спорт стали делом народа. Недаром венгерские футболисты после победы получили 8000 поздравительных телеграмм. Встречаясь с командами стран народной демократии, венгры творчески разработали новую технику, новую систему тренировок, которая давала возможность всесторонне развивать спортсмена. Результаты говорят сами за себя.

После поражения по Лондону распространился такой анекдот. Венгры в своем багаже привезли ящик, адресованный английской футбольной ассоциации. На ящике была надпись: «Открыть только после игры». По окончании матча ящик был открыт, и англичане нашли там записку такого содержания: «В этом ящике вы можете похоронить миф о непобедимости».

Такова юмористическая оценка матча Венгрия — Англия, данная самими англичанами, провожавшими победителей со стадиона Уэмбли аплодисментами и возгласами «Хорошо сделано!»

Голландская газета «Телеграф» резюмировала: «Английский футбол пережил свое Ватерлоо». Да, теперь всем ясно, что центр футбольного мастерства все стремительней перемещается с островов на европейский континент.

Спортивный обозреватель.

Венгерские футболисты после финального свистка судьи. Геллер обнимает Пушкаша.

Английский вратарь Меррик бросается в ноги Кочишу.

Моды

ВЕЧЕРНИЕ ПЛАТЬЯ

МОДЕЛИ АТЕЛЬЕ ТРЕСТА «МОСИНДОДЕЖДА»

1. Платье из пан-бархата, отрезное по талии. Лиф прилегающей формы с втачными, собранными и задрапированными рукавами. Юбка прямая, не сшитая спереди, с подшитым снизу пластроном и мягкими складками, заложенными по талии.

Ателье № 38. Автор модели — А. П. Поничева.

2. Платье из пан-бархата. Лиф отрезной по талии, драпированный спереди, с цельнокроенными рукавами. Юбка прямая. Спереди заложены мягкие складки. Сзади в швы юбки вшиты части кокетки, свободно драпирующейся спереди.

Ателье № 34. Автор модели — Е. С. Котова.

3. Платье из тяжелого белого шелка, цельнокроенное с рукавами и отворотами. Втачные бочка лифа с вытачками по линии боковых швов верхней частью вшиты в рукава.
Юбка падает фалдами благодаря тому, что под бочками она подсечена по линии талии и спущена.

Ателье № 45. Автор модели — М. Ш. Задорожная.

4. Это короткое нарядное платье рекомендуется шить из пан-бархата или тяжелого, плотного шелка. Бока лифа подкроены вместе с короткими рукавами, середина переда и спинки — вместе с кокеткой. В швы лифа втачены косые драпирующиеся по линии кокетки полосы ткани. Юбка прямая, узкая, с отдельно подкроенным, драпирующимся по бедрам и завязывающимся на боку куском ткани.

Ателье № 34. Автор модели — Е. С. Котова.

5. Нарядное платье из креп-жоржета с тканым бархатным рисунком отделано органди. Его можно шить также и из кружев и отделать накрахмаленным шифоном. Лиф прилегающей формы, юбка расклешенная, с мягкими складками спереди и сзади.

Ателье № 25. Автор модели — В. Ю. Корж.

Как сделать карнавальные костюмы

По просьбе группы учениц школы № 293 (Москва) мы даем образцы нескольких карнавальных костюмов художницы А. Судакевич, предназначенных для новогодних вечеров, школьных и студенческих балов.

УРОЖАЙ

Сшить желтый чехол с цельнокроенными рукавами. Из золотой бумаги вырезать колосья и укрепить их на плечах. Стебли сделать из желтых шнуров. Перехваченные у талии, они образуют юбочку.

На голову надеть венок из васильков и колосьев.

ПЛОДОРОДИЕ

Сшить пышное платье, низ и рукава которого сделать из тюля. Из оранжевой, желтой, красной и зеленой бумаги вырезать фрукты, овощи и листья, наклеить их на рукава и низ платья.

КЛОУН

Яркий комбинезон любого цвета отделать белыми снежками и жабо, скроенными из белой накрахмаленной марли.

ПОДСНЕЖНИК

Лиф и шапочку можно сшить из зеленого атласа. Лепестки цветка, сделанные из светлоголубой накрахмаленной марли, следует собрать в виде юбочки и пришить к лифу. Лепестки меньшего размера обшить проволочкой и пришить к шапке.

По этому принципу можно сделать любые цветы: розу, ромашку и т. д.

МОРОЗ

Из красной или синей байки сшить халат. Орнамент в виде елочек, опушку шубы и шапки выкроить из белой гофрированной бумаги. Варежки можно сделать из бязи.

Борода, усы и волосы делаются из ваты и прикрепляются к шапке.

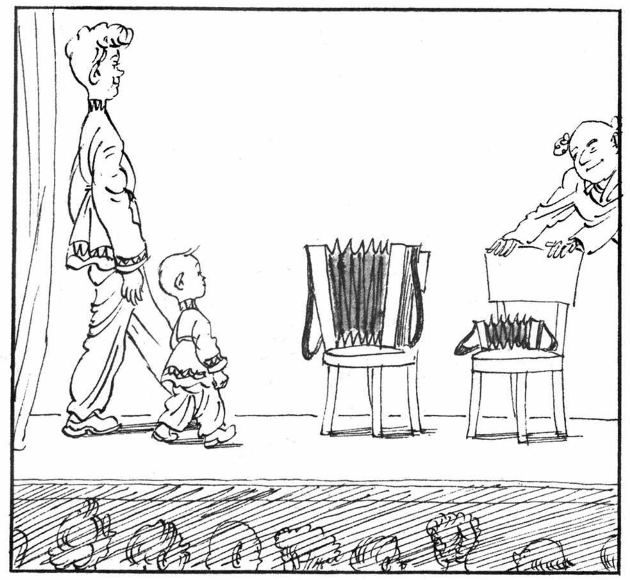
ЗАЙЧИК

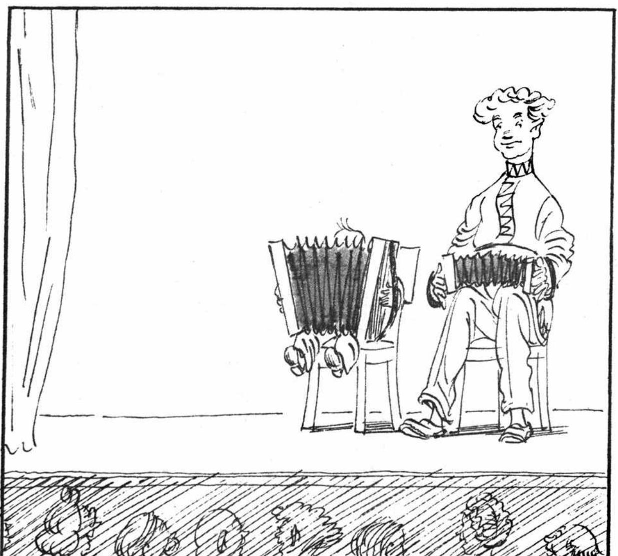
Сшить белый комбинезон с чулками и варежками. Из каркаса сделать уши, обтянуть их материалом и укрепить на шлеме.

СНЕГУРОЧКА

Светлоголубой сарафан из любого материала делается с пышными рукавами из тюля. Из сложенных вчетверо кружков бумаги разной величины вырезаются снежинки и наклеиваются на сарафан.

Такие же снежинки следует укрепить на проволочке в виде кокошника.

Изошутка Ю. Черепанова.

Гидростат под водой

Морской рыбный промысел существует много веков, но он все еще недостаточно изучен. Мало еще исследована жизнь рыб. Как они реагируют на внешние раздражители (механические шумы, свет), на колебания температуры, орудия лова, в частности, на идущий по морскому дну трал? Каковы условия образования рыбной стаи, как влияет окраска сетей на величину улова?

Все это неясно или совсем неизвестно. А знать это нужно, чтобы успешнее вести промысел, совершенствовать орудия лова.

Недавно группа советских ихтиологов, надев водолазные костюмы, спустилась на дно моря и при свете мощных прожекторов наблюдала там поведение рыб.

Затем был проведен другой интересный эксперимент: впервые в нашей практике был использован для изучения подводной жизни рыб специальный снаряд — гидростат.

...Погода выдалась на редкость тихая, на море почти полный штиль. Вдали от берега — исследовательское судно. На борту его — научные работники.

В гидростат входит кандидат биологических наук К. Константинов. Раздается команда: «Готово!» — и снаряд медленно уходит на дно. Наблюдатель через иллюминаторы внимательно следит за поведением рыб в условиях различного освещения. По телефону поддерживается связь с кораблем.

Двадцать два раза гидростат опускался под воду на глубину в несколько десятков метров. Ученые, сменяя друг друга, пробыли на дне двадцать девять часов, причем более шести часов — ночью.

Гидростат оказался весьма эффективным средством исследования подводной жизни рыб. Ученые получили ценные материалы. Например, рыбы, за которыми велось наблюдение, совершенно не реагировали на шум, доносившийся изнутри снаряда, а также на стук двигателя судна. Удалось выяснить видимость в воде рыболовных сетей разной окраски.

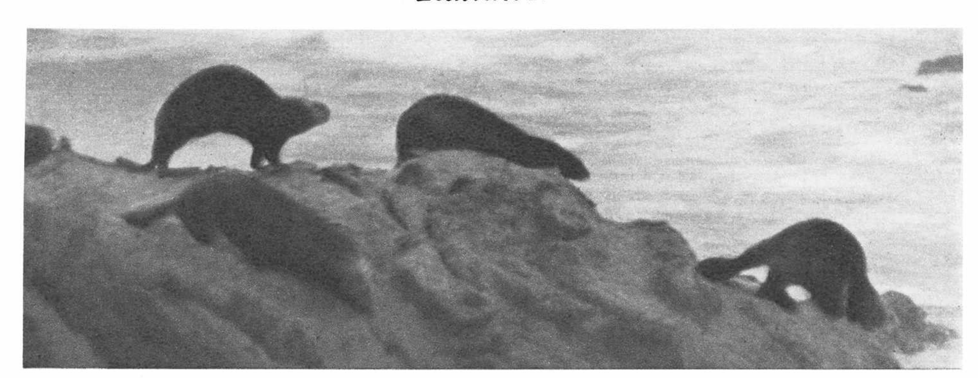
Подготовляется спуск гидростата на значительно большие глубины, чтобы добыть новые данные, которые осветят тайну поведения рыб на разных глубинах.

В ближайшее время в наши южные моря выезжает специальная научная экспедиция ихтиологов. Ученые будут наблюдать жизнь рыб на большой глубине. Впервые при подобных исследованиях используют подводную фото- и киносъемку.

Г. МАРКОВ

Каланы

Из почты «Огонька»

В Тихом океане есть небольшой остров Медный. На нем водятся редкие животные. Морские котики устраивают здесь свои лежбища. Голубые песцы настолько привыкли к человеку, что иногда делают норы под жилыми строениями.

Но особенно интересны морские выдры, или каланы,— редкие пушные звери.

Каланов можно увидеть у берегов острова. Большую часть времени они проводят в воде: кормятся, ныряя за морскими ежами, играют друг с другом или отдыхают в зарослях морской капусты.

На берегу каланов встретить трудно. Очень ловкие в воде, они неуклюжи и даже беспомощны на суше. Каланы очень чутки, и подобраться к ним близко почти невозможно.

Мне удалось сфотографировать группу каланов на прибрежных камнях, когда звери, учуяв человека, устремились к воде.

С. МАРАКОВ

Остров Медный.

Сатира за рубежом

Эволюция

Под этим заголовком «Чикаго дэйли ньюс» помещает следующий сатирический обзор эволюции боннского политика:

1944 год — «Хайль Гитлер!»

1945 год — «Я всегда боролся с этими фашистскими бандами».

1946 год — «Нас, немцев, не поняли».

1947 год — «Я не занимался политикой, я был нейтрален».

1948 год — «Я всегда служил моему государству и моей армии».

1949 год — «У фашизма было много хороших идей».

1953 год — «Хайль Гитлер!»

Газета, видно, «забыла» добавить, что к этому развитию западногерманской «демократии» руку приложили те самые силы, которые сейчас иронизируют по этому поводу. Как говорится: над кем смеетесь?

ШАШКИ

Решение концовки Н. Галанова и В. Родникова (№ 48)

1. b2—c3! d4 : b2 2. f4—e5! f6 : d4 3. h4—g5!! h6 : d2 4. c5 : a3 a7 : c5 5. b4 : h6, и выигрывают. Проигрывает 1. f4—e5 из-за 1... h6—g5! 2. e5 : c3 g5—f4 3. e3 : g5 e7—d6! 4. c5 : e7 a7 : h6 5. e7 : g5 h6 : g1 или 4. g5 : e7 d8 : f6 5. c5 : g5 a7 : h6, и белые проигрывают.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин С. И. Васильковского и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Повесть из трилогии Л. Н. Толстого. 7. Прибор для регулирования силы тока и его напряжения. 9. Французский драматург XVIII века. 10. Пещера. 11. Столица союзной республики. 12. Стенная живопись. 15. Город в Казахской ССР. 18. Денежные средства. 20. Адыгейский писатель. 21. Частая стрельба из орудий. 22. Объединение предприятий. 24. Писатель. 26. Народный музыкальный инструмент. 27. Часть города. 30. Единица измерения давления. 32. Государство в Азии. 33. Механизм для подъема и перемещения грузов. 34. Присутствие. 35. Совокупность физических упражнений. 36. Помещение для выращивания растений.

По вертикали:

1. Австралийское млекопитающее. 2. Пьеса М. Горького. 4. Шахматная фигура. 5. Род памятника. 6. Готовый продукт производства. 7. Вещество, вызывающее химическую реакцию. 8. Род гоночной лодки. 13. Наркоз. 14. Совокупность партий музыкального произведения. 16. Советский писатель-драматург. 17. Однолетнее травянистое растение. 18. Персонаж в драме А. П. Чехова «Три сестры». 19. Документ. 23. Сообщение. 24. Благородный металл. 25. Басня И. А. Крылова. 26. Групповые практические занятия. 28 Спортсменка. 29. Пьеса В. В. Маяковского. 31. Род рыболовной сети.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

5. Экономия. 8. Федоровы. 11. Пропашник. 13. Сегидилья. 14. Кондор. 15. Ветлуга. 17. Угломер. 19. Консистенция. 20. Обсерватория. 25. Комбайн. 26. Баженов. 27. Кишмиш. 29. Категория. 31. Евпатория. 33. Работник. 34. Диапазон.

По вертикали:

1. Эндшпиль. 2. Зяблик. 3. Офицер. 4. Трофимов. 6. Квартет. 7. Марш. 9. Духи. 10. Вольтер. 12. Конфигурация. 13. Сосредоточие. 16. «Громобой». 18. Грибница. 21. Помадка. 22. Абрезков. 23. Ледостав. 24. Монисто. 27. Килька. 28. Швандя. 30 Овен. 32. Айва.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление В. Епанешникова.

А 08603. Подп. к печ. 15/XII 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 965. Заказ № 3080. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НЕ ПОЛАДИЛИ.

Фотоэтюд Галины САНЬКО.

Цена номера 3 руб.

